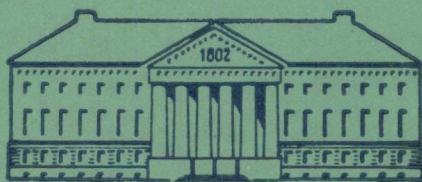

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHİK 439 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА РУССКОГО ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ III

ТАРТУ 1978

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 439 ВПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА РУССКОГО ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ РУССКОЙ АСПЕКТОЛОГИИ III

ТАРТУ 1978

Редакционная коллегия:
М. А. Шелякин (отв. редактор), П. С. Сигалов, Б. М. Гаспаров

О КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ВИДОВ РУССКОГО ГЛАГОЛА

А. В. Бондарко

Подход к определению значений сов. и несов. вида глаголов в русском и других славянских языках во многом зависит от общих принципов описания грамматических значений. В свое время автором этой статьи было предложено определение семантического содержания (семантического потенциала) сов. и несов. видов на основе компонентного анализа.¹ Такая интерпретация видовой семантики, по-видимому, целесообразна при определенных задачах исследования, в частности, при анализе функционирования видов (как один из возможных аспектов такого анализа). Понятие семантического потенциала видовых форм помогает систематизировать анализ употребления видов. На уровне частных видовых значений исследователь оперирует определенными дифференциальными семантическими признаками (именно этого уровня).² Такие признаки представляют собой варьирование, детализацию и конкретизацию дифференциальных семантических признаков, устанавливаемых на уровне языковой системы.

Вместе с тем возможна и целесообразна концентрация внимания на определении грамматического видового значения как целостной семантической величины. Иначе говоря, остается актуальной задача определения или уточнения собственно грамматического значения форм вида (того, что при компонентном анализе рассматривается как доминанта семантического потенциала сов. и несов. вида).

В этой статье ставится вопрос о том, к какому типу семантических структур относятся категориальные значения сов. и не-

¹ См.: А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (Значение и употребление). М., 1971, стр. 10—21.

² См., например: Т. А. Калабухова. Обобщенно-фактическое значение несовершенного вида при отрицании. — В. кн.: Функциональный анализ грамматических категорий и единиц. Л., 1976, стр. 47—59.

сов. вида. Основное внимание уделяется интерпретации значения несов. вида на основе различения категориального значения данной формы и ее значимости.

Остановимся на понятии категориального значения. Категориальными, с нашей точки зрения, являются значения, присущие грамматическим классам и единицам: а) классам морфологических форм (членам морфологических категорий и парадигм) и каждой из форм как единице, входящей в данный класс, б) классам конструкций (членам синтаксических категорий и парадигм) и каждой конструкции как единице, входящей в данный класс, в) грамматическим классам слов (частям речи) и каждой словоформе как единице, входящей в данный класс. В дальнейшем речь идет о категориальных значениях рядов морфологических форм — членов морфологических категорий (и каждой формы, входящей в данный ряд).

Основными признаками категориальных значений морфологических форм в славянских языках (а также в других языках представляемого ими типа) являются: а) обязательность (обязательность реализации данного значения в каждом акте функционирования формы или по крайней мере в центральной сфере ее функционирования), б) инвариантность (абсолютная для одних типов категориальных значений и относительная для других, когда речь идет об инвариантности определенного признака или комплекса признаков в пределах центральной сферы функционирования данной формы), в) системная релевантность, т. е. роль данного значения как признака (или комплекса признаков), лежащего в основе определенных грамматических классов и единиц, противопоставленных другим классам и единицам в замкнутой системе, г) опора на интегрированную замкнутую систему формальных грамматических средств.³

Категориальное значение морфологических форм мы рассматриваем как такую семантическую величину, которая не только устанавливается в системе языка (в определенной частной подсистеме), но и реально существует, действительно выражается в речи, при функционировании данной формы.⁴ Разумеется, в речи категориальное значение конкретизируется, обогащается дополнительными семантическими элементами, которые связаны с контекстом, речевой ситуацией, а также (в части случаев) с лексическим наполнением данной формы. Однако категориальное значение как определенный семантический инвариант реально выражается в речи. Если то или иное значение, устанавливаемое

³ Подробнее см.: А. В. Бондарко. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике. — В. кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, стр. 180—202.

⁴ Здесь и далее имеется в виду семантическое, а не структурное содержание морфологических форм (см.: А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976, стр. 11, 41—47).

в системе форм, нельзя трактовать как то содержание формы, которое она выражает при ее употреблении (и которое взаимодействует с контекстом), то это значит, что в действительности перед нами не категориальное значение формы, а лишь ее значимость, т. е. признак (или комплекс признаков), определяющий ее место в системе, но не несущий конкретной информации, не участвующий в формировании смысла высказывания. Таким образом, категориальное значение морфологических форм следует отличать от их значимости.

Если не предъявлять к категориальным значениям этого требования — быть реально выражаемым при функционировании форм, — то лишаются смысла все суждения о взаимодействии значения формы и контекста, значения формы и лексического значения словоформы и т. п., а эти суждения имеют достаточные основания.

Могут быть выделены следующие структурные типы категориальных значений морфологических форм: 1) целостное общее значение, охватывающее все функции данной формы; 2) основное значение, охватывающее центральные формы; 3) многозначные полицентрические структуры.⁵

К какому из упомянутых структурных типов категориальных значений относятся значения видов глагола в русском и других славянских языках? На наш взгляд, этот вопрос должен по-разному решаться по отношению к сов. и несов. виду.

Первый структурный тип категориальных грамматических значений — это единое целостное общее значение, охватывающее все функции данной формы как определенный положительный семантический признак. Имеется в виду признак, который определяется положительно (не негативно и не нейтрально). В качестве примеров семантических структур данного типа можно привести значение глагольных форм I-го лица, значение форм сравнительной степени прилагательных и наречий, значения предшествования (прошедшего времени), одновременности (настоящего) и следования (будущего), присущие,

⁵ Мы исходим из принципа множественности типов строения грамматических значений, который давно уже был сформулирован А. М. Пешковским: «Объединение... форм со стороны значения может осуществляться при помощи: 1) единого значения, 2) единого комплекса однородных значений, 3) единого комплекса разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7-ое. М., 1956, стр. 27). Во многом сходный подход к определению значений грамматических форм представлен в концепции В. В. Виноградова. Данная им характеристика падежных форм русского языка отражает многообразие семантических структур разных падежей, см.: В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове), изд. 2-е. М., 1972, стр. 139—147. Что касается концепции общего значения, то она, на наш взгляд, имеет право на существование, но не как глобальная модель описания значений грамматических форм, а как одна из моделей, соответствующая одному из типов семантических структур.

соответственно, формам типа *рассматривал* и *рассмотрел*; *рассматриваю*; *буду рассматривать* (о значении форм типа *рассмотрю* речь будет идти ниже). К данному типу относится и значение сов. вида, определяемое рядом исследователей как значение неделимой целостности действия (можно говорить и о значении ограниченности действия пределом, что связано с неделимой целостностью действия).

Категориальное значение сов. вида, как и другие категориальные значения, представляет собой явление не только языковой, но и речевой онтологии. Это языковое значение, которое реально выражается (в той иной частной реализации) в каждом акте употребления данной формы. Эти речевые реализации (и их устойчивые типы, относящиеся к онтологическим закономерностям функционирования элементов системы языка) отличаются друг от друга дополнительными семантическими признаками, обусловленными контекстом и речевой ситуацией, а в части случаев также и лексическим значением данной словоформы. Подобные дополнительные признаки так или иначе конкретизируют и варьируют (в определенных пределах) категориальное значение. Однако данный инвариантный признак присутствует в каждом акте употребления формы как категориальный элемент выражаемых семантических комплексов и реально выражается, участвуя в формировании смысла высказывания (речевого смысла).

Второй структурный тип категориальных грамматических значений — это основное значение, определяющее место данной формы в системе и охватывающее ее центральные функции. Что же касается периферийных функций, то они входят в семантический потенциал формы, но не охватываются ее категориальным значением, так как они не лежат в основе ряда форм, противопоставленного другим рядам-членам данной морфологической категории. Примером структуры этого типа может служить значение формы настоящего-будущего совершенного (будущего простого) в русском языке. Словоформы типа *рассмотрю* представляют ряд морфологических форм, объединяемых значением следования по отношению к исходной точке отсчета. По этому признаку данный ряд (куда относятся и формы будущего сложного типа *буду рассматривать*) противопоставлен рядам форм со значениями одновременности и предшествования. Это категориальное значение не охватывает периферийную функцию настоящего неактуального, которая реализуется в определенных условиях контекста, например: *Если судьба обрушится раз на кого бедою, то ударам ее и конца не бывает* (Достоевский. Дядюшкин сон).⁶ Можно привести и другие при-

⁶ Во многом иная трактовка значения этой формы представлена в кн.: А. В. Бондарко. Вид и время..., стр. 50—55.

меры семантических структур рассматриваемого типа: а) значение прямого объекта как основное значение винительного падежа (без предлога) в русском и других славянских языках, при наличии ряда периферийных обстоятельственных функций; в) основное значение участия адресата в осуществлении действия, присущее глагольным формам 2-го лица ед. числа, при наличии (в русском и ряде других славянских языков) периферийной обобщенноличной функции, которая выходит за пределы данного категориального значения.

Особой разновидностью рассматриваемого типа семантической структуры, на наш взгляд, является основное значение тех форм, которые представляют немаркированный член привативной оппозиции. Хотя теоретический анализ приписывает таким формам некоторое общее значение, заключающееся в отсутствии сигнализации того признака, который выражается маркированным членом оппозиции, мы не имеем оснований утверждать, что именно это значение реально выражается (в том или ином варианте) в каждом акте употребления данной формы. Действительно, указание на отсутствие у немаркированного члена оппозиции того признака, носителем которого является маркированный член, касается лишь значимости данной формы, общей характеристики ее места в системе, но не представляет собой реального значения, выражаемого при употреблении формы. Реальной семантической величиной, которая выступает как в системе языка, так и в речи, является в данном случае не общее, а основное значение морфологической формы. У форм, о которых идет речь, это значение противоположно значению маркированного члена оппозиции. Именно это значение определяет семантическую специфику данной формы.

Основное значение форм такого рода, действительное для центральной сферы их употребления, сочетается с периферийными функциями, реализующимися в условиях нейтрализации привативной оппозиции или частичного сближения функций ее членов. Эти периферийные функции определяются значимостью данной формы как немаркированного члена оппозиции, но они не охватываются категориальным значением.

Именно к этому типу семантических структур относится, на наш взгляд, значение форм несов. вида в русском и других славянских языках. Значимость этих форм, их место в системе определяется как отсутствие указания на целостность действия. Но реальным значением форм несов. вида в центральной сфере их употребления является основное значение нецелостности действия, противоположное значение сов. вида. Случаи же типа — *Егор мне докладывал* (Тургенев. Записки охотника); *Я его не упрекал* (Чехов. Интеллигентное бревно); *Кто-то бросается мне на грудь и чуть не сбивает меня с ног* (Бунин. Сосны) не охватываются категориальным значением

несов. вида, хотя такое употребление (в первых двух примерах — обобщенно-фактического типа, в последнем — употребление в плане настоящего исторического, в тех условиях, которые определяются как нейтрализация видового противопоставления) обусловлено значимостью немаркированного члена оппозиции.⁷

Итак, мы не считаем ложным утверждение, что несов. вид как немаркированный член противопоставления не сигнализирует признака целостности, т. е. не говорит ничего о наличии или отсутствии этого признака. Мы лишь интерпретируем такое утверждение как определение значимости несов. вида, а не его категориального значения.⁸ Категориальное значение несов. вида, на наш взгляд, противоположно значению сов. вида, это значение нецелостности действия (если значение сов. вида определять как ограниченность действия пределом, что вполне согласуется с признаком целостности и совместимо с ним, то значение несов. вида соответственно должно быть определено как неограниченность действия пределом). Именно это значение (нецелостности, неограниченности пределом) и выражается в центральной сфере функционирования несов. вида, противопоставленной «зоне» сов. вида и не пересекающейся с нею. Данное значение лежит в основе конкретно-процессной, неограниченно-кратной и постоянно-непрерывной функции несов. вида. Что же касается обобщенно-фактической функции, а также употребления несов. вида в условиях нейтрализации видового противопоставления (в настоящем историческом и некоторых других позициях), то в этой периферийной области функционирования несов. вида отражается нейтральное отношение несов. вида к противопоставлению целостности-нецелостности, ограниченности-неограниченности действия пределом.⁹

⁷ Если при анализе функционирования морфологических форм, в частности форм вида, используется понятие категориального значения, то целесообразно говорить не о частных значениях (этот термин соотнесен с «общим значением»), а о семантических функциях, выступающих в разных типах употребления данной формы; думается, что можно и непосредственно оперировать термином «тип употребления». Последний термин используется нами в разделе об употреблении видов в академической «Русской грамматике» (под ред. Н. Ю. Шведовой, т. I, М., 1978, в печати).

⁸ По мнению С. Д. Кацнельсона, сторонники «общих значений» руководствуются сосюрровским пониманием значимости (см.: С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 20—21). На наш взгляд, на понятия значимости непосредственно основана трактовка значения немаркированного члена привативной оппозиции. Что же касается «общих значений» маркированных членов таких оппозиций, то по крайней мере в части случаев они представляют собой не только значимости, но и подлинные значения. Таково, в частности, и значение сов. вида. Это реально выражаемое значение, которое вместе с тем занимает определенное место в системе (и с этой точки зрения обладает определенной значимостью).

⁹ Это положение во всем основном согласуется с тем, что отмечалось в статье 1962 г.: «В условиях видового противопоставления как в одной позиции (в том числе и при конкуренции видов), так и в разных позициях несовершен-

Такова одна из возможностей трактовки категориального значения несов. вида. По-видимому, широко распространенное истолкование общего значения несов. вида как отсутствия указания на тот признак, который выражается сов. видом, представляется менее убедительным. Однако при таком решении пришлось бы признать, что значения сов. и несов. вида имеют различный «статус существования» по отношению к речи. Значение сов. вида не только устанавливается в морфологической системе видов, но и реально выражается во всех случаях функционирования сов. вида (всегда, по отношению к любому тексту можно сказать: здесь, как и в других случаях, сов. вид выражает действие в его неделимой целостности, действие, ограниченное пределом). Значение же несов. вида оказалось бы таким, которое определяется применительно к языковой системе, но не выражается в основной массе случаев функционирования несов. вида. Например, при анализе высказывания — *Кто там идет?* мы не можем утверждать, что здесь несов. вид ничего не говорит ни о наличии, ни об отсутствии признака целостности. Поэтому представляется более предпочтительным то решение данного вопроса, которое предлагается (в порядке обсуждения) в этой статье.

ный вид выражает отсутствие известного признака (неделимой целостности действия); лишь в условиях нейтрализации видового противопоставления несовершенный вид оказывается нейтральным по отношению к этому признаку, т. е. способным к его немаркированному выражению» (А. В. Бондарко. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. 23, 1962, стр. 202). По существу та гипотеза, которая излагается нами сейчас, представляет собой развитие тезиса, высказанного в статье 1962 г.

О ВТОРИЧНЫХ ФУНКЦИЯХ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ВИДА И ВРЕМЕНИ

Ф. Ф. Авдеев

1. В своем исследовании мы исходим из необходимости различать на синтаксическом уровне тернарное соотношение «форма — значение — функция» и неправомерности отождествления функции и значения. Последовательное разграничение названных понятий позволяет выделять функции первичные и вторичные, что важно не только для понимания динамики синтаксиса, но и для цельности и адекватности синтаксического описания.

Как правило, элементарная функция в системе языка прикреплена к какой-либо ее части и находит в структуре этой части свои средства выражения, или «свой формальный аппарат», который есть основания считать «первичным формальным аппаратом функций» (27, § 2).^{*} Однако в процессе функционирования языка морфологические формы вследствие возможности множества одновременных проявлений языка, вследствие асимметричности языкового знака вообще могут выступать не только в первичных (примарных), но и вторичных (секундарных) функциях [См. 11; 15; 9; 16; 17; 28]. Ю. Д. Апресян на основании этого склонен даже говорить о «вторичных валентностях» [4].

Под первичной мы понимаем функцию той или иной морфологической формы в релевантной позиции, выражающую в нейтральном контексте парадигматическое (первичное) значение данной формы, то есть в этом случае форма выполняет свою прямую, возложенную на нее системой языка функцию. Первичным значением считаем функционально независимое значение формы.

Вторичную функцию словоформа может получить как в релевантной, так и в нерелевантной позиции. Выполняя вторичную функцию, в релевантной позиции грамматическая форма получает синтагматическое коннотативное (добавочное, сталистиче-

^{*} Здесь и далее в скобках указаны номера работ согласно списку, помещенному в конце статьи. Через запятую указываются страницы или параграфы.

ское) значение или новую грамматическую функцию, а в нерелевантной позиции — синтагматическое сигнификативное (обобщенное, понятийное) значение.

Вторичные способы выражения тех или иных функций возникают на основе первичных и в значительной мере зависят от специфики устройства данного языка, его «первичного формального аппарата». Вторичная функция грамматической формы возникает в результате вторжения, или, как иногда говорят, транспозиции этой формы в область первичных функций других форм (подробнее о причинах возникновения так называемых «дублеров», вторичных функций форм см. 28, 12—22). Поскольку в этом и некоторых других случаях наличествует более широкое понимание термина «транспозиция» (см., например 18), считаем необходимым уточнить, что мы в данном исследовании под транспозицией понимаем переносное употребление * грамматических форм. Аналогичное понимание транспозиции находим у А. В. Бондарко [7, 129], Е. Кржижковой [15] и др.

В принципе любая вторичная функция должна бы содержать экспрессию. Но поскольку все познается в сравнении, а для некоторых функций в каком-либо языке может не оказаться специальных грамматических форм, то форму во вторичной функции сравнивать не с чем. Вот почему практически получается, что те или иные грамматические формы, по стечению обстоятельств, по необходимости принимая на себя первичные функции других форм (отсутствующих в языке), не несут экспрессии. В связи с этим заметим, что, кроме того, следует отличать также внутреннюю, присущую данной форме (ингерентную) экспрессивность от экспрессивности, приобретаемой формой в контексте (адгерентной).

Опираясь на результаты наших наблюдений над функционированием глагольных категорий времени и вида в плане исторического настоящего и на исследованиях различных языковедов по грамматическим категориям и значениям (многочисленные работы А. В. Бондарко, а также [3; 9; 10; 12; 13; 19; 22; 25; 29; 30; 31; 32; 33; 34 и др.]), мы пришли к необходимости различать:

1) вторичные функции, обусловленные отсутствием специальных грамматических форм,

2) вторичные функции, являющиеся следствием нейтрализации смысловозначительного противопоставления (тоже вызваны отсутствием специальных грамматических форм для позиции нейтрализации) и

3) вторичные функции, основанные на транспозиции (переносном употреблении) грамматических форм [ср. 9, 65].

* Ср. замечание Н. Ю. Шведовой о том, что «термин «транспозиция» целесообразно было бы сохранить только для обозначения живых переносов» (О долженствовательном наклонении. — В сб.: Синтаксис и норма. М., «Наука», 1974, с. 120).

2. Под настоящим историческим (*praesens historicum*) мы понимаем употребление настоящего времени вместо прошедшего для изображения прошедших фактов как бы совершающимися в момент речи перед глазами слушателя (читателя). Пример: 1) И вот наш романтик на свой страх и риск *садится* в самолет и *мчится* из Москвы на Колыму (Газета «Известия»). Иногда в определении настоящего исторического вносят очень важную деталь: настоящее историческое используется, «чтобы придать живость повествованию» [5]. По выражению Е. Кржижковой, настоящее историческое выражает скорее чувство, чем мысль [14, 252]. Такое определение функциональной сущности исторического настоящего встречается по отношению к различным языкам, и с ним нельзя не согласиться, хотя в современном русском языке «живость» сопутствует историческому настоящему не всегда, что обусловлено в отдельных случаях специализацией употребления настоящего времени. Например, «живость» эта несколько блекнет в тех случаях, когда весь рассказ или роман написан в презенсе — тогда это основной план повествования.

Однако если в стилистической интерпретации исторического настоящего среди лингвистов не наблюдается особых расхождений, то этого нельзя сказать относительно его грамматического статуса, его места в системе грамматических времен и их значений.

Как и в любом другом случае, форма презенса в плане исторического настоящего являет собой не одно и не два грамматических значения, а сразу несколько (значения времени, лица, числа и др.). А если еще учесть то, что исторический презенс представляет собой вторичную функцию, то его анализ еще более усложняется, так как вторичная функция с неизбежностью преобразует и даже снимает некоторые первичные значения. Например, имперфективная форма в историческом настоящем наряду с неограниченно-кратным может выражать и ограниченно-кратное значение, тогда как в первичной функции (в плане реального настоящего) она способна выразить только первое из них.

Таким образом, перед исследователем исторического настоящего встает множество проблем. И в первую очередь необходимо все-таки решить, первичная это или вторичная функция презенса. Если вторичная, то какая именно, чем обусловлена: отсутствием специальной грамматической формы или транспозицией. Релевантную или нерелевантную позицию являет собою историческое настоящее? Как влияют новая функция и позиция на различные грамматические значения формы, для каких значений это релевантная позиция, для каких — нерелевантная? Перечень проблем можно было бы продолжить, но рамки статьи не позволяют нам коснуться хотя бы вкратце даже названных. Мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Как уже было сказано, историческое настоящее представляет

собой употребление форм настоящего времени, являющегося для них первичной функцией, в значении прошедшего. А прошедшее время в русском языке в свою очередь имеет специальные формы выражения. Следовательно, формы презенса используются в данном случае вместо других форм, выступая тем самым во второй функции.

Здесь нужно решить, является ли историческое настоящее относительным (релятивным) употреблением, подобным, например, немецкому имперфекту или плюсквамперфекту, потому что одни исследователи (см. 1, примечание 25), признавая историческое настоящее транспозицией, идентифицируют его с относительным употреблением, другие, наоборот, в явных случаях относительного употребления (таких, как: *Через минуту он услышал, что она плачет. Дина видела, как он вздрагивает*) видят историческое настоящее (например, 8, 136). Под относительным употреблением временных форм принято понимать случаи, когда время действия ориентировано на какой-либо другой момент, помимо момента речи (подробнее см. 1). В современном русском языке, как известно, специальные относительные времена отсутствуют. И в абсолютном и в относительном значениях функционируют одни и те же формы. Историческое настоящее тоже ориентировано на какой-либо момент в прошлом. Вот эта общность ориентации как раз и заставляет, видимо, отдельных лингвистов считать историческое настоящее относительным употреблением. Рассмотрим примеры: 2) Спуск проведен успешно. Вот как это было. Подобно гигантской стрекозе, наш вертолет стремительно *скользит (скользил)* над степью. После дневного зноя степь *начинает (начинала) понемногу остывать*, В белесой предвечерней дымке *высится (высился)* над горизонтом огромный медный диск солнца . . . (Газета «Известия»); 3) По той же железной, гремящей лестнице я *выбираюсь (выбрался)* во двор и тут *убеждаюсь (убедился)*, что снова льет дождь. Не раздумывая, *залезаю (залез)* в машину и *принимаюсь (принялся) ждать* (А. Адамов). Все случаи исторического настоящего в этих примерах можно заменить формами прошедшего времени без всякого ущерба для смысла (см. замены в скобках). Потеря ощущается только в стилистическом отношении: в плане исторического настоящего события изображаются происходящими перед нашими глазами, при переводе же повествования в план прошедшего они оказываются целиком сдвинутыми в прошлое.

Вернемся еще раз к последнему примеру. Почему, переводя события в план прошлого, мы оставили без изменения одну форму *льет*? Потому что ее замена *лил* влечет за собой изменение смысла высказывания: получается, что дождя во дворе уже нет. Оказывается, в этом примере презенс *льет* представляет собой относительное употребление, указывает на то, что данное действие было одновременным с другим действием; и заменять дан-

ную форму нельзя, хотя это и вторичная функция ее. Нам нечем заменить эту форму. Дело в том, как мы уже сказали, что в русском языке специальные относительные временные формы утрачены. Приведем еще примеры относительного употребления: 4) Я же был, как докладывал вам, природный конэсер и этот долг природы исполнял совестно: ни за что я того, кому *служу*, обмануть не мог (Н. Лесков); 5) Как-то приехал в село лесник с дальнего кордона и сказал, что *есть* в его обходе осиротелая лосиха (В. Астафьев); 6) Она плясала и видела, как *смотрит* на нее широкоплечий красивый парень, видела, как он закуривал с Африхой (В. Белов); 7) Из окна в окно через дорогу было видно мне, как Семен Лутков *пил* чай (Е. Носов). Первые два примера не допускают замены презенса претеритом, ср. невозможность замены: *служил*, *была*. В шестом вместо презенса можно поставить форму прошедшего времени *смотрел*, а в седьмом, наоборот, — претерит заменить презенсом. В некоторых случаях создается впечатление, что презентная форма в относительном значении употреблена взамен формы с прямым значением. В действительности это не так. Замена относительно употребленной формы иногда оказывается возможной лишь потому, что она ориентирована на глагол восприятия или чувства. Этот глагол своей правой валентностью проецирует обязательную одновременность: в таком случае мысль становится понятной и при наличии претеритальной формы, а повествование оказывается строго выдержанным формально. Возможность замены может быть обусловлена также союзами или союзными словами в придаточном предложении [См. 23, 13—14].

Одной из главных особенностей исторического настоящего является то, что оно не просто ориентировано на прошедшее, но используется вместо формы прошедшего времени и во всех случаях может быть заменено ею. Оно используется с изобразительными целями. Тогда как относительное употребление презенса вызвано грамматической необходимостью — отсутствием нужных форм. Если бы историческое настоящее представляло собой относительное употребление, то в языках, имеющих специальные относительные формы времен, оно не имело бы особого изобразительного значения и просто включалось бы в систему этих форм. Однако, как показывают исследования языков с широкой сетью относительных времен [например, 21, 31], историческое настоящее в своем употреблении не пересекается с относительными временами. Следовательно, нет оснований и в русском языке считать его относительным употреблением, даже при том условии, что в современном русском языке все многообразные функции глагольного времени возложены по сути дела на одни и те же формы.

Историческое настоящее прослеживается в различных языках с древнейших времен, и всегда ученые отмечают его необычность.

Это особое явление в языке. Оно имеет свои формы, конструкции, свои значения и, наконец, свое, особое, назначение в языке.

3. Итак, мы рассмотрели два вида вторичных функций: функцию, обусловленную отсутствием специальных грамматических форм (относительное употребление) и функцию, основанную на транспозиции. Теперь, оставив в стороне относительное употребление, сравним вторую и третью функции — нейтрализацию и транспозицию.

3.1. Условия и цели транспозиции и нейтрализации различны. Правда, частично сходны результаты — синонимия форм, но и они, в связи с различными условиями и целями, также отличаются.

Нейтрализация смысловозначительного противопоставления предполагает, что та или иная оппозиция больше не осуществляется. Нейтрализацию имеем в том случае, когда для говорящего не имеет значения ни тот, ни другой из противопоставленных признаков членов оппозиции, то есть действие или состояние обозначается грамматическими формами в отвлечении от этих признаков, «обозначается вообще». Грамматические формы (или форма), утрачивая различительные признаки, используются в значении, которое потенциально заключено в каждой из этих форм, — в *обобщенном, сигнификативном* значении.

Нейтрализация — это снятие противопоставления.

При транспозиции же ничего не нейтрализуется. Противопоставление не снимается, как думают некоторые исследователи, а «работает», создавая стилистический эффект. Находящиеся в парадигматическом отношении формы употребляются одна вместо другой. Поэтому Е. Курилович считает возможным в подобных случаях говорить о «стилистическом чередовании форм» [17, 79—80]. Транспонируемая форма не утрачивает своего инвариантного значения, а вместе с ним при помощи контекста выполняет функцию оппозитивного ей члена. Безусловно, форма при этом «вступает в спор» с чужим для нее контекстом. А. М. Пешковский даже находит полное противоречие между значением формы и контекстом [25, 189], но, на наш взгляд, контекст в этом «споре» всегда оказывается более сильным. Форме ничего не остается как подчиниться. И она формально подчиняется — выполняет не свойственную ей функцию. Вспомним примеры настоящего исторического (см. выше), форма презенса в них, выступая в значении прошедшего, не теряет своего инвариантного значения — значения настоящего времени. В. А. Богородицкий о переносном употреблении пишет следующее: «...неправильно говорят в этом случае об «изменении» значения слов, так как тут в действительности происходит *применение слов к новому значению*» (5а, 98. Курсив В. А. Богородицкого). Настоящее историческое не превращается в прошедшее время. Оно все же осознается как настоящее. Приведенные формы сами по себе не выра-

жают отнесенности к прошлому. Но противоречие между прямым значением формы и общим смыслом высказывания обогащает ее в данном контексте новым содержанием, придает ей яркость и выразительность.

Таким образом, нельзя сказать, что между формой и контекстом не происходит никакого взаимодействия, а лишь полное противоречие — тогда мы в результате имели бы неправильную фразу. Точно также нельзя сказать, что транспонируемая форма целиком переходит на позиции своего противочлена, ассимилируется (хотя в перспективе такое и возможно — но это уже другой вопрос) — тогда мы имели бы в результате одно значение конструкции без всякого стилистического эффекта. Но поскольку при транспозиции в контексте в первую очередь всегда выявляется одно значение — значение контекста* — и затем уже обязательно подтекст, стилистический эффект, то, безусловно, инвариантное значение транспонируемой формы взаимодействует со значением контекста, однако путем метафоризации, а не ассимиляции или нейтрализации. При этом прямое значение, то есть значение формы, которая должна бы быть на своем месте (значение прошедшего времени), выражает контекст. А инвариантное значение транспонируемой формы (значение настоящего времени) воспринимается при этом метафорически, «фигурально».

3.2. Категория времени в своем функционировании тесно переплетается с категорией вида. В этом отношении историческое настоящее — как вторичная функция презентных форм — представляет особый интерес.

На чем базируется экспрессивность исторического настоящего? Что в нем транспонируется: время и вид? Или что-то одно? Тогда что происходит с другим компонентом?

Известно, что историческое настоящее может функционировать на месте претеритальных форм несовершенного и совершенного вида: 8) Я, значит, к командирской землянке и уже на ступеньках *слышу (услышал)* — разговор серьезный. Точнее, громкий разговор. ... *Захожу (зашел)*, оба *смолкают (смолкли)*. *Сидят (сидели)*, друг на друга *не смотрят (не смотрели)*. (В. Быков).

Обычно говорят о метафоризации времени в историческом настоящем. Распространена также точка зрения А. В. Бондарко и др., согласно которой «фигуральность» исторического настоящего создается и переносным употреблением несовершенного вида. При этом А. В. Бондарко говорит также о нейтрализации видов

* Ср. противоположное мнение А. М. Пешковского: «при всякой замене времен на первый план в грамматическом сознании выступает не то реальное время, которое заменено, а то образное время, которое заменяет реальное» (25, 192—193). На наш взгляд, приведенные слова А. М. Пешковского говорят лишь о том, что в историческом настоящем прошлое мысленно переносится в настоящее, а не наоборот.

в историческом настоящем, понимая под нейтрализацией «импликацию», то есть расширение семантической сферы несовершенного вида за счет совершенного и включение в компетенцию несовершенного вида тех функций, которые в других условиях выполняются совершенным видом [7, 232]. А. В. Бондарко считает, что в историческом настоящем особенно подчеркивается процессность действия.

Да, историческое настоящее — метафора. И метафора эта возникла именно ради временного сдвига. Следовательно, эта позиция должна быть релевантной для категории времени. И та необычность исторического настоящего, его экспрессивность, которую отмечают все исследователи, нам кажется, вызвана как раз временным сдвигом — необычным использованием форм настоящего времени.

Что касается категории вида, то для нее позиция исторического настоящего, на наш взгляд, является нерелевантной. Об этом свидетельствуют факты современного русского языка, его истории и факты других славянских языков (см. 2).

В историческом настоящем происходит нейтрализация видового противопоставления. Только нейтрализацию мы рассматриваем не как импликацию, включение несовершенным видом функций совершенного вида. «И с теоретической и с исследовательской точки зрения более целесообразным представляется рассматривать отношения инвариантных значений видов по аналогии с нейтрализуемыми фонологическими оппозициями. В этом случае, имея в виду план содержания грамматической категории, можно говорить о двух противоположных значениях видов и значении в позиции их нейтрализации, при которой видовое противопоставление (основание для сравнения, общие признаки) — то есть сам факт осуществления действия на линии времени безотносительно к его целостному/нецелостному проявлению» [31, 21—22]. Обратимся к примерам: 9) Я *наклоняюсь* к первой борозде. Рваные, обгоревшие корни по краям, следы тракторной гусеницы, потом *замечаю* крохотный, сантиметра в два, пучок темнодымчатой травки, за ним другой, третий... (Ф. Абрамов). Ср.: *наклонился, заметил*; 10) Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать, — она *все бьется*; он вынул кинжал, перерезал ей глотку (Л. Толстой). Ср.: *билась*. Как показывают примеры, формы *наклоняюсь* и *замечаю* вовсе не адекватны по значению форме *бьется* — они не выражают здесь процессности. Не случайно Ю. С. Маслов о фактах первого типа (где в претерите восстанавливается форма совершенного вида) заметил: «В этих случаях рассмотрение действия в качестве протекающего процесса логически как будто неоправдано» [20, 241]. Действительно, только те формы исторического настоящего, которым в плане прошедшего соответствует так же несовершенный вид, обозначают действия, обладающие определенной протяженностью и не выстраиваю-

щиеся в цепь. Это заставляет нас видеть в них выражение значения, близкого к инвариантному значению несовершенного вида. Однако не во всех подобных случаях мы имеем дело с конкретно-процессным значением как таковым. Особенность этого типа исторического настоящего в том, что на месте имперфективного претерита употребляются, как правило, неопределенные глаголы. И длительность, вообще свойственная презенсу [9а, 6], в данном случае усиливается (как бы удваивается) за счет неопределенного характера основы, что позволяет нам говорить о фактотности неопределенного действия, но отнюдь не о конкретно-процессном значении. Неопределенность не сводится к процессуальности.

В плане исторического настоящего может возникнуть также необходимость специально выразить инвариантное значение совершенного или несовершенного вида. Инвариантное значение совершенного вида в таком случае выражается использованием совершенного претерита: 11) Вот он показывает мне дерево, ствол которого как бы сросся из нескольких. Луи *рубанул* по стволу мачете. *Потекла* белая тягучая жидкость (Журнал «Наука и жизнь»). Что касается выражения инвариантного значения несовершенного вида, то здесь картина усложняется тем, что историческое настоящее единичного действия представлено в основном одной только имперфективной формой и что в русском языке нет специальной формы для выражения архиграммы в позиции нейтрализации видов. Для выражения инвариантного значения несовершенного вида в историческом настоящем наряду с несовершенным претеритом используется и несовершенный презенс в позиции мнимой нейтрализации — позиции, специально создаваемой контекстом с целью выражения инвариантного значения несовершенного вида и допускающей только имперфективную форму: 12) Все отрадней и громче *фыркает* Яшка, выбрасывая из ноздрей стоялый дух конюшни. Все громче *стучат* его копыта. Все звонче ветер в ушах. Все стремительней его бег (В. Астафьев). См. также десятый пример. Выражению конкретно-процессного значения в этих примерах способствуют специальные индикаторы несовершенного вида: все, все + форма сравнительной степени. В других случаях процессность, интенсивность действия может подчеркиваться повторением самого глагола, посредством использования оборота „так и + форма несовершенного презенса“ или усиливаться путем совмещения того и другого, а также другими способами (что составило предмет специального рассмотрения — в печати наша статья «К вопросу о нейтрализации вида и позиции мнимой нейтрализации в историческом настоящем единичного действия»). Релевантность вида здесь создается специально, для выражения нужного значения.

Таким образом, формы имперфективного презенса в плане

исторического настоящего оказываются, как правило, в позиции нейтрализации видового противопоставления, причем формы имперфективного исторического настоящего на месте перфективного претерита являют собой нейтрализацию не в том смысле, что они выступили в функции противоположного члена (совершенного вида) и в своем значении одновременно, а в том, что они в этой позиции (так же, как и на месте имперфективного претерита без специальных индикаторов имперфектива) выражают архиграммему, указывают просто на факт совершения действия и не выражают инвариантного значения ни одного из противочленов.

3.3. В современном русском литературном языке в плане исторического настоящего единичного действия позиция нейтрализации представлена только формой несовершенного вида, хотя в принципе здесь могла бы быть только форма совершенного вида или обе видовые формы в качестве дублетов. Согласно доказательствам А. М. Мухина [22], А. Мартине [19], К. И. Ходовой [29; 30], с теоретической точки зрения безразлично: проявляется снятие оппозиции в константной форме или вариантной.

Исходя из этого, можно с большой долей определенности предполагать, что поскольку настоящее историческое называет лишь сам факт совершения действия безотносительно к его видовой характеристике, то на каком-то этапе развития русского языка в нем могли безразлично употребляться глаголы совершенного и несовершенного вида, то есть имела место вариантная, или, как ее еще называют, факультативная нейтрализация. Вполне вероятно, что процесс нейтрализации на этом этапе не был чистым и единственно возможным. С одной стороны, при сложившихся обстоятельствах ему могли сопутствовать и другие процессы, обусловленные развитием и формированием категорий времени и вида. С другой стороны, как отмечают Г. Пауль [24, 302—304], З. Д. Попова [26, 9—10], болгарские исследователи М. Деянова, А. Минчева, Д. Станишева [12, 29] и другие, уже само возникновение в языке вариантной нейтрализации предусматривает переход ее в константный тип, то есть один из возникших в результате нейтрализации дублетов (чаще всего маркированный член, в нашем случае совершенный вид) должен выйти из употребления или специализироваться. Такой этап зафиксирован в истории русского языка [см. 2]. Современное состояние в дифференциации видов в историческом настоящем складывается, примерно, к началу XIX века [6, 69].

3.4. Возвращаясь к сопоставлению нейтрализации и транспозиции, мы должны констатировать, что при нейтрализации семантического противопоставления есть только общее — архиграммема, — разного нет, а при транспозиции есть не только общее, но и разное.

Анализируя видовое значение в девятом примере, мы приходим к выводу, что здесь есть значение целостности: возможна замена только формой *наклонился* (а не *наклонялся*). Но эту целостность несет контекст, сама форма ее не выражает. Теперь надо решить, есть ли здесь нецелостность, процессность, которая должна была бы сохраниться в форме презенса (поскольку это форма несовершенного вида), если бы это была не нейтрализация, а транспозиция вида. Процессности, нецелостности здесь нет, так как присутствует значение целостности. Формой презенса лишь создается некоторое представление длительности. Ср. с позицией мнимой нейтрализации, выражающей процессность (см. примеры 10, 12).

В качестве примера транспозиции рассмотрим те же случаи исторического настоящего с точки зрения времени (см. девятый пример). Как видим, здесь контекст несет значение прошедшего, а форма дает возможность представить действие происходящим сейчас, перед глазами. Значит, в данном случае присутствует и общее, и разное. При нейтрализации же форма презенса не выражает процессность.

4. Мы уже достаточно сказали об условиях проявления транспозиции и нейтрализации. В заключение рассмотрим результаты этих двух языковых процессов.

Как различны условия проявления транспозиции и нейтрализации, так же различны и результаты их. Однако на первый взгляд может показаться, что результаты одинаковы — возникновение контекстуальных синонимов. Е. И. Шендельс так и пишет: «контекстуальные синонимы — это нейтрализованные члены оппозиции» [33, 21], — и под контекстуальными синонимами имеет в виду различные типы синонимии. Но эта одинаковость лишь кажущаяся. На самом же деле между ними имеются глубокие различия.

При синонимии как результате транспозиции имеется возможность выбора значения, ибо транспозиция не устраняет функцию семантической оппозиции, а лишь приспособливает ее (с помощью контекста) для выражения коннотативного (добавочного) значения. Иллюстрацией может служить историческое настоящее с точки зрения времени.

При синонимии же как следствии нейтрализации вообще «ликвидируется необходимость выбора значения, а вместе с тем и связанной с ним формы выражения» [29, 62], так как семантическая оппозиция больше не имеет возможности функционировать: историческое настоящее со стороны вида.

Если синонимы первого типа (как результат транспозиции) в момент своего возникновения и на протяжении определенного времени (протяженность которого зависит от узуса) сохраняют различие, то есть представляют возможность выбора значения и лишь потом могут превратиться (а могут и не превратиться) в

дублеты, то синонимы второго типа появляются сразу как дублеты, первоначально лишь в определенных синтагматических условиях и иногда с (только ингерентной) экспрессивностью, которой как правило бывает наделен маркированный член оппозиции. Синонимиию второго типа легче проиллюстрировать функционированием падежных форм [См. 12].

Синонимы-дублеты, возникшие в результате транспозиции, выражают значение одного из противочленов: настоящее историческое в специализированном употреблении — когда оно составляет основной план повествования о прошлом в том или ином произведении.

А синонимы-дублеты, возникшие в результате нейтрализации, выражают архиграммему, несут обобщенное значение: формы совершенного и несовершенного вида в историческом настоящем древнерусского языка или в современных сербохорватском, чешском языках.

И только дальнейшая судьба этих двух разновидностей вторичных функций являет собой некоторое сходство. Это тот период, когда в обоих типах синонимы превращаются в дублеты, судьба которых нам уже известна: одна из двух равнозначных форм с течением времени или совсем уходит из употребления, или специализируется — начинает функционировать в особом значении. Последнее произошло с формой совершенного вида в историческом настоящем единичного действия в современном русском языке: в сочетании с частицей «как» она стала выражать особую интенсивность внезапного действия, например: Он смотрел-смотрел на него да *как закричит*.

Если взглянуть на все три типа вторичных функций с точки зрения того, какую роль они выполняют в языке, насколько они необходимы и для чего, то также выяснится их различие.

Относительное употребление времен и вторичная функция как следствие нейтрализации являются грамматически необходимыми элементами системы, то есть выражают грамматические значения, для которых в русском языке нет специальных форм, и с этой точки зрения не являются избыточными для языка.

Вторичные функции как результат транспозиции выступают стилистически необходимыми. В этом случае формы используются для выражения грамматических значений, уже закрепленных за другими формами и являющихся для последних первичными функциями. И потому с отмеченной выше точки зрения (но не с точки зрения стилистической) представляют собой избыточное явление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ф. Ф. О месте исторического настоящего в системе грамматических значений времен современного русского языка. — Сб.: Вопросы русской аспектологии. Известия Воронежского пед. ин-та, т. 146. Воронеж, 1975.
2. Авдеев Ф. Ф. К вопросу о нейтрализации вида в историческом настоящем единичного действия. (В печати).
3. Аврамов В. М. Принципы сопоставительного исследования видовременных систем глагола современных английского и русского языков (и некоторые смежные вопросы теории перевода). Канд. дисс. М., 1965.
4. Апресян Ю. Д. Синонимия и синонимы. — ВЯ, 1964, 4.
5. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., «Советская энциклопедия», 1966, с. 254.
- 5а. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.-Л., 1935.
6. Бондарко А. В. Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в языке русских памятников XV—XVII веков. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 173, 1958.
7. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., «Просвещение», 1971.
8. Волохина Г. А. Семантические ограничения в синтаксической структуре. — Сб.: Вопросы филологии и методики преподавания германских и романских языков. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1972.
9. Гак В. Г. О функциональном подходе к изучению грамматических явлений. — «Иностранные языки в высшей школе», 1974, 8.
- 9а. Георгиев В. И. Индоевропейское языкознание сегодня. — ВЯ, 1975, 5.
10. Головин В. Н. Заметки о грамматическом значении. — ВЯ, 1962, 2.
11. Гrepль М. Из теоретического опыта описания синтаксической системы. — Сб.: Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., «Наука», 1974.
12. Деянова М., Минчева А., Станишева Д. О нейтрализации синтаксических оппозиций. — Сб.: Славянска филология. София, 1968, т. 10.
13. Исаченко А. В. О грамматическом значении. — ВЯ, 1961, 1.
14. Křížková H. K problematice praesentu historického v ruštině a v češtině. — Sovětská jazykověda, Praha, 1955, r. 5, s. 4.
15. Křížková H. Первичные и вторичные функции и т. наз. транспозиция форм. — Travaux linguistiques de Prague, 2, Prague, 1966.
16. Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. — ВЯ, 1962, 3.
17. Курилович Е. Заметки о значении слова. — ВЯ, 1955, 3.
18. Лешка О. K otázce tzv. transpozicé. — Сб.: Rusko-české studie, Praha, 1960.
19. Мартине А. Нейтрализация и синкретизм. — ВЯ, 1969, 2.
20. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — Сб.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1959.
21. Мутафчиев Р. Сегашно историческо време в съвременния български език. София, 1964.
22. Мухин А. М. Понятие нейтрализации и функциональные лингвистические единицы. — ВЯ, 1962, 5.
23. Новикова Е. А. Временное оформление изъяснительных предложений в русском, украинском и польском языках. АКД, Воронеж, 1972.
24. Пауль Г. Принципы истории языка. М., ИИЛ, 1960.
25. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1935.
26. Попова З. Д. К вопросу о синтаксических вариантах. — НДВШ, Филологические науки, 1968, 6.

27. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., «Просвещение», 1975.
28. Супрун А. Е. Вероятностный характер языка и описание грамматической системы. — Сб.: Грамматическое описание славянских языков. М., «Наука», 1974.
29. Ходова К. И. Об осуществлении нейтрализации семантических противопоставлений (На материале славянских падежей с предлогами). — ВЯ, 1970, 5.
30. Ходова К. И. К проблемам славянской синонимии (Синонимичность как стадия развития системы). — «Советское славяноведение» 1971, 1.
31. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — Сб.: Вопросы русской аспектологии. Известия Воронежского пед. ин-та, т. 146, Воронеж, 1975.
32. Шендельс Е. И. Транспозиция морфологических форм. — Сб.: Иностранные языки в высшей школе, 1 МГПИИЯ, М., 1964.
33. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М., «Высшая школа», 1970.
34. Шендельс Е. И. Грамматическая метафора. — НДВШ, Филологические науки, 1972, 3.

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

А. И. Пихлак

I

Сопоставляя русский и эстонский языки с точки зрения выражения в них категории аспектуальности, представляется целесообразным сначала определить общую основу для сравнения. Этой основой может, по нашему мнению, служить категория предельности-непредельности, существующая, по предположению, во всех естественных языках в силу своей обусловленности экстралингвистической реальностью. В данной работе эта категория понимается в смысле, определенном А. А. Холодовичем [см. 21; 23/135].

Любое членение имеет лингвистический смысл, если оно имеет формальное основание, если обозначения того или другого подкласса оказываются различными [см. 8/289]. При предельности-непредельности эти различия следует искать прежде всего в формах причастий прошедшего времени. Основным категориальным значением этих форм является наличие завершившегося действия; именно это значение противопоставляет их формам причастий настоящего времени. Сами же формы причастий прошедшего времени различаются в зависимости от того, имеют ли они значение завершившегося результативного/нерезультативного или только завершившегося нерезультативного действия (значение «состояния» будем рассматривать как подвид значения «завершившегося результативного действия»). Кроме этого, они различаются способностью выступать в функции определения, т. е. одни формы встречаются в функции определения часто, другие редко или вообще не встречаются (ср. «Трудно найти примеры, где причастие действительного залога прошедшего времени в функции определения было бы непредельным» [18/8]). Наконец, может оказаться (как мы в дальнейшем увидим на примере эстонского языка), что некоторые группы глаголов

вообще неспособны образовывать атрибутивные причастные формы прошедшего времени.

В литературе по прибалтийско-финским языкам проблема предельности-непредельности была поднята довольно давно (см. определение курсивных и терминативных глаголов в [18/7 и 17/316]). Отмечалось также различие значения их причастных форм, т. е. что причастия прошедшего времени, образованные от предельных глаголов, выражают в функции определения предшествование — ср. фин. «ostettu talo» (купленный дом), «valloitettu kaupunki» (захваченный город), а те же причастия, образованные от непредельных глаголов, выражают в функции определения одновременность — ср. фин. «kunnioitettu ja rakastettu vanhus» (уважаемый и любимый старик) [18/8]. К. Куре в своей статье о функциях и значениях глагола «olema» (быть) распределяет формы причастий прошедшего времени на причастия, выступающие в составе «сказуемого действия» (tegevusöeldis) и на причастия, выступающие в составе «сказуемого состояния» (seisundiöeldis), причем при проверке оказывается, что формы «сказуемого действия» образуются от предельных глаголов, а формы «сказуемого состояния» — от предельных глаголов (сам К. Куре этого вывода не делает). Напр. «Me oleme seal käinud» (Мы туда ходили) — «сказуемое действия»; «Me oleme väsinud» (Мы устали) — «сказуемое состояния». ««Сказуемое действия с причастием на «nud» отвечает на вопрос «что сделано подлежащим?», сказуемое состояния отвечает на вопрос «в каком состоянии подлежащее?»» [11/126—127].

В приведенной ниже таблице даны причастные формы некоторых предельных и непредельных глаголов как в составе «сказуемого действия» и «сказуемого состояния», так и в функции определения. Были выбраны следующие глаголы: «sulgema» (закрывать) — переходный глагол с внутренним пределом, «trükkima» (печатать) — переходный глагол с предсказуемым результатом действия, «sihtima» (целиться), «küttima» (охотиться) — переходные непредельные глаголы, «surema» (умирать) — непереходный глагол с внутренним пределом, «sammalduma» (покрываться мхом) — непереходный глагол с предсказуемым результатом действия, «marssima» (маршировать), «ulguma» (выть) — непереходные непредельные глаголы.

На основе данных этой таблицы можно построить анкету, суть которой заключается в том, что предлагается испытать определенную причастную форму любого глагола из общего списка на замещение позиций причастия в конструкции. Ответы на каждый вопрос анкеты будут либо удачными (в отношении поставленной нами цели), либо неудачными, если на поставленный вопрос все глаголы данного списка дадут единообразный ответ (либо только «можно», либо только «нельзя»). Ответы будут считаться удачными, если на поставленный вопрос все глаголы данного

1) Непереходные глаголы:

Действительный залог		Страдательный залог	
предельные	непредельные	предельные	непредельные
N_n olema V_{nud} Karl on surnud (Карл умер=Карл мертв) Выражает завершенное результативное действие	N_n olema V_{nud} Karl on marssinud (Карл по-маршировал) Выражает завершенное нерезультативное действие	причастные формы не образуются	$olema V_{tud}$ on marsitud (помаршировали) Выражает завершенное нерезультативное действие
$V_{nud} N_n$ surnud Karl (умерший Карл=мертвый Карл) В живом речеупотреблении встречаются регулярно, выражает завершенное результативное действие	$V_{nud} N_n$ marssinud Karl (помаршировавший Карл) В живом речеупотреблении встречается редко, выражает завершенное нерезультативное действие	причастные формы не образуются	причастная форма в данной функции не употребляется

2) переходные глаголы

Действительный залог		Страдательный залог	
Предельные	Непредельные	Предельные	Непредельные
N^1_n olema N^2_g/p V_{nud} Karl on ukse/ust sulgenud (Карл закрыл/закрывал дверь) Выражает завершенное результативное действие при N^2_g и завершенное нерезультативное действие при N^2_p	N^1_n olema N^2_p V_{nud} Karl on ulukit sihtinud (Карл поцелился в дичь) Выражает завершенное нерезультативное действие	$N_{n/p}$ olema V_{tud} Uks/ust on suletud (Дверь закрыта) (Дверь закрывали) Выражает завершенное результативное действие при N_n и завершенное нерезультативное действие при N_p	N_p olema V_{tud} Ulukit on sihitud (В дичь поцелились) Выражает завершенное нерезультативное действие

$N^1_{g/p} V_{nud} N^2_n$	$N^1_p V_{nud} N^2_n$	$V_{tud} N_n$	$V_{tud} N_n$
Ukse/ust sulgenud Karl	Ulukit sihtinud Karl	Suletud uks	Sihitud uluk
(Закрывающий/закрывающий дверь Карл)	(Целившийся в дичь Карл)	(Закрытая дверь)	(Дичь, в которую поцелились)
В живом речепотреблении встречается редко, выражает завершённое результативное действие при $N^1_{g/p}$ и завершённое нерезультативное действие при N^1_p	В живом речепотреблении встречается редко, выражает завершённое нерезультативное действие	В живом речепотреблении встречается регулярно, выражает завершённое результативное действие	В живом речепотреблении встречается регулярно, выражает завершённое нерезультативное действие. При некоторых партитивных глаголах выражает признак, вытекающий из постоянно направленного на объект действия (напр. «armastatud õpetaja» — «любимый учитель»)

списка будут давать частично один ответ (можно), частично другой ответ (нельзя). Неудачные ответы будем помечать нулем, удачные — знаком «плюс» или знаком «минус».

Конструкция	переходные		непереходные	
	предельные I	непредельные II	предельные III	непредельные IV
$N^1_n olema N^2_{g/p} V_{nud}$	+	—		0
$N^1_n olema N^2_p V_{nud}$	—	+		0
$N_n olema V_{nud}$ (со значением завершённого результативного действия)		0	+	—
$N_n olema V_{nud}$ (со значением завершённого нерезультативного действия)		0	—	+
V_{tud}		0	—	+

Мы не видим пока тех формальных оснований, которые позволили бы нам укрупнить подклассы I и III и подклассы II и IV, однако в принципе подкласс I относится к подклассу II так же, как подкласс III относится к подклассу IV. При помощи этой

анкеты можно провести формальное определение предельности — неопредельности эстонских глаголов.

II

Соображения о делении глаголов эстонского языка на предельные и неопредельные требуют учитывать их аспектуальный характер как действенный фактор в значении и функционировании глагольных форм. Однако следует помнить, что вид как грамматическая категория является специфически славянским новообразованием. Неправильно было бы его искать в неславянских языках, основываясь на том, что в них некоторые группы слов с общим категориальным значением имеют морфологические показатели (напр. суффикс «le» для выражения многократности действия у некоторых эстонских глаголов). Такие образования, которые имеют видовые показатели, но не имеют тотального распространения, называются Б. А. Серебренниковым «видовыми классами». «Видовые классы — это результат капризной игры закона избирательности в грамматике, когда характер глагольного действия у некоторого числа глаголов почему-то получает грамматические показатели, а у остальных не получает» [20/24]. Однако, как отмечает Б. А. Серебренников, даже видовые классы имеют в финно-угорских языках тенденцию вымирать (ук. соч., 33).

Поскольку в эстонском языке нет глагольных основ, связанных с совершенностью и несовершенностью, то можно полагать, что различные виды связано тут в первую очередь со словоизменением глагола [19/324]. Наиболее показательной с этой точки зрения является категория времени. Эта категория передает временные отношения между действием и предметом с точки зрения их одновременности и последовательности; эти временные отношения представлены определенным способом: либо как ограниченные некоторым пределом, либо как относительно беспредельные. Поэтому мнение о том, что глагольные формы могут быть выразителем либо только временных, либо только видовых отношений вряд ли правомерно, — оно противоречит объективной действительности [7/9]. Сказанное относится прежде всего к формам прошедшего времени эстонского языка. Уже само наличие в этом языке трех прошедших времен при одном настоящем, выполняющем также функции будущего времени, заставляет считать, что это не только временные формы, и что часть из них является видо-временными. Будем называть видо-временные формы «перфективным разрядом» (это перфект и плюсквамперфект), а невидо-временные формы — «общим разрядом» (это имперфект, настоящее и будущее время).

Основным категориальным значением перфективного разряда является предельное насыщение: для перфективного разряда в

целом сочетание с префиксальными словами нетипично, значит дальнейшее насыщение предела невозможно. Если сравнить перфективную конструкцию с имперфективной (как предельных, так и неопредельных глаголов), то обнаруживается, что перфективная конструкция всегда включает в себе значение имперфективной конструкции. Напр. фр. «Il s'est noyé» (он утонул) подразумевает (Il noyait» (он тонул), ибо каждое действие может быть развернуто во времени своего протекания [4/35]; ср. эст. «Ta on urripud» (он утонул) подразумевает «Ta urpus» (он тонул).

Времена перфективного разряда объединяются следующими общими чертами: а) как при перфекте, так и при плюсквамперфекте проявляется значение выполненности действия ранее точки временного соотнесения. Напр. «Малышки ничуть не трусливее их. Видите, на какую высоту забрались» (Носов, 1956, 79) — «Vaadake, kui kõrgele nad on goninud», Носов, 1966, 37); «Эту песенку о зарядке, которую сочинил поэт Цветик, распевали Винтик и Шпунтик» (Носов, 1956, 92) — «Seda laulu, mille oli loonud luuletaja Lillike, laulsid...» (Носов, 1966, 37); б) как при перфекте, так и при плюсквамперфекте возможно инклюзивное значение, которое возникает в контексте при наличии обстоятельств незаконченного времени, показывающих, что действие продолжается до момента соотнесения. Напр. «Он сказал, что он работал в библиотеке с 9 часов утра» — «Ta ütles, et ta oli töötanud raamatukogus kella 9-st saadik»; «Карл любит Эльзу уже год» — «Karl on Elsat juba terve aasta armastanud»; в) как в перфекте, так и в плюсквамперфекте глаголы двойственного характера, совмещающие в себе как предельность, так и неопредельность, т. е. содержащие в себе значение как акта, так и процесса, при единой лексической семантике выступают в предельном значении. Напр. «tundma» (чувствовать, почувствовать), «nägema» (видеть, увидеть), «kuulma» (слышать, услышать). «Только увидел генерала, он так и остоленел» — «Ta tardus, niipea, kui ta kindralit oli näinud». Последняя категория глаголов соотносится с русскими двувидовыми, имеет известное сходство с ними, только в русском языке предельность в этом случае выражается исключительно контекстом: «Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову» (Пушкин, 1936, 35). — «Kistenjovka oli saanud Trojekurovi omaks» (Пушкин, 1967, 31). По эстонскому переводу видно и без более широкого контекста, что подразумевается «Кистеневка начала принадлежать Троекурову, и не принадлежала ему ранее». Некоторые исследователи финно-угорских языков считают двувидовость таких глаголов исторически обусловленной: первоначально они имели значение «начала действия», «начала осязания» [17/319].

Различие между перфектом и плюсквамперфектом заключается в том, что действие, выраженное плюсквамперфектом,

всегда соотносено с временным центром, так или иначе обозначенным в предложении или в более широком контексте. В перфекте же целостность действия просто констатируется как такое, без сопоставления с другим действием или называемым в предложении моментом времени; по мнению И. П. Ивановой, едва ли можно в этом случае говорить о грамматическом значении предшествования, так как ни в предложении, ни за его пределами не указан момент, которому данное действие предшествует. «Разумеется, действие, будучи соотносено с моментом речи, предшествует ему; однако момент речи — это внеязыковая реальность времени и поэтому хотя и является единственной объективной точкой отсчета, не создает относительного временного значения: все формы, соотношенные непосредственно с моментом речи, имеют лишь абсолютное временное значение» [9/135].

Фактический материал показывает, что перфективный разряд может употребляться при переводе русских глаголов на эстонский язык только тогда, когда эти глаголы употребляются в совершенном виде и в прошедшем (за исключением инклюзивного перфекта) или в будущем времени (т. н. «будущий перфект» — напр. «Я ведь говорила! Скоро все малыши убегут в Змеевку» (Носов, 1956, 119) — «Varsti on kõik põnnid Lohe-
lasse jalga lasknud» (Носов, 1966, 110).

III

Поскольку в русском языке в одной и той же форме основного разряда наблюдается регулярное возникновение взаимоисключающих значений целостности-нецелостности (ср. «Карл видел, как обстановка все ухудшалась» — несовершенный вид, «Карл увидел Эльзу, когда та выскочила из подъезда» — совершенный вид), считается, что чистовременная категория в нем отсутствует. Настоящее время передает и обобщенное и единичное действие; прошедшее и будущее время передают в основном единичные действия, но также и обобщенные. В связи с этим в основном разряде русского языка выделяются следующие видо-временные планы, непосредственно обуславливающие возможность видового противопоставления или его невозможность, отсутствие: а) конкретное настоящее время момента речи или актуальное настоящее (возможен только несовершенный вид) — «Карл работает сейчас в поле» (Karl töötab praegu väljal); б) настоящее повторяющегося, обычного и постоянного действия или «praesens referens» (возможен как совершенный, так и несовершенный вид) — «Он обычно придет (сов. вид) и сидит (несов. вид) допоздна» (Harilikult ta tuleb ja istub hilisõhtuni); в) настоящее историческое и сценическое, т. н. praesens historicum. Такая форма настоящего времени соответствует как прошедшему совершенного вида, так и прошедшему несовершен-

ного вида. «Знакомятся (несов. вид) они, потом дружатся (несов. вид), потом не могут уж расстаться (сов. вид) (Nad tutvuvad, sõbrustavad, pärast aga ei suuda üksteisest lahkuda; r) прошедшее, будущее время единичного действия (возможен как совершенный, так и несовершенный вид) — «Вчера я пришел и рассказал историю» (Eile ma tulin ja jutustasin juhtumist; «Завтра он придет и расскажет историю» (Homme ta tuleb ja jutustab juhtumist) «Он с грустью рассказал мне ход истории» (Ta jutustas mulle kurbusega asja käigust) «Завтра я в это время буду выступать с докладом» (Homme sellel ajal ma esinen ettekandega); прошедшее, будущее время повторяющегося действия (возможен только несовершенный вид) — «Он сидел допоздна» (Ta istus hilisõhtuni), «Он будет сидеть допоздна» (Ta istub hilisõhtuni). В эстонском языке можно в основном разряде выделить те же видо-временные планы (ср. выше переводы русских примеров).

Особо стоит вопрос о будущем времени, в частности будущем простом, которого эстонские грамматисты не признают. Оказывается однако, что формы настоящего времени эстонских глаголов можно разбить на две группы в зависимости от того, способны они или неспособны выражать актуальное действие в настоящем. «Форма настоящего времени неопределенных глаголов редко имеет значение будущего, тогда как у предельных глаголов эта форма обычно выступает с этим значением» [15/342]. Указанные различия в функциях форм настоящего времени иногда распознается *не без некоторых* усилий, напр. «Las pois õib elama» (Пусть парень научится жить). Однако это не подрывает нашей уверенности в существовании двух отчетливо различаемых аспектуальных категорий [см. также 5; 19]. В эстонском языке существуют глаголы, вообще неспособные выражать актуальное настоящее время, напр. «ehtuma» (испугаться), «kohkuma» (сильно испугаться), «unustama» (забывать), «eksima» (заблудиться), «jätkama» (продолжать), т. е. глаголы, обозначающие такие действия, которые являются для говорящего неожиданными или не могут ощущаться говорящим как вхождение в новое состояние (напр., в состоянии испуганности). Форма настоящего времени выражает у них неизменно будущее время. Это глаголы, неспособные в форме настоящего времени служить ответом на вопрос «что это ты делаешь?» — факт, рассматриваемый Ю. С. Масловым как показатель существования совершенного вида в языке [13/27]. Эстонские грамматисты считают, что «будущее простое» — это «настоящее, употребленное в функции будущего», т. е. «praesens futurum»; в контексте на будущность действия или состояния указывает тотальный падеж дополнения, глаголы-сказуемые jääb, saab, а также обстоятельство и словосочетания homme, edaspidi, [14/91]. К. Конт возражает против признания будущего простого, исходя

из факта, что тотальный падеж дополнения применяется для выражения будущего времени нерегулярно. Однако он упускает из виду одно важное различие между непереходными предельными и непредельными глаголами: предельные непереходные глаголы могут выражать будущее вообще без синтаксических показателей, одной лишь формой настоящего времени, в то время как непредельные непереходные глаголы требуют для этого наличия синтаксических показателей. Напр. «Ma ehmun» (Я испугаюсь), но «Ma elan homme Brüsselis» (Я живу завтра в Брюсселе). Признавая, что эстонские глаголы обладают видовым характером, т. е. способны выражать значение совершенного-несовершенного вида без контекста, видимо, можно допустить также существование в эстонском языке простого будущего, совпадающего с омонимичным с ним по форме настоящим и выражающего целостность действия — доминантный признак совершенного вида. Следует подчеркнуть, что для языков, где нет категории вида, факт обязательной нецелостности действия в настоящем времени (кроме случаев *praesens referens* и *praesens historicum*) служит надежным критерием определения того, какое значение — совершенного или несовершенного вида — имеют те или иные глаголы вне избыточного контекста.

В принципе категория вида в любом языке синтаксическая, т. е. зависит от контекста, даже в славянских языках [1/202]. Только в славянских языках, в отличие от других языков, она имеет морфологическое ядро. Напр., глаголы «удивляться» и «удивиться» аспектуально меняются или варьируются в зависимости от контекста, особенно в имперфекте: «Карл удивлялся (несов. вид), почему Эльза все время калоши носит» — «удивлялся» диктуется обстоятельством «все время» и несовершенным видом глагола «носит»; «Карл удивился (сов. вид), почему Эльза чихнула» — «удивился» диктуется совершенным видом глагола «чихнула». Переводом русского «удивляться/удивиться» служит эстонское «*imestama*». Целостность-нецелостность сообщают его значению те же контекстуальные факторы, которые диктуют в русском языке формы «удивиться/удивляться». В связи с этим Ю. С. Маслов отмечает, что у неславянских глаголов нет значения обязательного пресечения «критической точки», обязательного достижения предела, «они выражают направленность действия к пределу, к решающей точке, но ничего не говорят о том, был или будет этот предел достигнут или он не был и не будет. Отсюда и возможность их смыслового соответствия как совершенному виду, так и несовершенному виду славянских языков, реализуемая каждый раз в зависимости от контекста» [13/15]. Б. А. Серебренников подчеркивает, что развитию вида как грамматической категории в сильной степени препятствует наличие контекстуальных условий, когда характер протекания действия, его длительность или законченность сравнительно легко опреде-

ляется из общего контекста сообщаемого. «Этим объясняется тот факт, что во многих языках категория совершенного и несовершенного видов совершенно не развиты» [20/23].

Выделяются, например, следующие типы аспектуальных контекстов, диктующие появление того или иного вида в имперфекте [2/61—62]: (1) Типы контекстов, представленные формами одного вида: а) цепь (одна форма устанавливает план совершенного вида и задает совершенный вид следующей форме для выражения последовательности действий) — «Он встал, решительно подошел к ней и взял ее за руку». Такой же тип контекста существует и в эстонском языке: «Jürka ei võtnud eide häaldamist kuuldavakski ja hakkas metsa poole minema» (Юрка не обратил внимания на жалобы бабы и зашагал в сторону леса); б) предшествование — следование — «Едва он закрыл глаза, как опять увидел Тита и мельницу». В эстонском языке — «Täku hele rõõm tegi ka Joosepi ja Liisi meele rõõmsamaks ja nüüd kuulsid nad äkki rohutirtse» (Яркая радость жеребца обрадовала также Иосепа и Лизу, и вдруг услышали они кузнечиков); в) длительный ряд (сочетание форм несовершенного вида, обозначающих развивающиеся длительные действия) — «Трещали кузнечики, пели перепела» или эст. «Istusime seal ja tõmbasime suitsu» (Сидели мы там и курили); г) длительность — одновременная ей длительность — «В то время, как он подходил к этой комнате, присяженные уже выходили, чтобы идти в зал заседания», или эст. «Sander, kes seisis voodi jalutsis, püüdis oma lapitud kuuehõlma rohkem varju jätta» (Сандер, который стоял близко у кровати, старался скрывать залатанную полу своего сюртука); (2) Типы контекстов, представленные формами разных видов: а) длительность — неожиданное наступление факта — «Я лежал на диване, когда Вернер вошел в мою комнату», или эст. «Ükskord kevadel, kui ma jälle läbi Kadrioru tööle läksin, nägin sellesama miigu real jälgi» (Однажды весной, когда я опять через Кадриорг шел на работу, увидел я на той лужайке следы); б) длительность — наступление факта как предела деятельности — «Я долго следил за нею взором, пока ее шляпа не скрылась за кустарником», или эст. «Löksutas teine Marist, Jusist ja Andresest kuni jutulõnga otsad kõik viimase kätte sattusid» (Болтала она про Юсса, Мари и Андреса, пока слухи дошли до последнего); в) наступление факта — длительность — «Никита сел на диван и рассматривал даму», или перевод того же предложения на эст. «Nikita istus diivanile ja vaatles daami».

IV

Значение русского глагольного вида может выражаться специфически эстонскими контекстуальными элементами: падежом дополнения при переходных глаголах, падежом подлежа-

щего при непереходных глаголах, лексическими средствами, превращающими неопредельные глаголы в предельные. Рассмотрим эти способы отдельно.

В русском языке прямое дополнение может в утвердительном предложении быть в accusative «Торговки всегда закрывали руками своими пироги» (Гоголь, 1952, 110) или в genitive («Сбоку к баку была приделана гибкая резиновая трубка для того, чтобы можно было попить газированной воды на ходу» (Носов, 1956, 24)). Accusative дополнение встречается как с глаголами совершенного вида («закрыли пироги»), так и с глаголами несовершенного вида («закрывали пироги»). Genitive дополнение встречается, как правило, только с глаголами совершенного вида: напр. «Я выпил холодной воды», но не «Я выпивал холодной воды». Genitive выражает только определенную часть объекта в противоположность accusative, выражающему неопределенную часть или весь объект (ср. «Я выпил всю воду»). Русскому accusative как падежу прямого дополнения соответствует эстонский номинатив ед. и мн. числа, genitive ед. числа и партитив ед. и мн. числа. Русскому genitive как падежу прямого дополнения соответствует эстонский партитив ед. и мн. числа. Следовательно:

Эстонский язык

Русский язык

номинатив ед. и мн. числа,
генитив ед. числа как падежи
прямого дополнения

accusative ед. и мн. числа как
падеж прямого дополнения

партитив ед. и мн. числа как
падеж прямого дополнения

генитив ед. и мн. числа как
падеж прямого дополнения

Номинатив ед. числа как падеж прямого дополнения встречается в особых условиях, не обусловливаемых характером самого объекта и управляющего им слова, т. е. глагола [10/42], поэтому этот падеж интереса в данном случае не представляет. Подлинными падежами тотального дополнения являются genitive (когда существительное в ед. числе) и номинатив (когда существительное во мн. числе). Эстонский genitive как падеж прямого дополнения является по происхождению accusative уральского праязыка с окончанием на «п», который впоследствии совпало с окончанием genitive «п» [10/19]. Следовательно, соответствие эстонского genitive ед. числа и номинатива мн. числа русскому accusative закономерно. Закономерно отчасти и соответствие genitive русского языка партитиву эстонского языка, так как genitive балто-славянских языков произошел из индоевропейского аблатива, как партитив финно-угорских языков про-

изошел из прибалтийско-финско-мордовского аблатива, выражающего отделение, раздельное существование [3/271]. Проблема возникает в связи с тем, что эстонский партитив имеет значение «неопределенной части» [10/45], значением же русского генитива является «определенная часть». Чтобы в эстонском языке сохранить это значение генитива, необходимо, видимо, ввести в перевод какие-то показатели ограниченности. Напр. «попить воды» надо бы перевести на эстонский язык не как «vett jooma» (как обычно делается), а как «jooma klaas/lonks...vett» (выпить стакан/глоток... воды). В любом случае в русском языке партитивный объект в форме генитива не системное явление, он выражает часть только в некоторых случаях. Для указания на результативность — нерезультативность он не употребляется вовсе [10/109], что и естественно, — для этого в русском языке есть категория вида.

Какими возможностями обладает варьирование падежа дополнения в эстонском языке для передачи значения русского глагольного вида? Употребление тотального дополнения подразумевает, что действие направлено: на весь объект; на точно определенную часть объекта; на все данные объекты. Употребление партитивного падежа подразумевает, что действие направлено на неопределенную часть объекта. Грамматисты считают, что оппозиция «часть — целое» исторически примарна, является системной в прибалтийско-финских языках и охватывает подавляющую часть случаев употребления дополнения. Но хотя эта оппозиция и примарна исторически, в настоящее время она подчиняется оппозиции «результативность — нерезультативность»: «результативность» подразумевает «целое», «нерезультативность» — часть» [10/43]. «Так называемый характер объекта не является, по моему мнению, ничем иным, как результатом влияния на него действия глагола» [17/316]. С оппозицией «результативность — нерезультативность», в свою очередь, связана оппозиция «завершенности — незавершенности» действия. В принципе эта оппозиция доминирует над оппозицией «результативность — нерезультативность», так как действие может быть завершенным, но нерезультативным, а результативное действие всегда завершено. В этой связи М. Садениemi пишет, что «все равно, завершенным или незавершенным является действие неопределенного глагола — в любом случае оно не может быть результативным» [17/317]. Напр. «Rõtra on sihitud» (В оленя поцелились) — завершенное нерезультативное действие. Четвертой оппозицией, определяющей падеж дополнения, является «определенность — неопределенность объекта». Эта оппозиция является специфической оппозицией для языков южной группы прибалтийско-финских языков (для эстонского и ливонского языков). Дело в том, что в этих языках, в отличие от финского, можно употребить партитивное дополнение при завершенности и резуль-

тативности действия, если говорящий хочет подчеркнуть неопределенность, относительность, общий характер (эст. *üldkehtivus*) действия. Напр. «*Sild ühendab jõe mõlemaid kaldaid*» (Мост соединяет оба берега реки), «*Kes teisele auku kaevab, see ise sisse langeb*» (Кто другому яму копает, тот сам туда и упадет). Однако исследователи пишут, что при таком употреблении партитива нерезультативность все же присутствует, она просто «редуцировалась» в неопределенность [10/52—53]. Список оппозиций, обуславливающих выбор падежа дополнения, представляется таким образом в следующем виде: (а) завершенность — незавершенность действия, (б) результативность — нерезультативность действия, (в) определенность целого или части объекта — неопределенность объекта. Тотальное дополнение встречается тогда, когда действие по отношению к объекту завершенное, результативное, направленное на весь объект, на определенную часть объекта. Партитивное дополнение встречается, когда действие по отношению к объекту незавершенное, нерезультативное, направлено на неопределенную часть объекта (причем объект может быть выражен «непартитивными» словами, напр. «*ehitama maja*» (строить дом), «*kirjutama kirja*» (писать письмо)).

У большинства переходных глаголов эстонского языка наблюдается варьирование падежа дополнения. Эти глаголы называются «*aspektiverbid*» (видовые глаголы). Они выражают конкретное, направленное на внешний объект действие: напр. «*ehitama*» (строить), «*haagama*» (хватать), «*istutama*» (сажать). Выбор падежа зависит здесь не от семантики глагола, а от того, как он осмыслен по отношению к объекту: завершенным и результативным — завершаемым в будущем — незавершенным и нерезультативным. Кроме видовых, выделяются также партитивные глаголы (о них мы уже упоминали). Действие, выражаемое ими, не может быть осмыслено двояко: оно всегда продолжающееся и поэтому требует партитивного дополнения. Это глаголы, выражающие (а) чувство, настроение, оценку — «*aimama*» (догадаться), «*ahnitsema*» (жадничать), «*armastama*» (любить), «*kahetsema*» (жалеть), «*solvama*» (обижать); (б) желание, намерение — «*tahtma*» (хотеть), «*paluma*» (просить), «*rüüdma*» (стараться); (в) повторяющееся, продолжающееся действие — «*liigutama*» (двигать), «*kandma*» (носить), «*lööma*» (бить); (г) интеллектуальную, чувственную деятельность — «*nägema*» (видеть), «*kuulma*» (слышать), «*mäletama*» (помнить), «*meenutama*» (напомнить). Последовательнее всего требуют партитивного дополнения глаголы группы (а) и (г) [10/76].

Как мы видим, часть партитивных глаголов эстонского языка являются предельными в русском языке, напр. «*kimestama*» (удивиться/удивляться), «*meenutama*» (напомнить/напоминать), «*solvama*» (обидеть/обижать), «*nimetama*» (называть/называть). В самих прибалтийско-финских языках северной группы часть этих

глаголов, напр. глаголы, выражающие интеллектуальную деятельность, являются предельными [10/84]. Такие расхождения объясняются В. Порцигом следующим образом: «В принципе по отношению к каждому действию возможны обе точки зрения (т. е. их можно рассматривать либо как процесс, либо как акт — А. П.), но в конкретных языках по отношению к некоторым или ко всем действиям устанавливается та или иная точка зрения, с которой они должны рассматриваться» [16/42].

Когда соответствием русского переходного глагола в эстонском языке является видовой глагол, то наблюдается следующая закономерность. Совершенный вид русского глагола переводится при помощи видového глагола и тотального падежа дополнения, несовершенный вид русского глагола переводится при помощи видového глагола и партитивного падежа дополнения: «Я поймал Дубровского» (Пушкин, 1936), 112) — «Ma tabasin Dubrovski» (Пушкин, 1967, 102); «Кирила Петрович предлагал ему свое покровительство» (Пушкин, 1936, 7) — «... rakkus Kirila Petrovitš talle oma kaitset» — (Пушкин, 1967, 6). «При помощи падежа дополнения выражается аспект предельных глаголов» [17/317]. Следует, однако, сказать, что на варьирование падежа дополнения как показателя вида особенно опираться нельзя: употребление тотального дополнения ограничено чрезвычайно жесткими рамками, что далеко нельзя сказать о партитивном падеже (ср. хотя бы легкость употребления дополнения в «неопределенном значении»). На перевод русских переходных глаголов, имеющих в эстонском языке соответствия в виде партитивных глаголов, эта закономерность не распространяется: «Стены, напомнившие ему Киевские пещеры...» (Гоголь, 1952, 126) — «... mis meenutasid talle Kiievi koopaid» (Гоголь, 1947, 106). Переводы, которые не учитывают эту особенность эстонских глаголов, воспринимаются как неправильные: «Таковыми словами встретил старый Бульба двух сыновей» (Гоголь, 1952, 105) — «Niisuguste sõnadega võttis Taras Bulba vastu oma kaks poega» (Гоголь, 1947, 5).

В отрицательных предложениях эстонского языка дополнение выражается всегда в партитиве, в отрицательных предложениях русского языка — в основном в генитиве (кстати, в русском языке отмечается распространение сферы употребления аккузатива за счет уменьшения употребления генитива в русских отрицательных предложениях, напр. «Я не выпил молоко» — т. е. «не выпил предназначенную мне часть молока», «Я не пью молоко» — т. е. «я вообще больше не пью молока»). Следовательно, в отрицательных предложениях эстонского языка отсутствует оппозиция «тотальность — партитивность» дополнения, а вместе с этим также возможность выражения глагольного вида русского языка. Поэтому соответствующие эстонские предложения оказываются без широкого контекста двусмысленными (в противоположность

русским отрицательным предложениям, которые сохраняют видовую форму глагола, хотя падеж дополнения и меняется с аккузатива на генитив). Напр. «Ma ei kirjutanud kirja» может быть переведено как «я не занимался писанием письма» или как «я не успел дописать письмо». Эту двусмысленность удаётся снять только знанием широкого контекста.

При переходных глаголах подлежащее выражается неизменно номинативом. При непереходных глаголах подлежащее может быть номинативное или партитивное. Партитивное подлежащее употребляется при различных предельных и непредельных глаголах: глаголах, обозначающих движение, — «astuma» (шагать), «hajuma» (рассеяться), «lendama» (летать), «libisema» (скользить) —, обозначающих изменение состояния, появление нового состояния, — «hukkuma» (гибнуть), «puhkema» (расцветать), «sulama» (таять) —, выражающих значение пребывания вообще или при определенных обстоятельствах, — «jätkuma» (продолжаться), «kasvama» (расти), «elama» (жить). Но для того, чтобы был возможен партитивный падеж подлежащего, глагол должен употребляться в своем «экзистенциальном» значении, т. е. должен выражать лишь присутствие — отсутствие предмета вообще — «Libahunte ei ole olemas» (Оборотней нет) или по отношению к определенным обстоятельствам, времени или месту «Ahelates vaevleb vange» (В окопах мучаются пленники). Например, в сочетании с глаголами движения партитивный падеж выражает пассивность субъекта: действие как будто лишь «встречается, бывает», а не происходит по инициативе субъекта — «Ohus lendab varblasi» (В воздухе летают воробьи — букв. «летит воробьев»). Если сказуемое сообщает о субъекте больше, чем простая констатация его наличия — отсутствия, то из этого вытекает, что наличие — отсутствие субъекта уже предполагается, и предикация дает о нем новую информацию, — следовательно, использовать партитивное подлежащее нельзя. Поэтому в предложениях, где имеются слова, уточняющие характер действия субъекта, партитивное подлежащее не применяется — «Külalised tulevad alati eesuksest, omad inimesed käivad enamasti tagaukse kaudu» (Гости входят всегда через переднюю дверь, свои люди ходят чаще через заднюю дверь).

Кроме экзистенциальности сказуемого, для употребления партитивного подлежащего должны быть выполнены еще два второстепенных условия: (а) предмет, обозначенный подлежащим, должен быть делимым — «Ohus tundus petrooliumivingu» (В воздухе чувствовался запах керосина) или представленным в предложении как делимый — «Mehel on turja» (Парень плечист); (б) предмет, обозначенный подлежащим, должен представлять неопределенную часть целого — «Küllap sealgi käskijaid leidub» (Найдутся и там указчики). Проверить, правильно ли употреблен падеж подлежащего, позволяет введение в предложение отрица-

ния: оно должно относиться к подлежащему и отрицать его — «Mesilasi lendas — Mesilasi ei lennanud» (Пчелы летали — пчелы не летали). Отсутствие такой функции указывает на неправильное употребление партитивного падежа подлежащего. В отрицательных предложениях условия (а) и (б) теряют свою силу: отрицательные экзистенциальные предложения всегда с партитивным подлежащим [16/61—73].

На русском языке «экзистенциальному» значению соответствуют следующие частные значения несовершенного вида [см. 12/303—304]: (а) тенденция к определенному факту, попытка или намерение достичь определенного результата — «Солдаты умирали сотнями, но не сдавались» (Sõdureid suri sadadena, kuid pad ei andnud alla) — в противопоставлении к частному значению совершенного вида «действительное осуществление этого факта, действительное достижение результата» — «солдат сдался» (Sõdur andis alla); (б) неопределенная длительность протекания действия, т. е. длительность, не ограниченная какими-либо пределами — «Существовали различные взгляды по этому вопросу» (Selle küsimuse kohta eksisteeris erinevaid vaateid) — в противопоставлении к частному значению совершенного вида «ограниченность известными пределами длительности его протекания» — «Эти взгляды просуществовали 500 лет» (Need vaated eksisteerisid 500 aastat); (в) действие «в общем смысле», неопределенно в отношении конкретных условий его осуществления — «На улице летали бабочки» (Väljas lendas liblikaid) — в противопоставлении к частному значению совершенного вида «конкретный факт» — «Бабочки улетели в лес» (Liblikad lendasid metsa). Как видно, непереходные глаголы-сказуемые несовершенного вида с этими частными значениями несовершенного вида могут переводиться на эстонский язык с партитивным подлежащим. На русский же язык непереходные глаголы-сказуемые с партитивным подлежащим переводятся всегда глаголами несовершенного вида — «Tema valmistatud oreleid leidis kahes-kolmes talus» (Органы, изготовленные им, встречались на двух-трех хуторах), «Hääli kostis ja katkes» (Голоса раздавались и прерывались), «Kaevult tuli lapsi veetopsikutega» (С колодца приходили дети с банками воды).

Исследователи отмечают, что партитивное подлежащее не чуждо также русским северным диалектам (ср. «Есть у нас рек, озер, лесу», «У меня есть сонных капель», «Молока и масла, всего есть»), причем считается, что такое употребление генитива произошло под влиянием финно-угорских языков, а отчасти и из-за одинакового происхождения этих падежей из аблатива [2/282—285].

Надо отметить, что не все авторы считают «партитивное подлежащее» подлежащим. Они мотивируют свое мнение тем, что этот тип подлежащего встречается в предложениях, носящих явно

имперсональный характер — а в имперсонале, как известно, подлежащего быть не может. Аналогичные имперсональные образования встречаются и в других индоевропейских языках, кроме русских диалектов, ср. англ. «There was no moon» (не было луны), фр. «Il est...», нем. «Es gibt Leute» (имеются такие люди). В связи с этим предлагается вместо термина «партитивное подлежащее» термин «партитивное предикативное подлежащее» [6/113—114].

V

Практически любой эстонский неопределенный глагол может стать видовым (т. е. предельным), если присоединить к нему соответствующее префиксальное слово и образовать вместо простого глагола слитный глагол: «kuulama — äga kuulama» (слушать — выслушать), «lööma — kinni lööma» (бить — забить). Слитный глагол может осмысливаться как результативный и как нерезультативный глагол — «Kirjutaja lõi oma raamatu kinni» (Писарь захлопнул свою книгу); «Kirjutaja lõi oma raamatut parajasti kinni, kui ma uksele koputasin» (Писарь захлопывал свою книгу как раз тогда, когда я постучал в дверь). Авторы пишут, что в южной группе прибалтийско-финских языков количество таких префиксальных слов особенно велико, у некоторых при этом совершенно отсутствует собственное лексическое значение [10/91—92], также как у определенных русских приставок [22/33].

Результативность и временная законченность выражается в эстонском языке еще различными словами, выполняющими функцию префиксальных слов. Они не образуют слитного глагола, а являются лишь сочетанием «неопределенный глагол + обстоятельство со значением префиксального слова», которое функционирует как видовой глагол по отношению к дополнению. Напр. «hoidma — puutumatusena hoidma» (сохранять — сохранять в неприкосновенности), «tunnistama — omaks tunnistama» (признать — признать своим). «После сих известий девка оставила Марью Кириловну» (Пушкин, 1936, 107 — «Pärast neid sõnumeid jättis teenijatüdruk Marja Kirilovna üksi» (Пушкин, 1967, 97). Префиксальное слово или наречие со значением префиксального слова обычно дает неопределенному глаголу такой «заряд» предельности, что употребление при нем партитивного дополнения становится довольно редким явлением и требует особых слов, показывающих продолжающийся характер действия «Мы оставляли его часто с собакой» — Me jätsime ta/teda sageli üksi koeraga. Надо отметить, что видовые глаголы могут также употребляться с префиксальными словами или наречиями со значением префиксального слова. Только в этом случае они ничего нового в значение глагола не вносят, так как

содержатся имплицитно в значении этих глаголов и, эксплицитно выраженные, как бы дублируют себя. Этим объясняется легкость, с которой к этим глаголам можно придумать префиксальные слова, напр. «haagama — kinni haagama» (хватать — схватить), «ehitama — valmis ehitama» (строить — выстроить), istutama — maaha istutama» (сажать — посадить). К неопредельным глаголам таких слов придумать труднее: тут приходится фактически создавать новое слово. То, что наблюдается отсутствие постоянно действующих синтаксических условий, способствующих появлению предельного значения у неопредельных глаголов, объясняется тем, что в лексическом значении глагола отсутствует предельность. Поскольку предельное и неопредельное значение — видовой характер глагола — непосредственно вытекают из лексического значения глагола, появление предельной семантики может быть вызвано только изменением лексического значения глагола, появлением нового значения. Но это новое значение не закреплено, оно окказионально, и поэтому, может быть, правильнее было бы говорить о предельном употреблении, чем о предельном значении данных глаголов.

Перечисленные в настоящей статье способы передачи в эстонском языке значений глагольного вида русского языка, видимо, не являются исчерпывающими. Однако они позволяют утверждать, что актуальность как функционально-семантическая категория является универсальной языковой категорией, подразделяемой только на «явную» и «скрытую».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. Уч. зап. Института славяноведения., т. 23, М., 1962.
2. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
3. Igor Vahros. Venejän genetiivi ja suomen partitiivi eritoten objektin ja subjektin kaasuksina. Verba docent. Juhlakirja Lauri Hakulisen 60-vuotispäiväksi 6. 10. 1959. Helsinki, 1959.
4. Гэррей Г. Глагольный вид во французском языке. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
5. Дамбрюнас П. Глагольный вид в литовском языке. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
6. Norman Denison. The partitive in Finnish. Suomalaisen Tiedeakatemian Toimituksia, sarja B, Nide 108. Helsinki, 1957.
7. Долинина И. Г. Вопросы описания категории предельности в системе глагольного вида. Нальчик, 1963.
8. Hjelmslev Loius. Principe de grammaire général. København, 1928.
9. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. М., 1961.
10. Kont, K. Käändsõnaline objekt läänemeresoome keeltes. Tallinn, 1963.
11. Kure, K. Tegusõna «olema» funktsioonidest ja tähendustest. Emakeele Seltsi Aastaraamat II, Tallinn, 1956.
12. Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. Известия АН СССР, ОЛЯ, 1948, т. VII, вып. 4.
13. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — Введение к сб. Вопросы глагольного вида. М., 1962.

14. Mihkla, K., Rannut, L., Riikoja, E., Admann, A. Eesti keele lauseõpetuse põhijooned I. Lihtlause. Tallinn, 1974.
15. Нурен А. Из V тома книги «Наш язык». — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
16. Порциг В. О способах действия индоевропейских презентных образований. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
17. Sadeniemi, Matti. Objektin totaalisuudesta ja partiaalisuudesta. Virittäjä, 1929, 8.
18. Saхén, Ralf. Aspektista suomen kiele nverbiopassa. Virittäjä, 1916, 1.
19. Сафаревич Я. О выражении совершенности и несовершенности в латинском языке. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
20. Серебrenников Б. А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
21. Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков). — Сб.: Филология стран Востока, Л., 1963.
22. Шелякин М. А. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. (к теории функционально-семантической теории аспектуальности). Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1972.
23. Steinberg, N. Grammaire francaise. Moscou, 1962.

Список литературы цитированных примеров:

1. Н. В. Гоголь, Сочинения. Л., 1952.
2. N. V. Gogol, Taras Bulba. Tallinn, 1947.
3. Н. Носов, Приключения Незнайки и его друзей. М., 1956.
4. Носов 1966 — N. Nossov, Totu ja ta sõbrade seiklused. Tallinn, 1966.
5. Пушкин 1936 — Пушкин, Дубровский. Л., 1936.
6. Пушкин 1967 — A. Puškin, Dubrovski. Tallinn, 1967.

ПРЕДЕЛЬНЫЕ И НЕПРЕДЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

М. А. Шелякин

Лексико-семантическая категория предельности/непредельности оказывает большое влияние на многие процессы образования и функционирования видовых форм русского глагола. Она, можно сказать, является тем «переключателем», который связывает грамматические и семантические особенности глагольной лексики, представляя собой пограничную зону между грамматической и лексической семантикой. Без осознания роли этой категории в русском языке и последовательного учета ее при грамматическом изучении глагольной лексики вряд ли возможны более или менее строгая систематизация соответствующих фактов и понимание механизмов, регулирующих лексико-грамматической классификацией или «скрытой» грамматикой русского глагола.

Настоящая статья посвящена определению основных семантических типов предельных и непредельных глаголов несовершенного вида в русском языке. Их можно назвать «базовой» предельностью/непредельностью, так как именно от нее зависят особенности образования видовых пар, тех или иных способов глагольного действия и вообще приставочных и суффиксальных глаголов, явление синонимии видов, лексическое распределение частных видовых значений, лексическая и синтаксическая сочетаемость глаголов и др.

Общее понятие категории предельности/непредельности

Понятие категории предельности/непредельности возникло при изучении глагольной лексики романских языков (см. об этом Ю. С. Маслов, 6). Затем оно стало применяться к языкам различного типа, и, видимо, названная этим термином (а также аналогичными по значению другими терминами) категория свойственна всем языкам мира. Ю. С. Маслов отмечает, что, несмотря на разное наименование этой категории, фактически речь идет об

одном и том же [см. 6/14]. В советском языкознании данная категория обычно трактуется с точки зрения направленности/ненаправленности действия к внутреннему пределу, с достижением которого оно прекращается (см. Ю. С. Маслов [7/197], И. П. Иванова [5/64], А. В. Бондарко [1/28—29] и др.). Предельные глаголы «обозначают такие действия, которые по своей природе предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижение известного предела, кладущего конец действию», непредельные глаголы «обозначают действия, не предполагающие по своей природе никакого внутреннего предела, действия, которые могут длиться беспредельно и не содержат в самих себе никаких предпосылок своего прекращения» [7/197].

Как видно из приведенной цитаты, категория предельности/непредельности связывается с признаком ограниченности/неограниченности осуществления действия во времени. Об этом определенно говорит Ю. С. Маслов и в другой своей работе: «В противопоставлении предельности/непредельности основанием деления служат наличие или отсутствие предела в протекании действия, направленность или ненаправленность действия на достижение этого предела» [8/15]. Уже у одного из основателей учения о предельности/непредельности Ф. Дица встречается определение непредельных глаголов (в терминологии Ф. Дица — имперфективных) как глаголов, которые обозначают действия, не имеющие цели своего завершения, и определение предельных глаголов (в терминологии Ф. Дица — перфективных) как глаголов, которые обозначают действия, либо ограниченные одним моментом, либо подразумевающие конечную цель [14, 4/318].

В зарубежном языкознании, отчасти и в советском, категория предельности/непредельности часто понимается с точки зрения реальной «овещественности» действия, т. е., говоря словами А. Нурена, с точки зрения того, «ведет ли действие к чему-либо, ... имеет ли оно перспективу, которая выходила бы за пределы самого действия» [11/335]. Становится ясным, что и в этих определениях лингвисты опираются на понятия ограниченности/неограниченности осуществления действия, так как об овеществленной эффективности действия можно судить только с учетом его завершенности. Поэтому при толковании указанного понимания предельности/непредельности аспектология нередко пользуется понятием ограниченности/неограниченности действия. Так, например, Г. Б. Гэрей включает в понятие предельности/непредельности признак цели действия и рассматривает этот признак в плане ограниченности/неограниченности действия: «Эта цель выступает как достигнутая в перфективном времени и как потенциальная во времени имперфективном. Назовем глаголы этого класса целевыми. Нецелевыми глаголами в таком случае будут являться те, которым не нужно дожидаться достижения цели для того, чтобы обозначаемое ими действие представлялось осуществленным:

действие это реализуется сразу же, как только начнется» [3/347]. И далее Г. Б. Гэрей иллюстрирует свое понимание целевых/нецелевых глаголов следующим примером: «Если при глаголе есть прямое дополнение и если это дополнение обозначает что-либо предполагающее окончание во времени, например, партию в шахматы, в теннис или сонату Бетховена, то конструкция «глагол + дополнение» будет целевой. В противном случае, т. е. если дополнение при глаголе является нецелевым, например, *aux échecs* «в шахматы», *du violon* «на скрипке», *du Beethoven* «из Бетховена», или если при глаголе вообще нет дополнения (например, *il joue très bien*, «он играет очень хорошо»), то конструкция будет нецелевой» [там же, 348].

Сходные мысли высказал Д. Грубор по отношению к одной из групп неопределенных глаголов (глаголов состояния) и к предельным глаголам, названным им глаголами развития. Рассматривая глаголы состояния и развития с точки зрения их отношения к категории вида, он отмечает, что «совершенные глаголы развития выражают полную завершенность действия или становления от начала до конца, завершенность всего действия или завершенность определенного количества этого действия» [2/70], «совершенные глаголы развития связаны с объектом, возникающим или изменяющимся в результате действия, или с пройденным расстоянием» [там же, 72], но глаголы состояния — это глаголы со значением действий, при которых «ничто не меняется, не развивается, все пребывает в покое» [там же, 69], «стативные... глаголы не обозначают ни действия, ни становления, ни развития, ни завершенности» [там же, 69], их совершенный вид указывает только на то, «сколько времени провел субъект в этом состоянии» [там же, 72], ср. *posnать немного*.

А. Нурен, хотя вербально и не связывает категорию предельности/неопределенности с ограниченностью/неограниченностью осуществления действия, фактически проводит эту связь при перечислении формальных признаков двух типов шведских глаголов, которые он назвал соответственно терминативными и курсивными глаголами. Терминативные глаголы «выражают появление какого-то (нового) факта либо совершение... чего-то, что предусматривалось или ожидалось, будь то прекращение или возникновение (становление) чего-либо. Иначе говоря, терминативные глаголы выражают то факт, что нечто происходит и, так сказать, является событием, т. е. вносит какой-то вклад, который в той или иной мере меняет характер сущего введением в него нового момента, так что можно сказать..., что, «происходя, что-то происходит», т. е. становится действительностью (осуществляется, реализуется) в процессе своего протекания. Поэтому можно также сказать, что терминативный вид указывает на наличие какого-то решающего поворотного пункта..., начального или конечного..., какого-то перехода от чего-то или к чему-то. Все

это является противоположностью курсивному виду» [11/337—338]. Шведские страдательные причастия курсивных переходных глаголов, указывает А. Нурен, имеют значение настоящего времени, а соответствующие причастия терминативных переходных глаголов — значение прошедшего времени (там же, 340).

Оригинальное определение категории предельности/непредельности предложил А. А. Холодович, используя данные корейского и японского языков [13]. А. А. Холодович при истолковании предельных/непредельных глаголов вводит понятие состояния «предмета» и прекращение состояния «предмета», обращая внимание на внеязыковые ситуации, возникающие после прекращения предельных и непредельных действий, т. е. он как бы смотрит на то, что происходит в реальности после прекращения предельных и непредельных действий.

Судя по приводимым примерам и характеристикам, под состоянием «предмета» исследователь понимает определенный глагольный признак, который «как правило, не может длиться бесконечно долго: в какой-то определенный момент он прекращается и на смену ему приходит другое состояние» [13/7]. Предельность/непредельность действия определяется по признаку одновероятного/разновероятного перехода данного состояния в другое состояние. Если переход данного состояния (после его прекращения) в другое состояние одновероятно предопределен, то такое состояние является предельным или состоянием с одной степенью свободы. Если переход данного состояния (после его прекращения) в другое состояние равновероятен, не предопределен самим его характером, то такое состояние является непредельным или состоянием с несколькими либо многими степенями свободы [см. там же, 8]. Хотя автор статьи исходит из признания реальной ограниченности любого действия, он все же различает в этой ограниченности предопределенную и непредопределенную ограниченность, что сближает эти два типа ограниченности действия с бинарным делением действий по признаку ограниченности/неограниченности их осуществления. Говоря о предельных глаголах, А. А. Холодович указывает, что выражаемое ими «состояние будет продолжаться какое-то определенное время, а затем неизбежно ... завершится, вслед за чем наступит новое состояние и притом определенное», что подобное «состояние, естественно, завершится, после чего его нельзя уже будет продолжать» [там же, 8]. Однако непредельные глаголы выражают состояние, которое «может продолжаться неопределенно долго, и если оно, «наконец, прекратится, то на смену ему появится другое состояние, причем любое, в каком только может находиться данный предмет» [там же, 8—9].

Как показывают изложенные концепции категории предельности/непредельности, обычно под нее подводятся глаголы со значением результативной или целевой направленности действия,

предполагающей его неизбежное прекращение вследствие достижения предусмотренного результата или цели, и глаголы со значением действий, не имеющих подобной направленности. Следовательно, категория предельности/непредельности рассматривается чаще всего с точки зрения наличия/отсутствия «внутреннего предела» в развитии действия.

Основные семантические группы предельных глаголов несовершенного вида

Направленность действия на внутренний предел проявляет себя в разных формах. Одни глаголы (или их значения) обозначают такие действия, внутреннее развитие и ограничение которых связаны с появлением (оно может быть и предусмотренным, предполагаемым, целевым) одновероятного состояния субъекта или объекта, соответствующего предметно-понятийным признакам действия. Ср. *краснеть, идти в школу, белить стену, резать проволоку, дарить книгу* и т. д. Другие (или их значения) обозначают такие действия, внутреннее развитие и ограничение которых связаны с появлением нового одновероятного события в широком смысле слова (факта, предмета и т. д.), также соответствующего предметно-понятийным признакам действия. Ср. *строить дом, писать письмо, рисовать картину* и др. Третья группа глаголов обозначает действия, внутреннее развитие и ограничение которых связаны с достижением необходимой активности субъекта, направленной на различного типа познание, усвоение, восприятие, оценку, учет и др. объектов. Ср. *измерять, смотреть фильм, пробовать, регистрировать, читать, учить* и т. д.

В целом предельные глаголы выражают действия, ограниченное осуществление которых определяется направленностью на появление какого-либо результата, соответствующего природе самого действия. Поэтому к предельным глаголам относятся все глаголы, которые детерминируются предметными ограничителями, так или иначе указывающими на сосредоточенность в них результирующей направленности действия: объективно-предметными, субъектно-предметными, имеющими разнообразное выражение и разную синтаксическую сочетаемость.

Под предметными ограничителями мы понимаем все связанные с глаголом валентные компоненты, указывающие на внешнюю направленность действия, не выходящую за границы данной предметности. Это ограничители, представленные синтаксически обязательным винительным падежом (при прямопереходных глаголах), дательным падежом адресата, предложно-падежными конструкциями с локально-предметными значениями и др. средствами (о них см. ниже), в том числе и именительным падежом со значением субъекта, в котором происходят изменения призна-

ковых свойств (при инхоативных глаголах типа: *краснеть, белеть* и под.).

Характерной чертой предельных глаголов является возможность образования от них соотносительных форм вида при помощи разных грамматических средств. Видимо, это связано с тем, что предельные глаголы, как правило, обозначают активные, целенаправленные и контролируемые субъектом действия, которые поддаются обобщению с точки зрения целостного и нецелостного проявления.

Так как категория предельности/непредельности проявляет себя косвенным образом в различных фактах глагольной системы, отнесение тех или иных русских глаголов (и их отдельных значений) к предельным и непредельным целесообразно производить не по какому-то одному признаку, а по комплексу признаков. Такими признаками для предельных глаголов, на наш взгляд, являются:

а) Парность глагола по формам вида с учетом не только его имперфективации, но и чистовидовой перфективации. Это сильный признак, но не абсолютный, так как видовая парность предельных глаголов в ряде случаев нарушается под влиянием различных факторов.

б) Определенная синтаксическая и лексическая сочетаемость предельных глаголов, отличающаяся от подобной сочетаемости непредельных глаголов.

в) Возможность образования способов действия, свойственных только предельным глаголам и сохраняющих предельный характер их действия.

Определенная детерминация предельных глаголов предметными ограничителями диагностирует и классифицирует их лексико-семантические типы. С этой точки зрения можно выделить следующие группы предельных глаголов с учетом упомянутых трех форм проявления предельности действия.

1) Появление одновероятных, в том числе целевых, предполагаемых состояний объекта или субъекта определяется действиями следующих групп глаголов (их можно назвать трансформативными глаголами воздействия);

а) Квалификативные глаголы. Этим термином мы обозначаем глаголы со значением действий, направленных на частичное изменение признаков свойств их объектов или субъектов, при котором возникают или должны возникнуть одновероятные отношения между признаком и предметом: предмет (объект или субъект) становится или должен стать (наделяется) по этому признаку, который вызывает данное действие. Следовательно, квалификативные действия ведут или должны вести к появлению атрибутивных отношений между предметом и признаком. Предельность подобных глаголов заключается в том, что осуществление их действий ограничено возникновением указанных отноше-

ний: процессуальность действия прекращается при достижении (оно может быть и предполагаемым) соответствующих изменений признаков свойств объектов или субъектов.

Грамматически квалификативные глаголы делятся на прямопереходные и непереходные. Однако их объединяет сочетаемость с винительным и именительным падежом в функции внешнего объекта или субъекта, испытывающих воздействие, в результате чего они переходят (или должны перейти) в определенное новое признаковое состояние.

Прямопереходные квалификативные глаголы, в свою очередь, можно подразделить на глаголы со значением воздействия, направленного на неодушевленный объект, и глаголы со значением воздействия, направленного на одушевленный объект.

Первая группа включает глаголы со значением наделения объекта цветовым и световым признаком, придания объекту новой формы, вида, состояния и др: *белить, желтить, синить, чернить, золотить, серебрить, пестрить, темнить, румянить, бронзировать, сурьмить, глазуриуть, вохрить, красить, малевать, мазать* (чем-либо) и под.; *вить (волосы), косить* (делать косым), *круглить, кривить, ровнять, гладить, утюжить, катать (белье), сутулить (плечи), коротить, морщинить, остричь, точить, тупить, рыхлить, мочить, сушить, морозить (вино), студить, холодить, калить, топить (печь), сластить, крахмалить, маслить, перчить, сахарить, солить, чистить, (обувь), колотить (ковер), мыть (полы), грязнить, пачкать, марать, пятнить, салить, слюнить, слюнявить, смолить, брызгать, (платье при глажении), ремонтировать, графить, линовать, полоскать (белье), веять (пшеницу), чинить, стирать, вощить (бумагу), глянецвать, драить (палубу), лакировать, полировать, никелировать, балансировать, редактировать, хромировать, гримировать, лудить, шлифовать, грунтовать (холст), греть (воду), кипятить, душить (платок) и под. Среди перечисленных глаголов есть глаголы, действия которых совмещают направленность на специальную обработку объекта и придание ему каких-либо свойств, признаков: *шлифовать, дубить кожу, никелировать, лудить, вялить рыбу, коптить окорок* и под.*

Вторая группа переходных квалификативных глаголов представлена глаголами эмоционального, волевого, речевого, воздействия, предпринимаемого с целью вызвать определенные признаковые свойства или состояния у одушевленного объекта: *бодрить, резвить, храбрить, обижать, оскорблять, волновать, пугать, стращать, гневить, злить, сердить, бесить, огорчать, утешать, успокаивать, тренировать, дрессировать, муштровать, утомлять, жалобить, унимать, дразнить, смешить, веселить, морочить голову* и др.

К данной группе можно отнести глаголы речевого воздействия, предпринимаемого с целью вызвать представление о признаковых свойствах (обычно неблагоприятных) одушевленного объекта или

оказать влияние на его поведение: *порочить, чернить, срамить, позорить, стыдить, хулить, оговаривать, шельмовать* и др.; *хвалять, славить, бранить, ругать, критиковать, позорить, советить, агитировать, кричать на кого-либо*, и под., а также глаголы со значением действий, направленных на установление определенных отношений между лицами: *знакомить, дружить, мирить, ссорить, женить, сватать, венчать*. Указанные глаголы речевого воздействия предельны потому, что осуществление их действия предполагает определенную меру высказываемого порицания или одобрения, которая считается достаточной для проявления этих действий как таковых.

Непереходные квалификативные глаголы включают все инхоативные глаголы с суффиксами *-ну-* и *-е-*: *вянуть, сохнуть, киснуть* и т. д., *сыреть, ржаветь, беднеть*, и т. д.; а также глаголы, как *стыть, линять, преть, спеть* (становиться спелым), *потеть* (становиться влажным) и др. Они также делятся на глаголы со значением действий, направленных на одушевленный субъект (типа: *робеть, брататься, родниться*) и на неодушевленный субъект (типа: *ржаветь, сыреть* и др.).

б) Деструктивные глаголы. Этим термином мы обозначаем глаголы со значением действий, направленных на разрушение, полное изменение, порчу или прекращение существования, уничтожение, расходование объекта или субъекта. К ним относятся как прямопереходные, так и непереходные глаголы, сочетающиеся с одушевленными и неодушевленными объектами и субъектами.

Прямопереходные деструктивные глаголы: *мять, колоть дрова, пилить, ломать, рубить, рвать, резать бумагу, драть кору, пороть платье, бить посуду, колотить посуду, гноить картофель, гасить огонь, топтать траву, кромсать, корезить, крошить, рушить, бомбить, стричь, брить, палить, жечь, портить, комкать, трепать платье, царапать, дробить, грызть* и под.; *колоть врага, бодать, резать кур, рубить, глушить рыбу, губить, убивать, давать, душить, морить, вешать, стрелять, кусать, потрошить* и др. К ним можно отнести и глаголы со значением действий, направленных на расходование объекта типа: *есть, пить, глотать, клевать зерна* и др.

Непереходные деструктивные глаголы: *дохнуть, гибнуть, умирать, колеть, тонуть, гаснуть, тлеть, гнить, таять, чахнуть, трескаться, лопаться, ветшать, трухлявить* и др.

К деструктивным глаголам примыкают такие прямопереходные глаголы, действия которых направлены на изменение нормального положения объекта или на его отделение: *кувыркать, ворошить, ворочать, путать нитки, валить, стричь, брить, косить траву, щипать перья, жать пшеницу* и под.

в) Семантически близкими к деструктивным глаголам являются прямопереходные глаголы со значением насильственных

действий, направленных на одушевленный объект с целью возмездия (наказание за что-то) или оказания влияния на поведение: *пороть, сечь, лупить, колотить, дубасить, бить, хлестать* и под. Они предельны потому, что ограниченность их действий связана с достижением предусмотренной меры воздействия, которая считается достаточной для субъекта действия.

г) Глаголы со значением действий, направленных на перемещение объекта в широком смысле слова (пространственное, получение — передача и др.) или осуществляющихся субъектом с целью перемещения в определенное место (однонаправленные непереходные глаголы движения с локально-предметными показателями); *идти в школу, ехать в город* и т. п.; *бросать, швырять, двигать, катать бочки в подвал, пихать, сажать, совать, толкать, носить, лить воду в стакан, грузить уголь в вагон, сыпать песок в яму, вешать белье, прятать вещи, снимать, ставить, ронять* и др.; *брать, получать, занимать деньги, хватать, воровать, красть, черпать воду, доить, удить, ловить, покупать* и др.; *давать, дарить, жертвовать, продавать, угощать, поить* (давать пить) *кормить* (давать корм) и под. Объекты при таких глаголах могут быть конкретными и абстрактными. К ним можно отнести также глаголы (переходные и непереходные) речевого сообщения, передачи информации типа: *сообщать, говорить, докладывать, рассказывать, обещать, советовать, грозить, доносить, клеветать, ябедничать, клязничать* и др. (о них см. [10/54—55]).

д) Семантически близкими к предыдущей главе являются прямопереходные глаголы со значением действий, направленных на наделение объекта каким-либо предметом (конкретным или абстрактным): *снаряжать, снастить, обмундировать, рядить, вооружать, обувать, седловать, вьючить, бинтовать, пеленать* и под.; *именовать, нумеровать, клеймить овец, штемпелевать пакеты, ковать лошадь, крыть крышку толем, мазать стены глиной, мостить двор бревнами* и др.

е) Прямопереходные глаголы со значением скрепляющего действия: *шнуровать, вязать вещи, клеить, паять, клепать, строчить, стегать (одеяло), штопать, закрывать, запирать* и под.

ж) Глаголы со значением действий, обращенных к лицу и направленных на приобретение, получение каких-либо объектов (конкретных или абстрактных): *просить, требовать, кланяться, хлопотать, молить, пытать, спрашивать* и др.

з) Глаголы со значением речевого волеизъявления, направленного на какую-либо одновероятную деятельность, поведение и т. д. одушевленного объекта: *приказывать (кому), поручать, велеть, предлагать, советовать, рекомендовать, разрешить, позволять, убеждать (кого), звать (кого), заставлять (кого)* и под.

2) Появление новых одновероятных событий в широком смысле слова (фактов, предметов и др.) определяется действиями следующих групп глаголов:

а) Прямопереходные глаголы со значением действий, направленных на создание объекта (конструктивные глаголы): *бурить скважину, валять валенки, варить варенье, вязать платок, делать стол, гнуть дугу, печь пироги, плести корзину, тачать сапоги, шить рубашку, чеканить деньги, копать яму, строгать игрушку, клепать заклепки, лепить фигурки, строить дом, клеить конверты, катать шарики, молоть муку* и под. К ним относятся глаголы со значением действий, направленных на специальное приготовление: *мариновать яблоки, топить молоко, сушить груши* (заготавливать впрок), *солить огурцы (на зиму), квасить капусту, мять глину, тушить мясо, жарить свинину, фаршировать рыбу* и др. Их действия совмещают направленность на создание объекта с изменением свойств объекта.

Конструктивными глаголами являются также глаголы со значением творческой, интеллектуальной и исполнительской деятельности, как например, *писать письмо, рисовать картину, сочинять песню, играть концерт, петь песню, решать задачу* и др.

б) Близкими к предыдущей группе являются глаголы со значением действий, направленных на предвосхищенное создание или обработку объектов с целью их использования в будущем (антицептивные и фиксативные глаголы): *готовить дрова на зиму, планировать, проектировать, бронировать, резервировать, вербовать* и др.; сюда же можно отнести: *протоколировать, стенографировать, регистрировать, консервировать, фрахтовать, стоговать сено* и др. (ср. отмеченные выше: *солить огурцы, квасить капусту, мочить яблоки* и под.).

в) Прямопереходные глаголы со значением действий, направленных на получение количества объекта из множества. В большинстве случаев они являются деструктивными, но целенаправленность их действий отличается «созидательным», а не «разрушительным» характером: *косить траву (для коровы), резать хлеб (для стола), рыть землю, ломать хворост (для топки), плющить железо, стричь шерсть, рубить дрова, толочь корицу* и др.

г) Непереходные глаголы со значением действий, производящих тот целевой результат, который указан в их исходных основах типа *кляксить пером* (делать кляксы), *грязнить сапогами, мусорить, сорить соломой, грешить, скандалить*, (устранять скандал), *пакостить* (делать пакости), *безобразничать* (совершать безобразный поступок) и др.

3) Глаголы со значением активных действий субъекта, направленные на различные виды познания, усвоения, восприятия, оценку, учет и др.:

а) Глаголы измерения и оценки объекта: *вешать, мерить, пробовать, трогать, щупать, нюхать цветы, браковать, сортировать, ценить вещи, считать, регистрировать, активировать, проверять* и под.

б) Глаголы со значением действий, направленных на познаю-

щее восприятие объекта: *смотреть фильм, слушать выступающего, читать книгу, терпеть обиду* и др.

Мы перечислили основные группы предельных глаголов несовершенного вида. Между указанными группами могут быть, конечно, переходные случаи, ряд глаголов можно интерпретировать и иначе. Однако отмеченные семантические зоны и входящие в них группы предельных глаголов проявляют себя довольно отчетливо при перфективации, образовании тех или иных приставочных способов действия и др. Кроме приведенных предельных глаголов, следует указать и такие глаголы, как *искать, страховать, избирать, издавать, целовать, здороваться, звонить кому-нибудь* и нек. др.

Границы между предельными и непредельными глаголами подвижны. Уточняющие замечания по этому поводу см. в следующем разделе.

Основные семантические группы непредельных глаголов

Пользуясь словами Д. Грубора, можно констатировать следующую особенность непредельных действий: в них «нет никакого другого развития, кроме развития времени» [2/70]. Поэтому непредельные глаголы в отличие от предельных не детерминируются предметными ограничителями, указывающими на внешнюю предметную направленность. Они могут характеризоваться только временными или локальными обстоятельствами, показывающими ограниченность продолжительности или места проявления действия, но не являющимся для них обязательными. В этом отношении непредельные глаголы представляют соответствующие параллели с предельными глаголами: а) количественно-временная детерминация непредельных глаголов факультативно замещает обязательное место объектно-предметной детерминации предельных глаголов, ср. *спать час — строить дом*, б) количественно-временная или локально-адвербиальная детерминация непредельных глаголов факультативно замещает место обязательной локально-предметной детерминации предельных глаголов, ср. *идти два часа, идти по улице — идти в школу*, в) количественно-временная или локально-адвербиальная детерминация непредельных глаголов факультативно замещает место отсутствующей подобной детерминации предельных глаголов, ср. «Прозрачный лес один чернеет. И ель сквозь иней зеленеет, И речка подо льдом блестит» (Пушкин), «Надо мной чтоб вечно *зеленя* Темный дуб склонялся и шумел» (Лермонтов), но «зеленеть от злости», «краснеть от стыда».

Непредельные действия сами себе в своем проявлении лишены ограниченности. Количественно-временная детерминация их

является показателем таких границ длительности, которые «накладываются» на действие. Непредельные действия таковы по своей природе, что не поддаются целостному пониманию. Перфективные формы способов действия непредельных глаголов имеют в виду целостность не самого действия, а его количественного (временного и др.) проявления, что подтверждается возможностью таких фраз, как «он уже проспал два часа и все еще не просыпается», но нельзя сказать «он написал письмо и продолжает его писать». Поэтому непредельные глаголы не образуют соотносительных видов и форм.

Область непредельных глаголов — это прежде всего непереходные глаголы, за исключением инхоативных, однонаправленного движения с указанием локально-предметной ограниченности и нек. др.: действия непредельных глаголов, не имея внешней результирующей направленности, как правило, исходят из субъекта и сосредоточены в субъекте. Однако среди непредельных глаголов встречаются и прямопереходные глаголы, но их переходность не выражает результирующую установку действия, выходящую за его границу:

Прямопереходные глаголы можно классифицировать на следующие типы:

а) Глаголы, однородные в функционально-семантическом отношении с непереходными непредельными глаголами: ср. *он хорошо играет в шахматы* — *он хорошо читает стихи* (обычно винительный падеж представлен в форме множ. ч. в родовой функции), общее значение — постоянное умение совершать данное действие.

б) Глаголы с винительным падежом включенного в действие объекта: *любить кого-что, ненавидеть, обожать, боготворить* и нек. др.

в) Глаголы со значением многоактных действий (*качать коляску, дергать, тормошить уши, листать книгу*) или длительных действий типа: *держат чашку, греют спину, баловать его* и под.).

Следует отметить, что границы между предельными и непредельными значениями одного и того же глагола довольно подвижны. В таких случаях определяющую роль играет синтаксическая валентность глагола и контекст. Интересные примеры и убедительное их толкование дает на этот счет З. В. Ничман в статье, посвященной предельным и непредельным глаголам речи [10]. Так, по ее наблюдениям, предельность/непредельность глаголов с общим значением «обмениваться с кем-либо мыслями, сведениями, вести с кем-либо разговор, беседу» (*беседовать, говорить, разговаривать, советовать, спорить* и др.) зависит от целевой установки действий: если они направлены на конкретную цель (узнать мнение, спросить совета и др.), то они предельны; если они совершаются без конкретной цели, в плане ведения раз-

говора, беседы и проч., то они неопредельны (*он балагурил с дамами...*) [10/55]. Двойное понимание допускает и ряд глаголов со значением сообщения (*кляузничать, сплетничать, клеветать, лгать, врать* и под.): если они теряют признак «обращенности речи», то выступают в неопредельном значении постоянного свойства субъекта (ср. *он никогда не кляузничал, не фискалил*, т. е. не был кляузником, фискалом); если они сохраняют этот признак, то являются предельными (ср. *лгать — солгать кому-либо, кляузничать на кого-либо* в один определенный момент и др.).

Кроме того, следует отличать неопредельность глагола как семантическую особенность от видового значения неограниченно-повторяющихся действий предельных глаголов. Например, глагол *воровать* при употреблении в функции разового действия и в функции неограниченно-кратных действий (*он каждый день что-либо ворует*) — предельный, но при употреблении в качественно-характеризующей функции (*он ворует — он — вор*) — неопредельный. Здесь предельность/неопредельность значения глагола сигнализируется синтаксическими свойствами глагола: в первом случае он — переходный, во втором — непереходный. Но встречаются и такие случаи, когда, при сохранении управляемых свойств глагола, предельность/неопредельность значения зависит от других условий. На это обратила внимание З. В. Ничман, заметившая, что во фразах типа «*дети дерзят взрослым*», «*она была нервна, грубила начальству*» объект обозначает не лицо, к которому обращаются с целью сообщения чего-либо, а «лицо, по отношению к которому ведут себя определенным образом» [10/55—56]. Действительно, эти фразы допускают трансформацию в именные конструкции — «*дети дерзки со взрослыми*», «*она была нервна, груба с начальством*» с качественно-характеризующим значением их сказуемых.

При сопоставлении предельных и неопредельных глаголов с точки зрения возможности образования от них приставочных способов действия бросается в глаза относительная узость «базисных» неопредельных глаголов. Не все и не большинство неопредельных глаголов участвуют в образовании приставочных способов действия. Довольно большая группа неопредельных глаголов вообще не образует префиксальных глаголов. Например, к ним относятся:

а) Возвратные глаголы включенного обобщенного объекта (по терминологии И. А. Янко-Триницкой, см. [14/198—199] со значением свойства, характеристической черты субъекта, или, по терминологии В. В. Виноградова, возвратные глаголы с активно-безобъектным значением: *крапива жжется, собака кусается, корова бодается* и т. д.

б) Возвратные глаголы с качественно-пассивным значением: *стекло не гнется, платье марается* и под.

в) Безличные возвратные глаголы со значением самопроизвольного действия, сосредоточенного в одушевленном субъекте и имеющего постоянный характер (см. о них [14/212] и далее): *частенько хворается, хорошо дышится, не сидится, не пишется* и т. д.

г) Глаголы отношения со значением установления эквивалентности или характерных параметров предмета: *весить, стоить, равняться, цениться, насчитывать, соответствовать, противоречить* (не соответствовать), *считать чем-либо* и др.

д) Глаголы со значением постоянного бытия или наличия: *находиться, иметься, числиться, обладать, принадлежать, располагать* (иметь в своем распоряжении), *пребывать* (находиться где-либо), *иметь, храниться, водиться* (в пруду водятся карпы), *существовать* (быть, иметь в наличии), *наличествовать, знать* (обладать знанием) и др.

е) Глаголы со значением постоянного названия: *звать, именовать, назваться, величать, носить имя, иметь имя*, и под.

ж) Глаголы постоянного умения: *уметь, владеть* (оружием, пером), *играть на скрипке* и под.

з) Глаголы со значением действий как постоянных свойств человека, проявляющихся в отношении к окружающему: *гнушаться чего-кого-либо, сторониться людей, избегать знакомых, опасаться морозов, чуждаться людей, страшиться чего-кого-либо* и др.

Ср. также такие глаголы, как: *ценить, признавать, преобладать, исходить* (из чего-либо), *рассчитывать на кого-либо, зависеть от чего-либо, заключаться, изобиловать, выглядеть*, и др., которые нуждаются в особом учете и изучении.

Все перечисленные глаголы, можно сказать, семантически повторяют видовые значения несовершенного вида, связанные с указанием на неограниченное проявление действия, и поэтому не допускают никакого сужения своей семантики при помощи приставок.

В качестве глаголов, участвующих в приставочном образовании способов действия, выступают главным образом следующие семантические группы непередельных глаголов:

1) Непереходные глаголы со значением «издавать или производить звуки» (глаголы звучания). Они имеют ряд лексических и морфологических признаков, позволяющих объединить их в одну группу, и делятся на глаголы, соотносительные с маркированной одноактностью (*каркать — каркнуть*), и глаголы без подобной соотносительности (ср. *лаять, блеять, звенеть* и др.).

К первому типу глаголов звучания относятся все глаголы, образованные по 1-му продуктивному классу, и ряд глаголов непродуктивных классов: *атукать-атукнуть, аукать-аукнуть, ахать-ахнуть, бахать-бахнуть, булькать-булькнуть, брехать-брех-*

нуть (о собаке), брякать-брякнуть, бурчать-буркнуть, бухать-бухнуть, визжать-визгнуть, гавкать-гавкнуть, гукать-гукнуть, гаркать-гаркнуть, гроыхнуть-гроыхать, гикать-гикнуть, екать-екнуть, икать-икнуть, каркать-каркнуть, кашлять-кашлянуть, квакать-квакнуть, кукарекать-кукарекнуть, крякать-крякнуть, кудахтать-кудахтнуть, мурлыкать-мурлыкнуть, лязгать-лязгнуть, курлыкать-курлыкнуть, мякать-мякнуть, охать-охнуть, пиликать-пиликнуть, пищать-пискнуть, прыскать-прыскнуть (со смеху), рыкать-рыкнуть, рыгать-рыгнуть, стрекотать-стрекотнуть, скрипеть-скрипнуть, свистеть-свистнуть, тикать-тикнуть, топтать-топнуть, тьякать-тьякнуть, тюкать-тюкнуть, ухать-ухнуть, хлопать-хлопнуть, хихикать-хихикнуть, хмыкать-хмыкнуть, хрюкать-хрюкнуть, цокать-цокнуть, цыркать-цыркнуть, чвакать-чвакнуть, чиликать-чиликнуть, чокаться-чокнуться, чмокать-чмокнуть, чиркать-чиркнуть, чихать-чихнуть, шаркать-шаркнуть, шлепать-шлепнуть (по столу), шикать-шикнуть, щелкать-щелкнуть и др.

Ко второму типу глаголов звучания относятся: галдеть, звенеть, пыхтеть, шипеть, бляеть, лаять, шуршать, стонать, выть, вопить, скулить, ворчать, звучать, мычать, рычать, дребезжать, лепетать, грохотать, горланить, жужжать, ржать, барабанить, хототать и др.

Глаголы звучания обозначают действия, как правило, состоящие из однородных квантов, неограниченно повторяющихся на линии времени. Их прекращение не ведет к новому одновероятному состоянию субъектов, они не имеют результативной или целевой направленности, в синтаксическом отношении все они одноместно предикатные, за исключением, может быть, глаголов лаять на кого-либо, рычать на кого-либо, действия которых не воспринимаются как предельные.

С глаголами звучания, а также с другими многоактными глаголами, соотносительными с одноактными глаголами на -ну-, связан вопрос о их видовой парности. Как известно, ряд языковедов оспаривает традиционное мнение об одноактных глаголах с суффиксом -ну- как видовых коррелятах к многоактным глаголам. А. А. Потеня писал: «Однократность составляет степень длительности, но не потому, что глаголы однократные суть совершенные, а независимые от этого. Для меня, очевидно, что однократность и совершенность понятия не тождественные, так как последнее гораздо обширнее первого, и есть множество глаголов совершенных, но не однократных; категории эти для пользы разумения языка следует разделять, а не смешивать, так как и по времени происхождения они различны» [12/91—92].

Из приведенной цитаты следует, что А. А. Потеня разграничивал значение совершенного вида и значение способов действия. Но это еще не означает, что однократные глаголы являются одновидовыми, так как способы действия могут иметь парные по виду формы и вопрос о видовой соотносительности — это всегда

вопрос о единстве лексической семантики двух парных по виду форм и разнице их видовых значений. С точки зрения корневых морфем глаголы типа «мяукать — мяукнуть» одинаковы, с точки зрения значений основ они различны тем, что «мяука-» выражает неограниченное повторение «мяукну-».

Значение неограниченной повторяемости является релевантным значением несовершенного вида. Поэтому если считать, что видовую пару составляют и глаголы, различающиеся в видовом отношении только по признаку разового/повторяющегося проявления одного и того же действия, то многоактные глаголы, казалось бы, можно интерпретировать в качестве имперфективных форм одноактных глаголов. Ср. подобные отношения «засидеться — засиживаться», где имперфективный суффикс выражает только повторяющийся характер действия «засидеться».

Однако семантическая многоактность существенно отличается от значения неограниченно-повторяющихся действий несовершенного вида. Это значение несовершенного вида имеет в виду поли-темпоральное проявление действия в разные локально-временные моменты (*каждый день засиживаться* и т. п.) и не выражает многоактный характер действия (само действие «засиживаться» не состоит из элементов «засидеться»). Многоактные глаголы семантически выражают дискретный характер действия в один локально-временной момент (ср. *кто-то стучал по столу, когда я вошел*) и их политемпоральное проявление в разные локально-временные моменты выражаются грамматически несовершенным видом (ср. *когда он был сердит, то обычно стучал по столу*). Следовательно, значение неограниченно-повторяющихся действий несовершенного вида более абстрактно, чем значение многоактности.

Если бы одноактные и многоактные глаголы представляли собой видовые пары, то они встречались бы в позиции синонимии видов в значении ограниченно-кратных действий, однако ср. возможность фразы «собака гавкнула два раза» и невозможность синонимичной фразы «собака гавкала два раза».

В многоактных глаголах, как и в других глаголах, следует отличать предельные и непредельные значения. Это относится главным образом к глаголам перемещения или движения. Так, в историческом настоящем возможна фраза «он набирает воздух и ныряет в воду» (ср. «он набрал воздух и нырнул в воду»), где глагол «нырять» употреблен в предельном значении разового действия. Ср. также «он подходит к бассейну и прыгает в воду». Однако подобное употребление требует особых контекстуальных условий (выражения последовательности действий), при отсутствии которых указанная синонимия невозможна: ср. «смотри, он прыгает в воду», т. е. пытается прыгнуть, но еще не прыгнул. Интересный пример на стирание различий между многоактностью и одноактностью в «настоящем сценическом» приводит А. В. Бондарко [1/43]: «Слышен крик старика: «Стойте!» Громко хлопает

дверь, и этот звук, как топором, отрубает весь шум» (Горький). Здесь контекстуально выражен результативный характер действия «хлопать» (см. «отрубает весь шум»), поэтому и возможно употребление многоактного глагола в значении разового одноактного действия.

Если многоактный глагол употреблен в неопределенном значении, то в историческом настоящем он не допускает нейтрализации видов. Ср. «Ночь. Нянька Варька, девочка лет тринадцати, качает колыбель в которой лежит ребенок, и чуть слышно *мурлычет*...» (Чехов).

Сказанное позволяет нам придерживаться точки зрения тех, кто относит одноактные и многоактные глаголы к одновидовым глаголам, но с одной оговоркой: если многоактные глаголы семантически представлены в неопределенных значениях.

2) Глаголы физического действия со значением многоактного («квантованного») движения предмета. Они имеют ряд общих признаков с глаголами звучания. Как глаголы звучания, они в большинстве случаев переходные, и многие из них соотносительны с одноактными глаголами с суффиксом *-ну-* (ср. *вилять* — *вилянуть хвостом*). Их неопределенный характер определяется обозначаемой неограниченной повторяемостью квантового движения, не направленного на появление одновероятного нового состояния субъекта и не имеющего целевого назначения.

Неопределенные значения квантового движения обнаруживаются в конструкциях, в которых именительный, творительный и винительный падежи обозначают предметы, находящиеся в состоянии колебательного движения.

Это глаголы: *дрожать, буксовать, пульсировать, биться (сердце), сновать (челюк), прыгать (челюсть), качаться, ерзать, вибрировать, клевать носом, вилять хвостом, махать руками, мигать глазами, моргать, крутить головой, копошиться, трястись, топтать ногой, болтать ногой, сучить ножками, дергать плечами, жевать губами, жестикулировать, двигать руками, вертеть тростью, ковырять вилкой (в тарелке), мешать ложкой (в стакане), бить копытом, дергать рукав, теревить плечо рукой, трепать юбку ветром (ветер треплет юбку), тормошить, теревить уши, качать ветку рукой, шатать, колыхать, колебать, шевелить ушами, крутить, вращать колесо, ср. также: ветер кружит пыль, метет клочки бумаги, комкает платок рукой и под.*

3) Глаголы со значением движения, перемещения субъекта без детерминативов, указывающих на предельность движения, перемещения; *идти, ходить, шагать, маршировать, скакать, ковылять, гулять, блуждать, бродить, бежать, бегать, нестись, летать, лететь, плавать, прыгать, скользить, ползать, лазить, ехать, ездить, кататься, странствовать, путешествовать, скитаться, слоняться, кочевать, плутать, болтаться по улице, барахтаться в воде, кувиркаться* и т. д.

4) Непереходные глаголы со значением социально-профессиональной и др. деятельности лиц: *служить, командовать, воевать, торговаться, трудиться, работать, учиться, заниматься музыкой, учительствовать* (работать учителем), *ректорствовать, столярничать* (работать столяром), *слесарничать, батрачить, хозяйничать, рыbachить, партизанить, санитарить* и под.

5) Непереходные глаголы со значением поведения как характеризующей особенности лиц, обычно отрицательно оцениваемой: *бродяжничать, мошенничать, лицемерить, шпионить, подличать, бездельничать, скандалить, плутовать, двурушничать, раболепствовать, хулиганить, лентяйничать, баклушничать, озорничать, пьянствовать, шарлатанить, тунеядствовать* и под. К ним примыкают непереходные глаголы со значением проявления какой-либо черты, свойства (обычно отрицательных): *скромничать, жадничать, модничать, форсить, франтить, важничать, пыжиться, дичиться, кривляться, стилиажничать, куражиться, лукавить, хитрить* и др.

6) Непереходные глаголы со значением социального положения или характера жизни, существования человека: *нищенствовать, голодать, барствовать, благоденствовать, блаженствовать, бедствовать, царствовать, властвовать, лидировать, генеральствовать, тиранить* и под.

7) Непереходные глаголы со значением конкретного проявления деятельности лиц, конкретного «действия», занятости субъекта действием с «включенным объектом» или с «включенным назначением», но без указания на определенную целевую установку действия, т. е. с исключением предметных ограничений. О подобных глаголах Н. А. Янко-Триницкая пишет следующее: «...переходные глаголы несовершенного вида легко могут становиться непереходными, приобретая значение «включенного объекта»..., например, «*Не мешайте ему: он пишет* / значение включенного объекта: «*пишет что-то*» [14/20]. К рассматриваемой группе относятся и непереходные глаголы со значением деятельности лиц, употребляемые в функции конкретного проявления этой деятельности: ср.: *он столярничал на кухне, она занималась каким-то делом в столовой*. Отметим такие глаголы: *заседать, упражняться, охотиться, париться, говеть, поститься, дежурить, дневалить, караулить, молиться, председатьствовать, митинговать, бунтовать, нянчить, участвовать в соревнованиях, пилотировать, ухаживать за больным, хлопотать по дому, торговаться с кем-либо* и под. Ср. также глаголы речи, употребленные либо без объекта (внимание обращается на способы конкретного говорения: «*тарaxтeлa, тарaxтeлa, a толком ничего не сказала*»), либо с указанием темы речи, но без конкретизации содержания высказывания (*они говорили что-то обо мне, беседовали о спорте*): *говорить, беседовать, шутить, любезничать, шептаться* и др. (о них см. [10/51]), ср. еще *ругаться, браниться, хвастаться* и под.

8) Непереходные глаголы со значением действий «развлечения»: *веселиться, резвиться, тешиться, баловаться, играть, забавляться, шалить, танцевать, плясать, кутить, развлекаться, пировать, петь, гулять, купаться, качаться на качелях* и др. «Развлекательный» характер действия может иметь место и при употреблении глаголов пространственного перемещения в контексте, не указывающем на специальное целевое назначение действия: ср. *он сидел на берегу реки и бросал камни в воду*.

Большая группа неопределенных глаголов связана со значением статического или динамического состояния. Среди них выделяются:

9) Непереходные глаголы со значением положения субъекта в пространстве относительно какого-либо ориентира: *висеть, лежать, сидеть, стоять, валяться* и под.

10) Непереходные глаголы со значением физического состояния неодушевленного субъекта (обычно явления природы). К ним относятся непереходные глаголы, образованные от прилагательных и имеющие значение «выделяться данным цветом». Они образуют возвратные глаголы в отличие от инхоативных предельных глаголов (ср. *алеть — алеться, краснеть — краснеться*) и реализуют свои неопределенные значения в конструкциях, допускающих сочетание с обстоятельствами места (типа: *что-то краснеет вдали*): *алеть, белеть, багроветь, краснеть, чернеть, синеть, светлеть, розоветь, смуглеть, желтеть, зеленеть, сереть, яснеть, пестреть, темнеть* и т. д. В данную группу входят и такие глаголы, как: *сиять, блестеть, брезжить, свежиться, гореть* (в значении «давать свет»), *серебриться, искриться, полыхать, пылать* и др.

Кроме указанных глаголов, неопределенными глаголами физического состояния неодушевленного предмета являются также: *кипеть, бурлить, дымить, колоситься, цвести, чадить, коптеть, благоухать, вонять, пахнуть, смердеть, пустовать* и др. Сюда же можно отнести глаголы, обозначающие состояние природы: *вьюжить, моросить, дождить, порошить, пуржить, снежить, капать* (о дожде), *штормить, дуть* (о ветре), *лить* (о дожде) и под.

11) Непереходные глаголы со значением различных состояний одушевленного лица. Среди них выделяется довольно большая группа глаголов чувств, описанных С. Е. Мыльниковой [9]. Автор статьи классифицировал их по следующему семантическому типу: «испытывать чувство, направленное на объект, который является содержанием данного психического состояния»: *беспокоиться о детях, тревожиться, волноваться, жалеть, тосковать, сожалеть, скорбеть, печалиться; кручиниться, скучать, вздыхать, горевать, грустить, тужить* и др.; «испытывать чувство, направленное на объект, который является содержанием психического состояния и желаемого для субъекта»: *томиться по другу, страдать по любимому, тосковать, скучать, скорбеть* и др.; «испытывать чувство, вызываемое положением, состоянием, качеством, поведением и

т. д. объекта»: *беспокоиться за детей, тревожиться за него, волноваться, радоваться, страшиться, пугаться, дрожать за детей, трепетать, бояться, сердиться, злиться* и др.; «испытывать оценочное чувство, вызванное объектом»: *восторгаться картиной, восхищаться, любоваться, терзаться, томиться, маяться, гордиться, тяготиться, скучать, брезговать* и др.; «испытывать чувство, направленное на такой объект, с которым устанавливаются взаимные связи»: *завидовать, сострадать, сочувствовать* и др.; «испытывать чувство недовольства в отношении кого-чего-либо»: *сердиться на кого-то, дуться на кого-то, негодовать, гневаться, злиться, досадовать, злиться* и др.; «испытывать боязнь или неловкость в отношении кого-чего-либо»: *стыдиться, ужасаться, стесняться, конфузиться* и др.; «испытывать чувство неуверенности»: *колебаться, сомневаться, робеть* и др.; «проявлять чувство, которым охватывается какой-либо предмет, испытывающий его без всякого ограничения»: *любить, обожать, боготворить, жалеть, ненавидеть, чувствовать, презирать, ревновать, торжествовать* и др.

Как убедительно показала Н. А. Янко-Триницкая, исследовавшая глаголы чувств, образованные от объектных глаголов, «по своему общему лексическому значению глаголы этого разряда обозначают не изменение в состоянии субъекта, а просто различные внутренние переживания субъекта» [14/152], так как они указывают на реакцию субъекта на воздействие извне, в связи с чем «можно говорить о состоянии субъекта при глаголах внутреннего переживания, ибо состояние может быть результатом определенного воздействия на предмет, тогда как отражение воздействия нельзя считать состоянием предмета» [там же, 163].

Непредельное состояние одушевленного лица выражают также глаголы: физиологического состояния — *тошнить, першить, голодать, болеть, хворать, зябнуть, лихорадить, дремать, спать, бодрствовать, ныть, колоть (в боку), резать (в плече), зевать* и др.; глаголы «настроения» — *хандрить, унывать, бодриться, храбриться, скучать, капризничать, нервничать* и др.; глаголы чувственного удовольствия — *наслаждаться, нежиться, ликовать, радоваться, целоваться, курить, блаженствовать* и др.; глаголы чувственного раздражения — *беситься, буяннить, лютовать, бушевать, артачиться* и др.; глаголы физического или нравственного страдания — *мучиться, страдать, маяться, плакать, томиться, терзаться* и др.; глаголы со значением состояния чувственного воображения — *мечтать, грезить* и др. Ср. также глаголы состояния: *молчать, верить, веровать, ждать, жить, гостить* и нек. др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
2. Грубор Д. Из книги «Видовые значения». — Вопросы глагольного вида. М., 1962.

3. Гэрей Г. Б. Глагольный вид во французском языке. — Вопросы глагольного вида. М., 1962.
4. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
5. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.
6. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — Вступительная статья к сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
7. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. — Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
8. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. IV Международный съезд славистов. М., 1958.
9. Мыльников С. Е. О глаголах чувств в современном русском языке. — В сб.: Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск, 1969.
10. Ничман З. В. Предельные и непредельные глаголы речи. — В сб.: Лексико-грамматические проблемы русского глагола. Новосибирск, 1969.
11. Нурен А. Из V тома книги «Наш язык». Вид. — В сб.: Вопросы глагольного вида, М., 1962.
12. Потенция А. А. Из записок по русской грамматике, Т. IV. М., 1941.
13. Холодович А. А. О предельных и непредельных глаголах. — В сб.: Филология стран Востока. Л., 1963.
14. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ПРЕДИЦИРУЕМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Б. М. Гаспаров

§ 1

1.1. За последние 50 лет, от трудов О. Есперсена и И. И. Мещанинова вплоть до современных генеративных моделей, наметилось обращение лингвистики к изучению внутреннего семантического механизма языка — «понятийных категорий», «скрытой грамматики», «глубинной структуры», в терминологии различных авторов, — который лишь непрямым и неоднозначным образом реализуется в поверхностных языковых формах. В области изучения грамматических категорий такой подход привел к трактовке категории как смыслового поля, ядерная область которого манифестируется морфологическими формами и имеет четко определенную и замкнутую систему коррелятов, а периферия отличается как большой распыленностью средств выражения (лексических, синтаксических, словообразовательных, интонационных), так и множественностью и незамкнутостью выражаемых этими средствами значений. Продемонстрированный первоначально В. В. Виноградовым при анализе категории модальности [6], этот подход был затем реализован в анализе соотношения между видом и способами действия [14, 301 сл.; 4, 11—29], а также в исследовании категорий времени — темпоральности [4, 76 сл.], залога — залоговости [3, 223 сл.], и ряда именных категорий [15; в последней работе см. также общую постановку вопроса о взаимоотношении вещественного и категориального значений — стр. 83 сл.]. Однако при анализе полевой структуры грамматических категорий, и в частности категории вида, основное внимание обращалось до сих пор на взаимодействие морфологических форм с лексическими значениями и словообразовательными типами; значение синтаксической конструкции и то участие, которое это значение принимает в формировании общего категориального поля, как правило, остается вне рассмотрения. Правда, в работах Н. Ю. Шведовой было введено понятие «синтаксического време-

ни» и «синтаксической модальности» [28; 11, 577 сл.; см. также 12; 20]. Однако в конечном счете дело ограничилось введением в описание немногих аналитических способов выражения модальности, далеко не исчерпывающих проблемы; что же касается «синтаксического времени», то данное понятие осталось чисто номинальным.

Между тем различные синтаксические конструкции сами по себе, вне и до их лексического наполнения (т. е. на уровне синтаксической формулы — используя понятие, введенное Ф. Данешом — [32]), несут существенную информацию, которая выступает в качестве общего значения соответствующей конструкции, так или иначе проявляясь во всех случаях ее употребления и частично регламентируя лексическую, грамматическую и контекстуальную реализацию этой конструкции. Некоторые из таких общих синтаксических значений сами по себе хорошо известны и описаны в многочисленных работах, как например (и в особенности) значение различных разновидностей безличного предложения (ср., напр., особенно детализированное описание — [24]), значения бытийного предложения (см. [1], где суммируются многие предшествующие работы по проблеме) и т. д. Однако следует подчеркнуть, что эти значения (как и семантика словообразовательных типов, лексических групп и т. д.) частично пересекаются и взаимодействуют со значением морфологических форм и в этом плане открывают аспект описания, до сих пор мало разработанный в науке.

1.2. В синтаксисе русского языка выделяется довольно обширная подсистема, состоящая из конструкций, выключенных из регулярных предикативных корреляций, т. е. не имеющих собственных форм времени и модальности. Модальная и временная отнесенность таких конструкций либо вытекает косвенно из общего смысла конструкции (как это будет показано ниже), либо определяется контекстом, но форма конструкции как таковая не содержит в себе указания на определенный модальный и временной план. В этом смысле данные конструкции могут быть названы **неопределенно-предикативными** (НП), поскольку их форма остается неопределенной (неинформативной) с точки зрения предикативного отношения — подобно тому как, например, у безличных и неопределенно-личных предложений форма главного члена (3 л. ед. и 3 л. мн. соответственно) оказывается неинформативной с точки зрения характеристики субъекта действия¹. К неопределенно-предикативным могут быть отнесены предложения с квазиимперативом (Он и крикни, Я тут стой и кричи), с независимым инфинитивом (Он тут кричать), с эллипсисом глагола (Он направо, Мы с вами), с «междометной фор-

¹ См. более подробное описание этого свойства неопределенно-предикативных предложений (7, стр. 221 сл.) и неопределенно-субъектных (безличных и неопределенно-личных) предложений (там же, стр. 185 сл.).

мой» глагола (Он прыг в окно). Выключенность всех этих конструкций из системы регулярных предикативных определителей, свойственных русскому языку, обуславливает их сложное, не прямое отношение к временному и реальному статусу. С точки зрения отношения к реальности, все НП предложения обозначают события, так или иначе характеризующиеся в качестве **эксцесса** — события, которые происходят и в то же время как бы не происходят. Это либо события неожиданные и/или быстрые — точные до такой степени, что говорящий не в состоянии проецировать их на реальность, определить их место в реальных координатах, либо события крайне нежелательные, одновременно и вынужденные, и вызывающие резкое противодействие у субъекта, в силу чего их осуществление оказывается проблематичным. Все сказанное определяет также отношение таких высказываний к времени. Описываемые в этих высказываниях события как бы не имеют объективной длительности, их протяженность выпадает из системы существующих временных координат и может оцениваться только в виде эксцесса — как слишком короткая, либо слишком большая длительность. Последнее обстоятельство ясно указывает на то, что семантика НП конструкции интерферирует с семантикой вида. Данное предположение подтверждается также тем, что реализация большинства НП конструкций четко связана с определенной формой вида или с использованием наречных определителей, маркирующих видовое значение. Таким образом, синтаксическое значение НП конструкций пересекается с полем аспектуальных значений в русском языке и может быть (частично) описано в качестве составной части этого поля.

§ 2. Предложения с квази-императивом

По вопросу о том, какое место в системе современного русского глагола занимает форма, используемая в конструкциях типа *Он тут и закричи*, *Я тут стой*, нет единого мнения. Ряд авторов [13; 30; 18, 175] считают данные примеры переносным употреблением императива, и таким образом включают данный случай в состав повелительного наклонения. С другой стороны, многие авторы считают данную конструкцию (в особенности первую ее разновидность, со значением неожиданного действия) омонимом императива, в связи с чем возникло также предположение о том, что по своему происхождению данная форма восходит не к императиву, а к 2—3 л. ед. ч. аориста (А. А. Шахматов, А. И. Стендер-Петерсен). Однако функция этой омонимичной формы определяется по-разному: различные авторы считают ее особой формой прошедшего времени [22; 19, 78—79], особой формой «волюнтаривного» наклонения (В. В. Виноградов) или «оптатива» (С. И. Карцевский); ср., однако, контраргументы в пользу

связи значения данной конструкции с императивом, приводимые в [13, 12].

Нам уже приходилось высказывать мнение о том, что вопрос о соотношении квази-императива (КИ) и императива (И), а главное, о границах и объеме каждого из этих явлений в современном языке должен решаться прежде всего на основе сравнения их формальных свойств (8; ср. аналогичный подход, хотя и с далеко не полным перечнем формальных признаков, в 22). С этой точки зрения квази-императив обнаруживает решительные отличия от собственно императива по целому ряду как морфологических, так и синтаксических признаков. Важнейшие из этих отличий следующие: КИ не образует форму множественного числа на -ге, которая есть у И; КИ не сочетается с частицей -ка, характерной для И; в употреблении КИ отсутствует видовая корреляция, так как смена вида ведет к резкому сдвигу значения всей конструкции (см. приводившиеся выше примеры с СВ и НСВ); КИ сочетается со всеми формами лица и числа подлежащего; КИ (со значением неожиданного действия) образует безличные конструкции — А тут за домом и загорись²; КИ в определенно-личном употреблении требует обязательной постановки подлежащего, в то время как И обычно употребляется в односоставной конструкции.

Все эти различия позволяют сделать вывод о том, что КИ и И в современном языке представляют собой два различных и автономных грамматических явления. Это **грамматические омонимы** (точнее, омоформы — поскольку их парадигмы совпадают лишь частично). Следует подчеркнуть, что данный вывод в полной мере относится не только к конструкциям в форме СВ (со значением неожиданного действия), но и к конструкциям в форме НСВ (со значением вынужденного действия), несмотря на то, что значение последних в принципе могло бы быть истолковано как переносное употребление императива; однако основные формальные признаки совпадают у обеих этих конструкций, что и позволяет рассматривать их в качестве разновидностей КИ. Обозначим эти две разновидности соответственно как КИ₁ и КИ₂.

Выше уже говорилось о том, что обе основные разновидности

² Данный признак, как кажется, указывает также на происхождение КИ со значением неожиданного действия. Как известно, безличное предложение уже в древнерусском языке строилось только на базе формы 3 л. ед. (25). С этой точки зрения происхождение рассматриваемой конструкции гораздо естественнее выводится от 3 л. ед. ч. аориста, чем от императива. С другой стороны, формы со значением вынужденного действия не дают безличного употребления, но могут употребляться в обобщенно-личном значении (как и собственно императив): Все разойдутся, потом бегай за ними. Это косвенно указывает на их происхождение от 2 л. ед. ч. (базовой формы для обобщенно-личной конструкции) — т. е. от императива. Таким образом, можно предположить, что две разновидности КИ имеют различное происхождение. Однако в современном употреблении, как видим, они развили целый ряд общих формальных свойств.

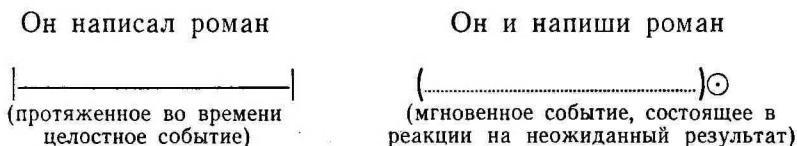
КИ отличаются особым, опосредованным отношением к реальному и временному статусу изображаемых в них процессов. Однако это отношение имеет свою специфику для каждой из конструкций, в силу чего целесообразно рассмотреть их с этой точки зрения раздельно.

2.1. Конструкция КИ₁, как уже указывалось, имеет фиксированную форму СВ. Однако аспектуальное значение данной конструкции не исчерпывается значением СВ, а имеет дополнительную спецификацию, которая проявляется в том, что КИ₁ обнаруживает ограниченную сочетаемость с глаголами различных способов действия в пределах СВ. Некоторые способы действия, относящиеся к СВ, вообще не могут быть реализованы в рамках этой конструкции, ряд других, попадая в состав КИ₁, претерпевает частичную модификацию своего значения. Эти ограничения служат сигналами, на основании которых может быть описано синтаксическое аспектуальное значение конструкции КИ₁.

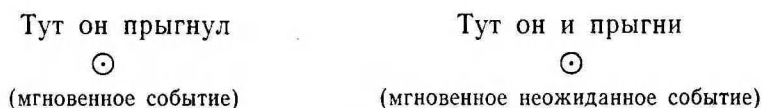
Как известно, морфологическая перфективность (т. е. значение морфологической формы СВ) не противоречит идее временной протяженности действия. СВ представляет действие как целостное (см. 17, 218), но эта целостность совсем не обязательно предполагает мгновенность события; в пределах общего значения целостности действия допускается любая его протяженность. Различная протяженность действий, трактуемых как целостные и обозначаемых формой СВ глаголов, вытекает прежде всего из вещественного значения этих глаголов (ср. глаголы прыгнуть, мигнуть и заснуть, написать, спеть); она может специально определяться при помощи временных указателей (написал за два часа, остался на полгода); наконец, протяженность действия специально зафиксирована в ряде словообразовательных типов в пределах СВ, на базе которых формируются такие способы действия, как эволютивный, дистрибутивный, кумулятивный и ряд др.

Положение меняется, однако, когда глаголы СВ попадают в рамки конструкции КИ₁. Синтаксическое значение этой конструкции оказывается более радикальным, чем значение морфологической перфективности; оно не ограничивается представлением действия как целостного, но требует трактовки любого действия как «точечного» (мгновенного), как бы не имеющего объективной временной протяженности, независимо от того, какова реальная длительность этого действия. С точки зрения вещественного значения события, описываемые в высказываниях Он тут и прыгни и Он возьми и напиши роман, конечно, имеют разную длительность. Но с точки зрения семантики конструкции, в обязательном порядке накладывающейся на передаваемый смысл, оба события представлены совершившимися мгновенно. Достигается это тем, что во фразе Он возьми и напиши роман как бы элиминируется все время писания, а выдвига-

ется на первый план только мгновенный эффект удивления перед неожиданно достигнутым результатом. Временная протяженность, предшествовавшая этому результату, в смысле предложения остается вынесенной за скобки и эксплицитно не представленной. Схематически различие между перфективным значением фраз Он написал роман и Он и напиши роман может быть показано следующим образом:

Данное различие нейтрализуется только у глаголов СВ, обозначающих мгновенное действие; в этом случае единственной спецификой их употребления в составе КИ₁ является дополнительный эффект неожиданности:

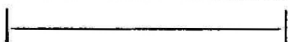
Таким образом, само вещественное значение глаголов СВ в рамках конструкции КИ₁ подвергается определенной модификации, которая делает эти глаголы подходящими к синтаксическому значению конструкции. Влияние значения конструкции еще более усложняется в том случае, если протяженность события не просто подразумевается в соответствии с вещественным значением глагола, но эксплицитно зафиксирована в словообразовательной форме глагола, указывающей на такой способ действия, который обязательно предполагает временную протяженность и/или повторяемость действия.

Глаголы эволютивного, кумулятивного, тотально-объектного, дистрибутивного способов действия³ в принципе могут быть употреблены в составе КИ₁: Он тут и раскричись, Он и награбь себе целый мешок, Он всю тетрадь и испиши, Он всю посуду и перебей. Однако и в этом случае действие трактуется как «точечное», момент постепенного развития или повторяемости полностью элиминируется. Об этом свидетельствует следующее наблюдение. При употреблении данных глаголов в личной форме возможно указание на другое интерферирующее событие, которое происходило в пределах временной протяженности основного события: Хотя мы пытались его остановить, он

³ Номенклатура способов действия дается по (14).

перебил всю посуду (наградил целый мешок; исписал всю тетрадь; раскричался). Побочное действие вставляется внутрь главного, протекает где-то в середине, по ходу развития последнего, что вполне согласуется с трактовкой события как постепенно развивающегося:

мы пытались остановить

он перебил всю посуду

Подобное употребление **невозможно в рамках КИ₁**, что и служит косвенным подтверждением тезиса о том, что в этом случае значение эволютивных и т. п. глаголов трактуется как точечное; именно поэтому не допускается включение в его пределы другого, побочного действия:

(.....)⊙
он всю посуду и перебей

Как видно из предыдущего анализа, обязательная трактовка действия как мгновенного связана с ориентацией не столько на процесс, сколько на **результат** действия, ибо неожиданность результата позволяет представить в виде точки любой процесс независимо от количества времени, потребовавшегося для достижения этого результата. Таким образом, результативность, наряду с мгновенностью, является вторым важнейшим компонентом аспектуального значения КИ₁. Можно констатировать, что и в этом случае синтаксическое значение оказывается более радикальным, чем морфологическое значение СВ: для последнего результативность является обычным, но не обязательным компонентом общего значения перфективности. В частности, имеется ряд способов действия в пределах СВ, которые ориентированы на нерезультативное действие. Таковы, например, глаголы ограничительного и смягчительного способов действия (поплакать, поспать, пообсохнуть): они обозначают не просто неинтенсивное действие, но такое, которое как бы не вызывает изменений в состоянии субъекта. Характерно, что данные глаголы не могут употребляться в составе КИ₁: невозможность представления действия типа поспать, посидеть и т. п. в виде мгновенного результата делает эти глаголы семантически неподходящими к общему значению конструкции.

Со значением результативности связана также невозможность употребления в составе КИ₁ финитивных и сатуративных глаголов (ср. *Он и отобедай, *Он и набегайся). Глаголы

этих групп не лишены результативного значения, однако последнее имеет специфически **негативный** характер: данные глаголы обозначают длительное (развивающееся) действие, конечной точкой которого является не достижение позитивного результата (ср. раскричаться, перебить), а прекращение действия — Он набегался, т. е. 'он больше не бегаёт'. Отсутствие позитивного результата и делает эти глаголы неподходящими к значению КИ₁. Интересно, однако, что достигательные глаголы, хотя и близкие по значению к сатуративным, допускаются в составе КИ₁: Он возьми и добегайся до коллик. Объясняется это тем, что данные глаголы, в отличие от предыдущих, имеют указание на «позитивный результат», выраженный при помощи конструкции с предлогом до; т. е. центр тяжести в осмыслении данной фразы переносится на тот факт, что субъект получил коллики в результате бега, а не на то, что он много бегал, или что он больше не бегаёт. Снятие указания на результат делает, однако, и достигательный глагол невозможным в составе КИ₁: ср. возможность фразы Он в конце концов доигрался, при невозможности *Он в конце концов и доиграйся.

Еще один случай, когда перфективное значение КИ₁ проявляется с большой наглядностью, связан с использованием при глаголах СВ обстоятельств, указывающих на протяженность действия: Он и вернись через час, Он и останься на весь день, Он и проживи там безвыездно двадцать лет и т. д. В рамках КИ₁ значение и функция таких указателей существенно смещается по сравнению с их употреблением в составе личных конструкций. В последнем случае они обозначают не что иное, как объективную длительность события. В рамках КИ₁, однако, указание на время перестает восприниматься как объективное обозначение длительности, а осмысливается в качестве **эксцесса**: как временная длительность, превышающая ожидания относительно «нормальной» длины данного процесса, или же, напротив, оказавшаяся меньше ожидаемой; вопрос же о «нормальной» протяженности процесса, как объективном факте, как бы элиминируется. В выражении А он и проживи там безвыездно 20 лет смысл сосредоточен не на том, что событие длилось 20 лет, а на том, что **после** того как оно продолжалось 20 лет, оказалось, что это значительно больше ожидавшегося срока, и это вызвало, как результат, **мгновенную** реакцию удивления:

Он прожил там безвыездно
20 лет

┌──────────────────────────┐
(целостное событие протяженностью в 20 лет)

Он и проживи там безвыездно
20 лет

(.....)⊙
(мгновенная реакция удивления по поводу того, что длительность процесса превысила ожидаемую)

Аналогично, фраза *А он вернись через час* может относиться к тому, что действие продолжалось неожиданно долго (*Мы его на угол послали за газетой, а он вернись через час*), либо, напротив, совершилось неожиданно быстро (*Мы думали, он поехал на дачу, а он и вернись через час*), но и в том и в другом случае сведение о том, что событие продолжалось час, как бы элиминируется в качестве указания на объективную временную длительность. Как видим, значение временных указателей в составе KI_1 переосмысливается точно так же, как и значение глаголов, подразумевающее (в силу свойств денотата, либо в силу принадлежности глагола к определенному способу действия) временную протяженность. Полный параллелизм этих процессов проявляется в употреблении пердуративных глаголов (*прожить, проучиться* и т. п.), которые и сами в своем значении содержат обязательную идею длительности, и обязательно требуют при себе временные определители. В этом случае в составе KI_1 специально осмыслению подвергается вся глагольно-именная конструкция в целом.

Таким образом, в значении конструкции KI_1 постоянно присутствуют два компонента, связанные с понятийным полем аспектуальности: указание на мгновенный (точечный) характер процесса, и указание на результативность: событие фиксируется на том моменте, когда оно завершилось и вызвало реакцию удивления. Это значение частично совпадает со значением СВ, однако оказывается более сильным в отношении реализации идеи перфективности, выдвигает более жесткие требования к перфективному представлению процессов, чем морфологическое значение СВ, что и вызывает описанные выше явления. Повышенные требования к временной непротяженности и результативности действия, выдвигаемые синтаксическим значением KI_1 , могут быть охарактеризованы в целом как **гиперперфективность** этой конструкции. Другим важным компонентом ее аспектуального значения, тесно связанным с гиперперфективностью, является обязательный эффект **неожиданности** действия (реакция удивления). Следовательно, аспектуальное синтаксическое значение конструкции KI_1 может быть описано как значение **гиперперфективности + неожиданности** действия.

В значении KI_1 смещается соотношение между процессом как таковым, в его течении, и результатом, по сравнению с морфологическим значением СВ. Если глагол СВ показывает прежде всего сам процесс в его целостности и тем самым подразумевает связь этого процесса с последующим результатом, то конструкция KI_1 изображает прежде всего результат (реакцию удивления) и тем самым подразумевает наличие процесса, приведшего к этому результату, хотя непосредственно показанной остается та единственная точка, в которой возникла реакция удивления. В силу этого идея результативности, являющаяся составной частью

перфективного значения, доводится здесь до крайнего выражения, до полного сосредоточения на результате; соответственно, идея целостности действия доводится до обязательного сжимания действия в точку.

2.2. Конструкция КИ₂ с формальной стороны характеризуется фиксированным употреблением НСВ глагола. Ее значение является довольно сложным и включает в себя целый ряд семантических компонентов. Конструкция КИ₂ обозначает **вынужденное** действие, необходимость совершения которого навязана субъекту **извне** (а не вытекает из внутреннего осознания обязательности этого действия самим субъектом), причем обязательно какими-то **лицами** (а не объективным стечением обстоятельств): неправильными являются выражения типа *В этом году зима суровая, вот мы тут и мерзни (но ср.: Они топить не хотят, а мы тут мерзни). Далее, эта вынужденность вызывает и у субъекта действия, и у говорящего (которые, впрочем, чаще всего в этом случае совпадают⁴) резко отрицательную оценку, т. е. квалифицируется как **неправомерная**. Наконец, имеется **противодействие** субъекта данной неправомерной ситуации, в связи с чем совершение действия выглядит **проблематичным** — субъект показывает, что он не желает совершать действие и попытается от этого уклониться: Я тут сиди означает 'меня вынуждают сидеть, хотя я не должен этого делать, я считаю это неправомерным и еще, может быть, не буду этого делать'. Такое своеобразное представление изображаемого события и обуславливает аспектуальную характеристику КИ₂; данная характеристика не исчерпывается значением морфологической формы НСВ, но накладывает некоторые дополнительные, более сильные ограничения, которые и обуславливают особенности употребления глаголов НСВ в рамках конструкции.

Если значение НСВ предполагает, как правило, делящееся (не охватываемое в качестве единого целого) действие⁵, то синтакси-

⁴ Конструкция КИ₁ чаще всего строится в форме 3 л., а КИ₂ — в форме 1 л., хотя другие формы в обоих случаях также возможны. Это предпочтение объясняется значением конструкций: источником неожиданности для говорящего чаще всего бывает внешний объект — 3 лицо (хотя не исключается возможность для говорящего сделать нечто неожиданное для самого себя: А я тут и заболел); соответственно, объектом защитной реакции возмущения и противодействия неправомерной ситуации оказывается чаще всего сам говорящий, хотя возможно перенесение этой реакции и на оценку положения других лиц (Вы ушли, а он тут сиди).

⁵ Как известно, собственное значение НСВ не выражено с такой определенностью, как значение СВ. Поэтому даже в тех работах последнего времени, в которых НСВ определяется как позитивный коррелят СВ, имеющий собственное значение, а не только немаркированный беспризнаковый член привативной оппозиции (2, 19—21; 22, 18—23), признается наличие у НСВ позиций нейтрализации, где его употребление не отличается от употребления СВ. В дальнейшем, говоря о значении НСВ, мы будем иметь в виду только сильные случаи его употребления, в которых форма НСВ имеет свою собственную аспектуальную характеристику.

ческое значение KI_2 развивает и усиливает этот компонент, представляя действие в обязательном порядке уже не просто длящимся, но **сверхдлительным** (избыточно длительным). Поскольку действие изображается в KI_2 как крайне обременительное для субъекта, оно не может быть представлено имеющим какую-то определенную ограниченную длительность. В том случае, когда длительность специально не определена, действие представляется как бы бесконечно длящимся. В случае же, если имеются прямые указания на длительность или объем работы, которую вынужден совершить субъект, эти указания переосмысляются аналогично тому, как это имело место для KI_1 , т. е. они теряют характер позитивных определителей временной протяженности и приобретают характер эксцесса — указания на то, что длительность действия (или объем производимой работы) превышает «норму», является неправомерно большой. Ср. фразу А я тут час сиди, где час осмысляется только как 'целый час', т. е. в качестве субъективной оценки, а не объективного указания на продолжительность действия. Соответственно оказываются возможны только такие указания на объем производимых действий, которые допускают осмысление с субъективной оценкой избыточности. Например, едва ли скажут *Я тут пять минут сиди, т. к. пять минут едва ли могут быть осмыслены как срок, превышающий «норму» для данного действия; но, пожалуй, возможно сказать Я тут пять минут жди, т. к. пятиминутное ожидание в принципе может быть оценено как неправомерно долгое. Точно так же нельзя сказать *Я тут из-за вас две книги читай, но можно Я тут из-за вас книгу два раза перечитывай, т. к. чтение двух книг не может быть представлено как эксцесс, в то время как факт вторичного перечитывания позволяет говорить о превышении «нормального» объема соответствующей работы.

В связи с описанной особенностью оказывается невозможным употребление в KI_2 глаголов прерывисто-смягчительного способа действия (покашливать, пощипывать), семантика которых не допускает трактовки соответствующих действий как бесконечно (непрерывно) длящихся (покашливать без конца означает 'иметь бесконечную последовательность **кратких** серий кашля, прерываемых паузами').

Итак, первым компонентом аспектуального значения KI_2 является сверхдлительность (бесконечная либо неправомерно большая длительность). Другим, не менее важным компонентом является обязательная **незаконченность** действия, погруженность субъекта в действие. В момент высказывания субъект зафиксирован в его первом соприкосновении с предстоящим ему действием и с открывающейся в перспективе сверхдлительностью процесса. Именно такое осмысление дает возможность ввести смысловой компонент противодействия и проблематичности выполнения дей-

ствия субъектом, который составляет важную часть смысла КИ₂. В связи с обязательной незаконченностью в рамках КИ₂ оказываются невозможными многократные глаголы, поскольку они предполагают действие обязательно закончившимся к моменту речи.

В отношении субъекта к действию конструкции КИ₁ и КИ₂ являют диаметрально противоположность: в первой субъект показан в момент выхода из действия (достижения неожиданного для говорящего результата), во втором — в момент погружения в действие. Принципиальное сходство этих двух случаев состоит в том, что в обоих внимание сосредоточено не столько на самом действии, сколько на позиции субъекта и/или говорящего по отношению к действию. Если форма НСВ эксплицитно изображает нецелостное действие и из характера действия вытекает позиция субъекта (погруженность в действие), то КИ₂ показывает прежде всего позицию субъекта, из которой вытекает характер развертываемого действия.

Итак, значение конструкции КИ₂ развивает и усиливает имперфективное значение, присущее форме НСВ, подобно тому как конструкция КИ₁ усиливает перфективность, характерную для СВ. Эффект длящегося (нецелостного) действия, свойственный имперфективной форме, в рамках КИ₂ превращается в эффект сверхдлительности, а погруженность субъекта в действие в рамках КИ₂ осмысливается как эффект вхождения субъекта в действие и в связи с этим как обязательная незаконченность процесса. Поэтому аспектуальное синтаксическое значение конструкции КИ₂ может быть определено как **гиперимперфективное**.

2.3. Наряду с описанными двумя основными разновидностями КИ значительный интерес с точки зрения аспектуальности представляет еще один случай функционирования данной формы. Имеются в виду конструкции, формальным признаком которых является фиксированный СВ и обязательное наличие отрицания. Отсутствием позитивной — негативной корреляции данная разновидность (обозначим ее как КИ₃) отличается от КИ₁, которая также имеет фиксированный СВ, но допускает как позитивную, так и негативную форму. Ср. КИ₁: Он тут им и скажи — Он тут ничего им и не скажи; КИ₃: А я и на час не отлучись.

По своему общему значению данная конструкция весьма близко соответствует КИ₂, с той лишь разницей, что в КИ₂ предстоящее действие оценивается как неправомерное и в связи с этим остается открытым вопрос о его осуществлении, а в КИ₃ неправомерным представляется, напротив, запрет на действие, и в связи с этим остается открытым вопрос о неосуществлении этого действия (соблюдении запрета). Я и слова не скажи означает 'хотя меня вынуждают (какие-то лица) не

говорить, но я считаю этот запрет неправомерным, и еще неизвестно, удастся ли меня удержать от данного действия'.

Сходство значения KI_2 и KI_3 определяет сходство позиции субъекта по отношению к действию: это позиция конфронтации перед необходимостью совершить действие или перед необходимостью воздержаться от него. Все же отрицательная форма во втором случае как бы отделяет субъект от действия; между субъектом и действием стоит запрет, который может быть будет преодолен, и тогда совершится вхождение в действие, но пока действие предстает отделенным от субъекта, т. е. в своей целостности. Это различие и объясняет, по-видимому, употребление в KI_3 формы СВ. (Заметим, что KI_2 даже при негативной форме не теряет эффекта вхождения субъекта в действие: Я тут ночей не спи означает, что субъекта вынуждают совершать негативное действие «не спания», в то время как Я тут и ночи не поспи означает, что субъекту препятствуют совершить позитивное действие). Обязательное проецирование действия в будущее делает, однако, невозможным употребление тех способов действия СВ, которые ориентированы на конечный результат (позитивный или негативный) и поэтому могут проецировать в будущее действие как таковое (а лишь его результат). Таковы, в частности, сатуративный, достигательный, финитивный способы действия; ср. невозможность форм *Я тут (и) не отобедай, *Я тут и не набегайся.

Лишь в отношении длительности действия KI_3 существенно отличается от KI_2 , вернее, являет полную противоположность последней. В рамках KI_3 действие оценивается как либо совсем не имеющее длительности (мгновенное), либо, при наличии специальных указателей протяженности, как имеющее **ограничительную длительность**, т. е. продолжающееся меньше «нормы». Я тут час не посиди — означает 'всего час', меньше, чем можно было бы ожидать по «норме» соответствующего действия. Соответственно, оказываются возможны только такие указатели времени или объема действия, которые могут быть осмыслены как имеющие ограничительную значимость относительно «нормы» для данного действия: едва ли можно сказать *Уж и на час не опоздай, хотя вполне возможно Уж и на минуту не опоздай. Ср. в этой связи характерное изменение числа в выражениях Я тут ночей не спи — Я тут ночи не поспи.

Ограничительное представление длительности влечет за собой невозможность употребления в KI_3 глаголов тех способов действия, которые предполагают представление действия как длящегося: эволютивных, кумулятивных, дистрибутивных (ср. *Я тут и не раскричусь, *Я тут и посуды не перебей и т. п.). Напомним, что в рамки KI_1 данные глаголы включались только в результате их переосмысления, сосредото-

чивавшего внимание на конечном результате действия. Поскольку в КИ₃ результативность отсутствует, такое переосмысление, а значит, и включение данных глаголов становится невозможным.

Таким образом, основная спецификация, которую конструкция КИ₃ привносит в аспектуальное значение перфективности, состоит в обязательном указании на ограничительный характер события: его малую (ниже нормы) длительность и отсутствие результативности. Это свойство семантики КИ₃ проявляется в том, что глаголы ограничительного способа действия наиболее свободно и часто употребляются в составе этой конструкции. (Уж и не поплачь, не попиши и т. д.). Поэтому синтаксическое аспектуальное значение конструкции КИ₃ может быть определено как **ограничительное перфективное**.

В заключение данного раздела необходимо упомянуть еще одну разновидность КИ, оставшуюся не рассмотренной, — конструкцию, употребляемую только в рамках условного предложения со значением ирреального условия (Приди он во-время, ничего бы не случилось). В отличие от предыдущих, данная конструкция не обнаруживает каких-либо синтаксических спецификаций аспектуального значения. Формальным показателем этого является отсутствие в данном случае каких-либо ограничений в употреблении вида (имеется нормальная корреляция СВ — НСВ в пределах общего значения конструкции), а также способов действия. Таким образом, КИ₄ оказывается за пределами того исследовательского аспекта, который принят в настоящей работе. Особенности ее функционирования, как неопределенно-предицируемой структуры, состоят в специфической модальной, а также темпоральной характеристике.

§ 3. Предложения с личной инфинитивной конструкцией

Большинство структур, в которых инфинитив самостоятельно выступает в качестве главного члена и не зависит от личной глагольной формы, имеют безличный характер, т. е. независимый инфинитив, подобно главному члену безличного предложения, сочетается с косвенным субъектом: Вам оставаться здесь!, Мне уходить?, Нам никак не встретиться, Ему здесь больше не работать и т. д.⁶ Однако наряду с этим в русском языке имеется одна конструкция, в которой независимый инфинитив выступает в качестве заместителя личной формы глагола и сочетается с грамматическим субъектом в форме именительного падежа. Имеются в виду предложения типа Он кричать, Они тут хохотать и т. п. С точки зрения син-

⁶ Пожалуй, наиболее полный перечень существующих в языке конструкций с независимым инфинитивом (в связи с анализом их модальных значений) представлен в работе (31). См. также весьма подробный анализ в (34).

тиксической аспектуальности именно эта последняя конструкция представляет наибольший интерес из всех случаев употребления независимого инфинитива, в силу того что безличное употребление обычно придает предложению оттенок статичности, нейтрализует значение процессуальности, в сущности снимает различие между глагольными и связочными (бытийными) предложениями (см. об этом 9, 54—58). Поэтому только в личной инфинитивной конструкции (ЛИ) реализуются особенности представления процесса, вытекающие из отсутствия у этой конструкции предикативной формы. Особое отношение данной конструкции и категории аспектуальности проявляется в ограничении в употреблении вида, которые имеют здесь место так же как и в предложениях с КИ; а именно, конструкция ЛИ возможна только с формой НСВ.

Анализируя употребление глагола в составе ЛИ, можно прежде всего отметить, что с наибольшей легкостью в нее включаются глаголы, обозначающие **многократное** действие. Глаголы, у которых прерывистый, пунктирный характер действия вытекает из их словообразовательной формы (т. е. принадлежности к определенному способу действия) либо из особенностей передаваемого ими вещественного значения, особенно естественно и без каких-либо дополнительных ограничений подходят к конструкции ЛИ (исключение составляют только многократные глаголы, объяснение чему будет дано ниже). Ср. употребление глаголов прерывисто-смягчительного и комитативного способа действия: Он тут ну пощипывать бородку, прихлопывать в ладоши и т. д.; моторно-кратных глаголов: Он тут ходить по комнате, бегать из дому в дом, ездить из города в город и т. д.; наконец, глаголов типа хохотать, реветь, вскрикивать, стучать, мелькать и т. д., само вещественное значение которых предполагает расчленение действия на ряд отдельных сегментов.

Глаголы, значение которых является амбивалентным, т. е. не содержит определенного указания на однократность или многократность, могут быть естественным образом включены в ЛИ лишь при условии, что изображаемое ими действие будет истолковано как многократное. Таково, например, употребление тотально-объектных глаголов: нельзя сказать *Он ну исписывать лист, но можно — Он ну исписывать страницу за страницей. То же относится и ко многим другим глаголам, ср. например неправильность выражений *Он ну садиться в кресло, *Он тут наступать ему на ногу — при возможности Он ну садиться на все стулья подряд; Он тут наступать всем на ноги. Ср. также А он тут болеть — имеется в виду не 'сильно болеть' или 'долго болеть', а именно 'болеть много раз подряд'.

Что касается глаголов, значение которых содержит определенное указание на однократный характер действия, то их включение в состав ЛИ связано с серьезными ограничениями. В сущности, непременным условием такого включения является контекстуальная поддержка, которая позволила бы понять данное действие как наступившее совершенное внезапно, с резким эффектом неожиданности и с большой интенсивностью: Он тут бросился на землю и ну ползти, Они к нему с вопросами, а он молчать, Он пришел домой и сразу спать и т. д. В целом можно заметить, что создание такого эффекта и соответственно введение глаголов нерасчлененного действия облегчается в том случае, когда событие, передаваемое с помощью ЛИ, выступает на фоне другого параллельного или непосредственно предшествующего события (к этой особенности употребления данных глаголов в составе ЛИ мы еще вернемся). Можно также констатировать, что чем естественнее вещественное значение глагола позволяет интерпретировать действие как внезапное, тем лучше такой глагол включается в ЛИ. Ср. естественность такого употребления для глагола бежать — при почти полной невозможности аналогичного употребления для глаголов идти, стоять, лежать, сидеть и т. д.

Явное предпочтение, которое в рамках ЛИ оказывается глаголам, изображающим расчлененное действие, объясняется одной особенностью в трактовке такого рода действия в предложениях с ЛИ. А именно, расчлененный процесс оказывается представленным в ЛИ с **нарушенной линейностью** в организации его составных частей. Отдельные сегменты, образующие в совокупности расчлененное действие, не выстраиваются в виде последовательного ряда, а как бы накладываются друг на друга, образуя хаотическую массу. Ср. характерный оттенок не просто многократного, но **хаотического**, стихийно-беспорядочно совершаемого действия, неизменно сопровождающий употребление соответствующих глаголов в ЛИ: Он тут ну ходить по комнате ('беспорядочно по многим направлениям'), Он ну вскрикивать ('с беспорядочными временными интервалами'), Они стрелять ('беспорядочно, кто как попало') и т. д. Данная семантическая особенность находит и вполне определенное формальное подтверждение в том факте, что в высказываниях с ЛИ оказываются невозможны выражения, определяющие регламент развертывания расчлененного события — порядок следования отдельных сегментов, число сегментов, временные интервалы между ними. Ср. невозможность таких, например, выражений: *Он каждую секунду вскрикивать, *Он то и дело вскрикивать, *Он постоянно вскрикивать, *Он много раз вскрикивать и т. д. Заметим, что невозможным оказывается указание даже на самую малую длину интервалов (т. е. на большую частоту следования сегментов) и на любое, да-

же самое большое число повторений — в силу того, что любое указание такого рода так или иначе упорядочивает течение события, что как раз и является недопустимым. В то же время указания, которые в отдельных предложениях, в силу индивидуальных особенностей смысла последних, не получают характера однозначной регламентации, оказываются возможными: Они тут ну вскакивать один за другим (указание явно имеет переносный характер, т. е. не означает действительной очередности и не препятствует пониманию события в виде неправильного временного чередования сегментов), А он ну бегать в лавку каждую минуту (указание на временной интервал не понимается буквально и не создает впечатления правильного временного чередования сегментов). А он ну исписывать страницу за страницей (указание не только не передает реальной очередности операций, но имеет прямо противоположный эффект, вызывая представление о лихорадочно быстрой смене, «мелькании» исписываемых страниц, как бы наложении их друг на друга).

Итак, составные части события хаотически нагромождаются друг на друга: событие теряет линейность, не структурируется в виде последовательно текущего процесса. Эта особенность приводит прежде всего к тому, что формируется эффект **необычайно интенсивного приступа**, внезапности наступления события; источником данного смыслового компонента является тот факт, что все составные части события как бы концентрируются вместе, во взаимном наложении, суммируются в одной (инициальной) точке. Графически эту особенность можно изобразить следующим образом:

Он ходит по комнате.
Они стреляют.

Он ходить по комнате.
Они стрелять.

Другим следствием такого представления действия оказывается **невозможность обозначить конечный предел** действия: поскольку действие не выстраивается в виде последовательности, то ему не может быть приписано завершение (конечная точка), которое бывает только у последовательно развертываемого события. Данная смысловая особенность индицируется невозможностью включения в состав ЛИ указаний на продолжительность действия: любая, даже самая большая продолжительность указывает на линейное развертывание события, и тем самым предполагает, что рано или поздно процесс придет к завершению, что исключается для ЛИ. Можно сказать Он ходил по комнате два часа, Они бегали целый день, но нельзя

трансформировать данные фразы в ЛИ. По той же причине невозможно употребление в составе ЛИ указаний на количество тактов многократного действия (типа дважды, много раз, часто, иногда и т. п.), о чем уже упоминалось выше в связи с описанием эффекта неупорядоченности в семантике ЛИ. Наконец, невозможность представления действия как конечного объясняет также неупотребление в составе ЛИ многократных глаголов: последние хотя и содержат указание на расчлененность, но всегда отнесены к плану прошедшего, т. е. одновременно указывают на конечный предел многократного действия.

Описанные особенности семантики ЛИ с глаголами расчлененного действия в то же время объясняют те возможности и те ограничения в использовании в этой конструкции глаголов нерасчлененного действия, которые были показаны выше. Попадая в состав ЛИ, данные глаголы теряют возможность изображения действия в виде длящегося линейного процесса. Они сосредоточивают все действие в инициальной точке (момента приступа к действию). Действие предстает для говорящих как бы все разом, совмещая все моменты его развертывания, которые в обычном высказывании предстали бы в линейной последовательности. При этом такое сжатие не означает показа действия как целостного, поскольку никаких указаний на предел не дано, более того, представление об окончании процесса невозможно точно так же как и в случае с глаголами расчлененного действия. Таким образом, действие одновременно и показывается изнутри, в его бесконечной протяженности, но в то же время представляется не имеющим линейного развертывания.

Он молчит

Он ну молчать

Очевидна большая трудность такого представления нерасчлененного действия по сравнению с расчлененным, поскольку для последнего нелинейное наложение различных сегментов получает более естественную реальную мотивировку. Этим и объясняются, с одной стороны, ограничения, имеющиеся для глаголов нерасчлененного действия, и с другой стороны, особенно сильный эффект интенсивного приступа и неожиданности, возникающий у данных глаголов, — поскольку этот эффект является единственной реальной мотивировкой, позволяющей представить смысл этих глаголов в виде нелинейного конгломерата.

В свете данного объяснения становится также понятно, почему введение глаголов нерасчлененного действия облегчается в том случае, если они выступают на фоне другого, непосредственно связанного с ними действия, напр. Мы к нему с вопросами, а он молчать, Он сел за стол и ну писать

и т. п. В этом случае эффект неожиданности и интенсивного приступа, характерный для ЛИ, усиливается благодаря тому, что как бы оказывается нарушенной нормальная последовательность событий: два связанных между собой события теряют линейную соотнесенность, наслаиваются, нагромождаются друг на друга: Он сел за стол и ну писать — писание началось с такой быстротой и интенсивностью, что наложилось на предшествующее событие, субъект как бы «не успел» еще сесть за стол, а основное действие уже началось. В этом состоит основное отличие смысла данной конструкции от высказывания типа Он сел за стол и стал писать, где линейная соотнесенность, очередность последовательных событий нормально структурирована. В итоге создание эффекта нелинейности у глаголов нерасчлененного действия в описываемом случае облегчается возможностью нелинейного наложения этого действия на другое, смежное событие.

Таким образом, значение ЛИ представляется типичной разновидностью НП предложений: оно представляет событие вне модально-временной шкалы, одновременно и длящимся (и даже проецируемым в бесконечность), и не имеющим последовательного развития. **Нелинейность** является важнейшим смысловым компонентом в синтаксической семантике ЛИ, который накладывается на общее морфологическое значение глаголов НСВ и специфицирует их имперфективное значение в рамках данной конструкции. Именно из нелинейности вытекают, в качестве вторичных феноменов, все остальные компоненты аспектуального значения конструкции ЛИ, такие как **инициальность** (интенсивный приступ к действию) и **неограниченная продолжительность** действия. Поэтому аспектуальное синтаксическое значение предложений с ЛИ может быть охарактеризовано в целом как **нелинейная имперфективность**.

§ 4. Конструкции с эллиптированным предикатом. Глагольные междометия

4.1. Эллипсис предиката — это такое опущение предиката, в результате которого высказывание не теряет своей самостоятельности, т. е. может быть адекватно понято без специальной поддержки контекста или ситуации сообщения. Этим эллиптированные конструкции отличаются от собственно неполных конструкций, для понимания которых необходимо восполнение пропущенных членов за счет контекста или ситуации. Особый характер этих конструкций был отмечен уже А. М. Пешковским [21, 356], назвавшим их «стационарными неполными предложениями». В последнее время появился ряд работ, в которых данное явление исследуется как в кодифицированном литературном языке [16], так и в разговорной речи [23, 288—310]. Из всех имеющихся в

языке конструкций с эллиптированным предикатом особый интерес с точки зрения передачи аспектуального значения представляет, пожалуй, наиболее распространенный случай — эллипсис глагов движения (обозначим данную конструкцию ЭД).

Конструкция ЭД изображает процесс быстрого перемещения, в широком смысле, т. е. собственно передвижение субъекта (Мы в лес, Он направо), перемещение какого-либо объекта (А мы этот шкаф через окно, Мы его прямо в воду), наконец, удар или столкновение, причем в последнем случае внимание сосредоточено на движении, ведущем к удару или столкновению (Тут он его прямо по голове, Он тут прямо об стенку головой). Обязательным условием в данной конструкции является наличие подлежащего и обстоятельства, которое чаще всего показывает направление перемещения.

Несмотря на отсутствие морфологической аспектуальности, носителем которой является глагол, конструкции ЭД имеют вполне определенное аспектуальное значение. Показателем этого значения служат ограничения в сочетаемости ЭД со словами, обозначающими протяженность, кратность, фазу процесса и т. д., — теми самыми словами, сочетаемость с которыми глаголов позволяет определить значения СВ и НСВ [ср. 2, 12—16].

Синтаксическое аспектуальное значение ЭД во многом совпадает со значением СВ. Об этом свидетельствует тот факт, что многие параметры сочетаемости, индицирующие значение СВ, проявляются аналогичным образом у конструкций ЭД. Так, ЭД не могут включать в себя глаголы, обозначающие фазу действия — начинать, продолжать, кончать и т. д. Необходимо подчеркнуть, что невозможность постановки этих слов не связана с эффектом эллипсиса предиката как таковым, поскольку другие эллиптированные конструкции вполне допускают включение фазовых глаголов; ср., напр., при эллипсисе изъяснительных глаголов: Вы опять об этом — Вы опять начали об этом. Следовательно, несочетаемость ЭД с фазовыми глаголами связана с особенностями аспектуального значения этой конструкции.

Далее, ЭД, как и СВ, имеет лишь ограниченную сочетаемость со словами, указывающими на кратность события: иногда, порой, часто, а также со словом бывало. Как для СВ, так и для ЭД постановка этих слов возможна только при соотношении с другим смежным событием: Он бывало (иногда) скажет об этом, а потом жалеет [ср. 2, 14] — Он бывало в лес, да и бродит там часами.

Наконец, ЭД, как и глаголы СВ, при включении в сочинительный ряд, как правило, обозначают **последовательную** цепь событий, ср.: Он закончил дела, сел в автомобиль и отправился за город — Он закончил дела, сел в автомобиль, да и за город.

Если бы сочетаемость ЭД полностью совпадала с сочетаемостью глаголов СВ, то можно было бы предположить, что причиной этого является простое подразумевание глагола СВ в составе конструкции. Однако ЭД обладает и некоторыми специфическими свойствами, отличающими ее от свойств морфологической перфективности, что и позволяет говорить о собственно синтаксическом аспектуальном значении конструкции.

Прежде всего, ЭД не допускает идеи законченности события, столь характерной для СВ. В связи с этим невозможно включение в состав ЭД слов типа однажды, как-то раз и т. п., указывающих на неактуальность события. ЭД всегда представляет событие **актуальным**. Отнесенность события к прошлому возможна только на фоне других событий в прошлом, т. е. тогда, когда это не колеблет статуса актуальности: в этом случае событие, изображенное в ЭД, оказывается актуальным для того временного плана, к которому отнесено повествование в целом. Ср. Вчера он пришел домой, переоделся и сразу в гости — при невозможности, однако, *Вчера он в гости.

Обязательная актуальность действия делает возможным для ЭД, в отличие от СВ, употребление индикаторов **сплошной кратности** — таких как всегда, обычно, в то время как индикаторы **выборочной кратности** (иногда, часто и т. д.), как было показано выше, в изолированном высказывании не могут быть употреблены. Это отличие объясняется тем, что слово всегда в составе ЭД осмысливается в значении 'всегда и теперь, как всегда' (Вы куда? — Мы всегда только в лес), т. е. получает добавочное актуальное значение.

В связи с обязательной актуальностью находится и другое отличие значения ЭД от морфологической перфективности. А именно, ЭД не допускает идеи **временной протяженности** события. Поэтому оказываются невозможны любые указания на то, сколько времени продолжалось действие. Ср. Пришли (придем) к реке за 20 минут — при невозможности *Мы к реке за 20 минут. Невозможность оценки временной протяженности события объясняется той противоречивостью, с которой действие представлено в ЭД. С одной стороны, это актуальное действие, т. е. такое, которое сейчас совершается или будет совершаться и еще не закончено. С другой стороны, отсутствие глагола, при обязательной постановке обстоятельства, приводит к тому, что внимание оказывается сосредоточено не столько на самом процессе в его течении, сколько на результате — конечном пункте, к которому должно прийти движение и который обозначен обстоятельством. Говорящий одновременно и проецирует процесс в настоящее/будущее, и представляет его уже как бы совершившимся, конечную цель — достигнутой. Высказывание Он в лес означает, что действие еще не совершилось, но внимание уже сосредоточено на конечном результате, элиминируя ту длитель-

ность, которая лежит между настоящим моментом и достижением результата. Здесь опять проявляется то общее свойство НП конструкций, в силу которого изображаемым в них событиям нет места на модально-временной шкале, они хотя и существуют, но как бы не занимают никакого временного и реальностного «пространства».

Описанное свойство ЭД сближает данную конструкцию с КИ₁. В обоих случаях наблюдается элиминирование течения события и направленность на конечный результат. В связи с этим в обоих случаях оказывается невозможной ни объективная оценка временной длительности, ни наличие побочного события, которое вклинивалось бы в течение основного процесса, маркируя тем самым длительность последнего. Равным образом нельзя сказать *Мы его пытались остановить, но он все же раскричусь и *Мы его пытались остановить, но он все же в лес.

Таким образом, основные компоненты аспектуального значения конструкций КИ₁ и ЭД совпадают. Этими компонентами является а) элиминирование временной протяженности действия и б) исключительная направленность на результат (при элиминировании развертывания самого процесса как такового). Они позволяют охарактеризовать аспектуальное значение обеих конструкций как **гиперперфективное**. В рамках КИ₁ к значению гиперперфективности добавляется эффект внезапности действия, в то время как для ЭД таким добавочным компонентом является обязательная актуальность действия. Следовательно, аспектуальное значение ЭД полностью определяется как **гиперперфективность + актуальность**.

4.2. Конструкции с глагольным междометием (ГМ) и по сфере употребления, и по значению весьма близки конструкции ЭД. Они также обозначают стремительное движение, результатом которого оказывается либо перемещение субъекта или объекта, либо удар/столкновение. Сочетаемость этих конструкций с индикаторами аспектуального значения также почти полностью совпадает с сочетаемостью ЭД. Так, конструкции с ГМ обнаруживают ряд общих свойств с глаголами СВ: ограниченную сочетаемость с индикаторами кратности типа долго, часто, иногда (возможна только на фоне какого-либо другого действия), ориентированность на передачу последовательного ряда событий (Он подошел и прыгнул в яму — Он подошел и прыг в яму). Наряду с этим, возникают и дополнительные ограничения, показывающие собственное аспектуальное значение конструкции. Эти ограничения совпадают с соответствующими свойствами КИ₁ и ЭД и состоят прежде всего в невозможности определителей объективной длительности события. Событие предполагается происшедшим мгновенно, вне временной оценки, внимание сосредоточено на конечном резуль-

тате, элиминируя течение процесса как такового. Таким образом, конструкции с ГМ, как и КИ₁ и ЭД, являются **гиперперфективными**.

Эффект внезапности также присутствует в значении ГМ, но, пожалуй, в несколько смягченном виде по сравнению с КИ₁. Для значения КИ₁ принципиально важен тот факт, что результат процесса оказывается неожиданным; вот почему даже длительные процессы, при соблюдении этого условия, могли быть представлены в КИ₁. В ГМ неожиданность вторично вытекает из быстроты (мгновенности) самого действия, и основное внимание сосредоточено именно на этой скоротечности события. Поэтому действие не может здесь оказаться реально длительным ни при каких условиях, и все ГМ относятся только к точечным процессам.

С другой стороны, действие, изображаемое в ГМ, часто бывает актуальным, но не обязательно обладает этим свойством. Поэтому, в отличие от ЭД, данная конструкция хорошо сочетается со словом *однажды* и не обнаруживает различия в сочетаемости с индикаторами сплошной и выборочной кратности (типа *всегда* и *иногда*)— и те, и другие оказываются возможны только на фоне последовательного ряда других событий.

Таким образом, значение ГМ исчерпывается **гиперперфективностью** в чистом виде, не осложненной добавочными компонентами значения, как это имеет место у других гиперперфективных конструкций, т. е. у КИ₁ и ЭД. Именно этим объясняется та исключительная ориентированность на быстроту и скоротечность действия, которая отличает конструкцию ГМ, поскольку у КИ₁ эффект быстроты сочетается (и частично перекрывается) с эффектом неожиданности, а у ЭД данный эффект снимается проецированием действия в настоящее/будущее (актуальностью).

* *
*

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в языке существует явление **синтаксической аспектуальности**, т. е. собственное аспектуальное значение синтаксической конструкции как таковой, независимое от значения входящих в ее состав глаголов. В общем поле аспектуальности, существующем в языке, синтаксическая аспектуальность занимает важное место. Она активно взаимодействует с морфологическими, словообразовательными и лексическими показателями аспектуальности, частично регламентируя вхождение глаголов определенного вида и способов действия и лексических индикаторов аспектуального значения в состав синтаксической конструкции, частично уточняя, а иногда и существенно переосмысляя значение этих слов. В частности, значение синтаксической конструкции может усиливать и доводить до крайнего выражения эффект перфективности (в виде

элиминирования течения процесса и исключительной ориентированности на результат) или эффект имперфективности (подчеркивая нецелостный, делящийся характер процесса), формируя синтаксическое значение гиперперфективности (КИ₁, ЭД, ГМ) и гиперимперфективности (КИ₂). Наряду с этим, в рамках синтаксического значения возможно совмещение основного аспектуального значения с некоторыми добавочными компонентами, также имеющими более или менее прямое отношение к общей аспектуальной характеристике события, — такими, как значение неожиданности действия (КИ₁), актуальности (ЭД), нелинейности (ЛИ), ограниченности (КИ₃). Дальнейшее расширение и уточнение репертуара аспектуальных синтаксических значений и их взаимодействия с другими компонентами аспектуальности способно привести к более полному представлению о границах и характере категории аспектуальности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
3. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
4. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
6. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. — «Труды Ин-та русского языка АН СССР», т. II, М.-Л., 1950.
7. Гаспаров Б. М. Из курса лекций по синтаксису современного русского языка. Простое предложение, Тарту, 1971.
8. Гаспаров Б. М. Построение модели формальных классов слов современного русского языка. — «Уч. зап. ТГУ», вып. 266, Тарту, 1971.
9. Гаспаров Б. М. Неопределенно-субъектные предложения в современном русском языке. — «Уч. зап. ТГУ», вып. 275, Тарту, 1971.
10. Грамматика русского языка, под ред. В. В. Виноградова, т. II, ч. I. М., 1954.
11. Грамматика современного русского литературного языка, под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.
12. Золотова Г. А. Очерки функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
13. Исаченко А. В. К вопросу об императиве в русском языке. — «Русский язык в школе», 1957, № 6.
14. Исаченко А. А. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, ч. II, Братислава, 1960.
15. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
16. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
17. Маслов Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (Значение и употребление). В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
18. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
19. Панов М. В. Русский язык. В кн.: Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М., 1966.
20. Пете И. Типы синтаксической модальности в русском языке. Будапешт, 1970.

21. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7. М., 1956.
22. Прокопович Е. Н. Особые формы прошедшего времени в роли сказуемых. — «Русский язык в школе», 1960, № 4.
23. Русская разговорная речь, под ред. Е. А. Земской. М., 1973.
24. Синтаксис русского языка, под ред. М. Кубика. Прага, 1974.
25. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Типы простого предложения. М., 1968.
26. Стендер-Петерсен А. И. О пережиточных следах аориста в славянских языках, преимущественно в русском. Дерпт, 1929.
27. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка, изд. 2. М., 1941.
28. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке. — В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.
29. Шелякин М. А. Основные проблемы современной русской аспектологии. — В кн.: Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975.
30. Шмелев Д. Н. Внеимперативное употребление формы повелительного наклонения в современном русском языке. — «Русский язык в школе», 1961, № 5.
31. Щаднева В. И. Синтаксическая модальность и инфинитив. — «Уч. зап. ТГУ», вып. 425, Тарту, 1977.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВИДА И ДРУГИХ КАТЕГОРИИ ПРИЧАСТИЯ

(заметки о состоянии и перспективах)

Н. А. Луценко

Исследователь, заинтересовавшийся каким-либо из частных вопросов причастия, в силу неразработанности общих его вопросов и прежде всего вопроса о месте причастия в системе частей речи, вынужден или принять одну из точек зрения, аргументируя это ее убедительностью, или сам заняться этими общими вопросами. Первый путь неприемлем с точки зрения происходящей в лингвистике и затронувшей и данную область переоценки ценностей¹, второй — предпочтительнее, однако таит в себе опасность далеко увести от интересующего вопроса. Избрав второе, мы отразили это в названии работы, придав ему общий характер. Однако, как станет ясно из дальнейшего, выбор обусловлен не столько общими, сколько конкретными соображениями, связанными с размышлениями над проблемой вида в причастиях.

1. Грамматические категории и место причастия в системе частей речи (состояние и характер изучения)

Взаимосвязь вопросов, вынесенных в название раздела, самоочевидна. Сложность в данном случае (с точки зрения данной работы) заключается в том, что предпринимаемый до сих пор путь доказательства — от категорий к определению статуса причастия — неприемлем: этому бы противоречила суть заголовка данной работы. Здесь намечается путь иного плана: от решения общего вопроса о статусе причастия к непредвзятому анализу его категорий. То, что здесь именно возможна предвзятость, можно проиллюстрировать изложением соответствующих мест работ, противостоящих во взглядах на причастие.

В частности, для работ, ориентирующих на понимание причастия как формы глагола, категория вида (как частный предмет наших интересов) — один из ярчайших признаков причастия², для работ, отстаивающих адъективное понимание при-

частия — остаточное явление, всего лишь следствие отглагольности причастия³. То же наблюдается при интерпретации других признаков: времени, залога, синтаксических особенностей и пр.

Зависимость характеристики грамматических признаков причастия от конечных целей их рассмотрения, таким образом, можно выделить как общее место, или общую черту, современных работ, связанных с анализом грамматических категорий причастия.

Говоря несколько подробнее, эта зависимость выявляется в следующем.

Если целью анализа является доказательство глагольной природы причастия, то присущие причастию глагольные категории принимаются в качестве наиболее полно отражающих его общекатегориальное значение, т. е. значение действия. Такие категории, как род, число, падеж при этом рассматриваются как категории формального плана, с точки зрения общекатегориального определения причастия менее значимые⁴.

Если же в намерения исследователя входит доказать адъективный характер причастия, то он стремится показать различие (причем, специально оговаривается, что это глубокое качественное различие) категорий причастия и глагола. Подобным образом подчеркивается различие их общекатегориальных значений⁵.

Тщательное изучение деталей и общего хода анализов подобного рода позволяет увидеть другой недостаток, имеющий место при рассмотрении грамматических категорий причастия, — отсутствие диалектического подхода к положениям и концепциям лингвистической теории.

Эта черта особенно сказывается при анализе глагольных признаков причастия, имеющем своей целью доказать особый или «несобственно глагольный» характер последних. Укажем на некоторые из подобного рода фактов.

И. К. Кучеренко, один из сторонников точки зрения «причастие=прилагательное»; так, например, доказывает отличие залога и времени причастий от одноименных категорий глагола. Анализируя категорию залога причастия, автор в итоге устанавливает ее двучленный характер. Отсюда, поскольку И. К. Кучеренко исходит из наличия у глагола четырех залогов, он делает вывод о качественном различии залогов глагола и причастия. Залог причастия, по мнению автора, — это следствие отглагольности, а не глагольности причастия⁶. Аналогично автор поступает при анализе категории времени. Пользуясь пониманием времени как категории, выражающей отношение действия к моменту речи, неадекватность времени причастия времени глагола он доказывает с помощью следующих аргументов: 1) причастия не имеют форм будущего времени, поэтому не выражают отношение к моменту речи; 2) предикативный временной признак сообщается причастию глаголом-связкой⁷. Кроме тех фактов, что

причастие будущего времени факультативно употребляется в речи⁸ и что автором не учитывается основная синтаксическая функция причастия (см. ниже), можно отметить, что у исследователя «все сошлось бы», воспользуясь он, видимо, небезызвестной ему бинарной теорией залога или таким пониманием категории времени, в котором как раз подчеркивается, что «момент речи оказывает отрицательное влияние на определение грамматических временных форм и существо передаваемых ими явлений»⁹. Но, как это понятно, дело не столько в этом, сколько в том, что автор не видит и потому не учитывает возможности по-иному поставить вопрос; в частности, здесь возникает вопрос, который, как кажется, в данном случае более правомерен: адекватна ли используемая теория? Этот вопрос не менее актуален для современной аспектологии, и намечаемые здесь подходы к изучению категорий причастия отвечают такой его постановке.

В качестве заключительного замечания к данному краткому обзору можно отметить, что существующее в лингвистике состояние разработки вида и других категорий причастия не содержат каких-либо принципиальных рекомендаций для их анализа при смене перспективы исследования; оно, скорее, помогает обозначить направления, на которых следует искать рекомендации данного плана.

Можно полагать, что пути к решению обсуждаемых здесь общих и частных проблем должны иметь нетрадиционный, или иначе, иноаспектный характер, причем как исходный момент должно братья то, в чем никто не сомневается, — сложность причастия в онтологическом и, обусловленном этим, метатеоретическом отношениях.

В этом случае в качестве руководящего исследовательского принципа выступает стремление перейти на иной уровень рассуждений — пойти дальше обычной системы доказательств, с тем чтобы определить основания над ними стоящие и позволяющие предиктировать их в отношении тех условий, которыми обусловлено их формирование и специфический характер. С этой точки зрения рассмотрение вопроса общекатегориальной принадлежности причастия и является одновременно выяснением условий данного плана, причем это не только условия, в отношении которых можно предиктировать различные точки зрения на причастие, но так же и основания, исходя из которых в дальнейшем окажется возможным перейти к анализу аспектуальных и некоторых других его свойств.

2. Вопрос о статусе причастия как основа изучения категорий и процессов в сфере причастия

С точки зрения данного вопроса пояснения требует прежде всего момент, касающийся общего понимания онтологической сущности частей речи и отношения к ним исследователя.

Нам кажется, что следует безоговорочно принять мнение Л. В. Щербы о том, что части речи — это не результат какой-либо классификации, какого-либо мудрствования исследователя, а есть объективные данности, сущность которых с помощью различных приемов анализа лингвист и пытается установить¹⁰. С этой точки зрения не должны приниматься во внимание высказывания по поводу статуса причастий, основанные на одном из возможных аспектов подхода к ним. К таковым, в частности, можно отнести замечание И. А. Бодуэна де Куртене, отметившего, что «с морфологической точки зрения» причастия следует считать «просто прилагательными»¹¹, или подобного плана рассуждения А. А. Зализняка в его известной книге «Русское именное словоизменение»¹² и некот. др. Такого рода характеристики возможны как промежуточные и не правомерны как итоговые заключения по данному вопросу. Глубокие суждения, поясняющие имеющееся здесь различие, оставил нам Г. О. Винокур. «Нужно... согласиться с тем очевидным фактом, — писал он, — что классификация слов по их форме и та классификация, которая традиционно именуется «частями речи», разноприродны и составляют содержание различных научных проблем, причем вторая из этих проблем, именно проблема частей речи предполагает первую, а не наоборот». И несколько ниже: «Все дело заключается в том, что обе эти проблемы — разных планов. Установление морфологических классов слов — это только известная ступень в исследовании структуры языка, на которой необходимо прочно утвердиться для того, чтобы получить возможность различать синтаксические и семасиологические функции языкового знака. Что же касается проблемы частей речи, то она уже и в своем внутреннем содержании не есть проблема единого плана, так как решается посредством комбинации данных, доставляемых и морфологией, и синтаксисом и семасиологией, но не в беспорядочном их смешении, а в той строгой, иерархической их соподчиненности, которая объективно дана в языковой реальности, как диалектически расчлененным целом... Вопрос об этом целом и есть вопрос частей речи»¹³.

Таким образом, вопрос выяснения места причастия в системе частей речи — это вопрос о целом. Ограничение изучения объекта каким-либо аспектом должно вестись только с точки зрения этого целого и определяться им на разных уровнях. Однако что касается конкретно интересующих нас аспектов данного анализа, то в этом случае мы должны идти дальше и выяснить вопрос о «естественных» принципах формирования «естественных» классов слов, которыми среди прочих можно считать и причастия. Нам кажется, что и в данном случае и вообще понятие «ограничить» должно предшествовать понятию «описать».

Как кажется, эта мысль (ощущение мысли, но еще не сама мысль) имплицитно присутствует в замечании Ф. Паппа по по-

воду упоминавшейся выше книги А. А. Зализняка. После похвальных слов в ее адрес и адрес ее автора Ф. Папп отмечает: «Однако даже в области русского имени, и после этого труда, остаются вопросы, естественно не занимавшие А. А. Зализняка, но необходимые с точки зрения рассматриваемой проблематики. Это, главным образом, и не вопросы формообразования, а вопросы теории частей речи, практического деления слов на классы, единые с точки зрения их морфологического поведения и синтаксического использования. Так, например, ясно, что все слова атрибутивного характера (могущие выступать в роли согласованного определения) могут быть объединены в одну группу; в то же время они должны быть разделены на подгруппы с точки зрения их синтаксических судеб...»¹⁴. То, что имеет в виду Папп, в более общем плане было отмечено Бодуэном де Куртене в его определении синтаксиса: «Синтаксис, или словосочетание (словосочетание), — писал Бодуэн де Куртене, — рассматривает слова как части предложений и определяет их именно по отношению к связной речи, или предложениям (основание для разделения частей речи) (разрядка наша — Л. Н.); оно занимается значением слов и форм в их взаимной связи»¹⁵. Как видно, высказывание Бодуэна абстрактно только относительно объекта, однако оно конкретно относительно направлений решения вопроса о делении слов на классы. В качестве основания такого деления Бодуэн мыслил себе выяснение их роли по отношению к связной речи, предложению.

Глубина этого замечания станет более понятной, если посмотреть на вопрос, что такое часть речи, с исторической, как любил говорить А. А. Потебня, точки зрения, то есть в историко-эволюционном плане. Соответствующие разъяснения по этому вопросу можно найти во множестве работ, нас, однако, привлекает, что и как говорит в этой связи Р. И. Аванесов в работе с интересным и показательным для нас названием — «Второстепенные члены предложения как грамматические категории» (РЯШ, 1936, № 4). Ставя своей задачей доказать грамматический характер второстепенных членов предложения, Р. И. Аванесов отмечает: «Поставленный вопрос прежде всего связан с выяснением соотношения между частями речи и членами предложения. Для современного русского языка нельзя говорить о параллелизме между ними, так как одна и та же морфологическая категория может служить для выражения разных членов предложения. Однако для определенной, очень отдаленной стадии развития языка приходится считать такой параллелизм вполне реальным: части речи (или вообще морфологические категории) исторически выделились, грамматически выкристаллизовались как специфические формы выражения различных членов предложения. На указанной стадии параллелизма морфологической категории и синтаксической функции грамматика синкретична: она не знает еще

морфологии и синтаксиса, как противопоставленных друг другу отделов грамматики»¹⁶. Интересно для нас и следующее замечание: «В процессе дальнейшего языкового развития этот параллелизм начинает постепенно нарушаться: для выражения определенных значений оказывается необходимым, чтобы та или иная морфологическая категория выступила в несвойственной для нее роли. Так появляются противоречия между морфологической категорией и синтаксической функцией. Возникает синтаксис в собственном смысле этого слова, который таким образом, есть преодоление морфологии. С этого момента можно говорить о морфологии и синтаксисе, как о разных сторонах структуры языка»¹⁷.

Мы воспользовались этой и другими цитатами затем, чтобы внести определенный смысл в некоторые общие замечания относительно принципов разделения слов на части речи, которые по отдельности или совокупно можно встретить в самых различных работах теоретического плана и которые по большей части остаются нереализованными в конкретных исследованиях. С другой стороны, в свете этих высказываний оказывается, что то, что иногда определялось как противоречивое, оставалось по сути непонятым в диалектическом смысле, «с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и... чем данная вещь стала теперь»¹⁸. Интересно в этой связи обратить внимание на замечания относительно частей речи и принципов их классификации, принадлежащие А. М. Пешковскому, А. А. Шахматову, И. И. Мещанинову и др.

Углубляя и развивая имеющиеся в этих работах наблюдения, можно предложить ряд выводов, позволяющих упорядочить накопленный материал, с одной стороны, и с другой — открывающих определенные перспективы для решения многих проблем из области морфологии и синтаксиса, в том числе и вопроса об основаниях изучения категорий причастия и слов не менее сложных, чем причастия. Прежде всего можно отметить, что часть речи и член предложения — это диалектически соотнесенные корреляты, развившиеся из эксплицитного единства и имплицитной противоположности в эксплицитную противоположность и имплицитное единство. Иначе говоря, на этапе, о котором говорит Р. И. Аванесов, явным, открытым выступало единство, скрытым — противоположность, в современном языке наблюдается противоположная картина. Исходя из этого, а также из всего сказанного выше, можно дать такие определения члена предложения и части речи, релевантные для современного среза языка. Часть речи — это морфологический класс плюс доминантная синтаксическая функция (или функции), член предложения — это синтаксическая функция плюс доминантный морфологический класс. Как можно понять, перекрещивание этих чистых отноше-

ний лежит в основе процессов переходности и собственно словообразовательных процессов — в морфологическом аспекте, и подобного рода процессов в плане синтаксиса (ср. варьирование средств выражения предикативных отношений). Развитие современной науки отражает логику такого объяснения, однако больше пока в плане противоположности обсуждаемых понятий и соответствующих им разделов, видимо, в силу указанной ее эксплицитности для современного языка; опора на единство, связь морфологии и синтаксиса, члена предложения и части речи в настоящее время ощутимее выявлена в теоретических работах по методике грамматики, но здесь оно получает уже не лингвотеоретическое, а лингвометодическое обоснование. Ведущая идея современной методики — изучение морфологии на синтаксической основе аргументируется здесь не соответствием ее историческому ходу развития грамматических объектов (ср. высказывание Р. И. Аванесова), а, по замечаниям методистов, вытекает из принципа взаимосвязи отдельных уровней языка в процессе их изучения. Что касается фактических основ реализации данной идеи — конкретных лингвистических пояснений и рекомендаций, то они еще весьма далеки от этой плодотворной идеи.

По этому поводу можно было бы сказать еще многое, но мы, помня о подстерегающей нас опасности, останавливаемся, чтобы сделать ряд более конкретных замечаний по интересующим нас в данном разделе вопросам.

Отметим, что с точки зрения рассмотренных выше принципов проблема общекатегориальной принадлежности причастия разрешается в пользу его «родственности» с глаголом и не в пользу адъективного его понимания.

Основное отличие причастия от прилагательного в релевантном для нас аспекте было отмечено А. А. Шахматовым в заключительном абзаце раздела о причастии его знаменитого «Синтаксиса русского языка». «Мне остается сказать, — писал А. А. Шахматов, — еще несколько слов об отличии причастий в их атрибутивном употреблении от прилагательных. Причастие означает слово *атрибутивно-предикативное* (здесь и далее выделено нами — Л. Н.), между тем как прилагательные членные означают исключительно *атрибут*»¹⁹. В добавление к этому укажем на другие, связанные с данным и между собой, различия, важные и как исходный пункт последующего анализа вида и других категорий причастия.

1) Для причастия характерно (первично) неабсолютное употребление, прилагательное, наоборот, в речи характеризуется абсолютным употреблением. Ср. пример из одной из методических статей Л. В. Щербы, помещенный в раздел «Неполнота предложения» (!) и квалифицированный с помощью ремарок «недоговоренность», «абсолютное употребление слов»: «Же-

лающие женщины всегда могут освободиться от домашних привязанностей, т. е. от кухни и детей»²⁰.

2) Семантика прилагательного абстрактна, семантика причастия конкретна.

3) Прилагательное и причастие различаются особенностями сочетаемости с наречиями. Препозиция наречия в сочетании с причастием способствует слиянию их в одно слово и затушевыванию глагольных значений. Ср.: *уважаемый глубоко* и *глубокоуважаемый*, *играющая долго* и *долгоиграющая* (ср. п. 5).

4) Причастие и прилагательное отличаются местом относительно определяемого слова: препозиция «принадлежит» прилагательному, постпозиция — причастию.

5) Причастие и прилагательное различаются обстоятельственным окружением. Для прилагательного характера «качественность» окружения: *очень хороший*, *весьма удачный*; причастия (первично) сочетаются с показателями кратности, непрерывности, секвентности и пр.: *два раза упавший*, *постоянно читающий*, *уже высохший* и т. д.

6) Причастие и прилагательное различаются по линии синтаксических трансформаций. Ср.: *читающий*, → *который читает*; *русский*, → *который русский*. Приведем встретившийся нам неуклюжий стилистически, но показательный в данном отношении пример: «Больше того, часть из них [команд] осталась на все время этого чемпионата и без своих *ведущих* [которые ведут] футболистов, *которые определяли* их манеру, их индивидуальность, *диктовавшие* их игру и стиль» (Футбол-Хоккей, 1976, № 33).

Сходство причастия и глагола характеризуется следующими особенностями, отчасти прямо отмеченными в работах, отчасти выявленными нами при сопоставлении работ по синтаксису причастия, с одной стороны, и синтаксису глагола — с другой.

1) Синтаксическая предикативная и так называемая полупредикативная (или периферийная предикативная) связь тождественны в семантическом плане: «...если и можно установить различие между этими двумя видами синтаксических отношений, то только на основе языковых средств их выражения, а не по смыслу»²⁰.

2) Эти связи независимы от морфологических свойств слов²¹.

3) Доминантным заполнителем предикативной связи выступают глаголы, доминантным представителем полупредикативного определительного отношения является причастие.

Что касается того, чем обусловлено существование основной и периферийной предикативности, то, по свидетельству исследователей, последняя (различные обороты) образует тот фон, который гарантирует семантическому устройству предложения здравый смысл²².

3. Некоторые общие основы функционального изучения вида причастия

Покажем теперь, что произведенное выше рассмотрение бесполезно в плане обсуждаемых в настоящей работе проблем. В этом плане намечаются некоторые уточнения теоретического характера, а также отдельные конкретные рекомендации по анализу вида, в первую очередь, и других категорий причастия, предлагаемые в качестве своеобразного введения к их углубленному изучению.

Предложенный анализ полезен прежде всего тем, что позволяет уточнить статус, а также характер отношения частного видового значения и видовой морфологической формы. При рассмотрении данного вопроса, учитывая имеющееся здесь различие, можно провести определенную аналогию между отношением данных понятий и отношением члена предложения и части речи. В этом плане частное видовое значение — это регулярная семантико-синтаксическая функция средств аспектуальности, характеризующаяся в одних случаях доминированием значения морфологической формы, в других случаях — доминированием значений прочих средств аспектуальности. В первом случае синонимия видов невозможна²³, во втором она возможна, так как в этом случае условия для проявления инвариантной силы видовой формы оказываются снятыми. В силу тех же особенностей одни частные видовые значения характеризуются как основные, самостоятельные (конкретно-фактическое для совершенного и конкретно-процессное и неограниченно-кратное для несовершенного вида), другие как неосновные, в большей степени зависимые от контекста²⁴.

Такое уточнение необходимо и как выражение отношения к некоторым новым попыткам объяснить взаимодействие формы и контекста. В частности, в последнее время в поисках адекватной функциональной модели вида, предполагающей в числе прочих и решение вопроса «почему противопоставленные формы — совершенности и несовершенности — порождают в реальном речевом употреблении однотипные значения», предпринимается попытка добиться более-менее удовлетворительного ответа с помощью идеи об аспектуальной неинформативности несовершенного вида²⁵. Конкретное исследовательское воплощение данной идеи обуславливает вывод о том, что в случае употребления несовершенной формы контекст «полностью (выделено нами — Л. Н.) принимает на себя функцию детерминатора аспектуальной структуры действия»²⁶. Явное с точки зрения отмеченных выше моментов гипертрофирование роли контекстных средств порождает в пределах данной концепции ряд противоречий, на которых мы, по понятным причинам, не имеем возможности здесь остановиться.

Отношение к причастию как доминантному репрезентанту периферийной предикативности позволяет связывать функциональный анализ причастия и его категорий с различными аспектами модальности. Интересны в этом плане сопоставления с употреблением других форм глагола. В частности, по нашим наблюдениям ряд частных значений ирреальной модальности снимает видовое противопоставление. Рельефно, отчетливо это можно показать на примере употребления двувидовых инфинитивов. Ср.: а) значение возможности: «Он понимает, что такая машина... не сможет вложить открытие в голову ученика, но она подготовит его мозг к тому, чтобы в нем могла *родиться* новая идея» (Наука и жизнь, 1966, № 6); а) долженствование: «Власть и свободу *сочетать* должно на взаимную выгоду» (Пушкин, Из Москвы в Петербург); в) намерение: «Не думайте, что в такой малоподходящей обстановке я вздумал *интервьюировать* слушателей об их отношении к сионизму» (Огонек, 1975, № 50) и т. д. Подобными условиями детерминировано и функционирование причастий. Влияние модальной окраски обуславливает безразличный с точки зрения вида характер собственно глагольных трансформаций причастия, а также делает возможным однородное употребление противопоставленных относительно времени и вида причастий. Ср.: Жертвой убийства могут оказаться люди со склонностью к самоубийству, *толкнувшей* их (ср. *толкающей* их) к преступнику и *заставляющей* (ср. *заставившей*) отказаться от помощи» (Лит. газета от 6/X 1976 г.); «Да, гений — это не светлокрылый ангел, *являющийся* (который является/явится) людям раз в столетие в сиянии своего небесного духа и парящий над грешной землей» (Огонек, 1975, № 50), Иван ничего не *выражающими* (ср. *выразившими*, которые ничего не выражали / не выразили) глазами скользнул по гладкому подбородку Алейникова, по его груди... (Иванов, Вечный зов) и т. д.

Можно отметить, что тот или иной тип ирреальной модальности как одна из релевантных характеристик предложения и вообще текста — это один из наиболее существенных факторов, снимающих реальную перспективу, представление о действительном существовании называемых явлений. Действие этого фактора и обуславливает тот факт, что видовые и временные характеристики причастия оказываются как бы выключенными, нейтрализованными. Представляется, что прежде всего с этим, а не с «нулевым» характером несовершенности связан ответ на упомянутый выше вопрос о факторах, определяющих в употреблении однотипный характер значений разных видовых форм. Получив формальную модальную самостоятельность такого рода, причастие утрачивает способность выражать иные типы модальности и, таким образом, теряет связанные с выражением этих иных типов модальности категории. Таковы, например, страдательные причастия настоящего времени на *-мый*, случаи типа

режущий инструмент, пищущая машинка и др., репрезентирующие модальное значение возможности/невозможности. Можно добавить, что исследование случаев подобного рода, видимо, имеет отношение к установлению области проявления значения «среднего члена» — основания для сравнения действий с точки зрения целостного/нецелостного их проявления²⁷. Кстати сказать, отмечаемое в ряде работ различие модальных коннотаций совершенных и несовершенных видовых форм²⁸ также говорит о противоречивости теории нулевой информативности несовершенного вида.

Вытекающее из предыдущего рассмотрения разделение случаев речевого использования причастия по признаку «первичное/непервичное употребление» релевантно как в плане анализа разного рода семантических трансформаций причастия (субстантивация, адъективация), так и с точки зрения реализации формой причастия частных видовых значений. В последнем случае имеется в виду то, что «непервичность» употребления может быть связана с различием частных видовых значений однотипных в морфологическом отношении причастных форм. Ср.: а) «первичное» употребление: «То же выражение читаете вы . . . и в лице рабочих солдат, с носилками *дожидającychся* на крыльце бывшего собрания» . . . (Толстой, Севастополь в декабре месяце) (конкретно-процессное значение); б) «непервичное» употребление: «Но . . . не старается ли он распространить ту же модель (*провоцирующий* потерпевший) на множество других правонарушений . . .?» (Лит. газета от 6/X 1976 г.) (качественно-характеризующее значение). Этот и другие процессы связаны с различными факторами, проявляющимися в таком употреблении, однако они одноплановы по направлению — сдвиг происходит в сторону расширения, обобщения семантики причастного слова. Ср. сдвиги, связанные: 1) с препозицией причастия: «Словом, это все как бы взрослые, успех *вкусившие* дети, у которых к тому же и родители живы . . .» (Филиппович, Травинка и муравей); 2) усечением окружения: «Лица у них мужественны обычно, как у людей *поживших* . . .» (оттуда же); 3) с переходом от конкретного к абстрактному представлению: «Хвастал невольно, потому что во время всего дела находясь в каком-то тумане и забытьи до такой степени, что все, *что случилось*, казалось ему *случившимся* где-то, когда-то и с кем-то, очень естественно, он старался воспроизвести эти подробности с выгодной для себя стороны» (Толстой, Севастополь в мае) и т. п.

Завершая изложение и обобщая отмеченные в нем наблюдения, еще раз подчеркнем, что непротиворечивое истолкование различных случаев функционирования причастий и других форм возможно только при учете взаимного влияния морфологических и контекстных средств. При этом нужно иметь в виду, что единицы контекста имеют самостоятельное значение лишь в связи с

определенным типом модальности, в этом случае они не только согласуются с ним и не только конструируют его, поскольку обладают значениями аналогичного модального плана, но и подчиняют себе «поведение» формы, противоположной модальной ориентированности. Иначе говоря, в одних случаях форма выступает как одно из средств (доминирующих или не доминирующих) конструирования определенного модального плана (для глагола и причастия это план реальной модальности), который актуализирует ее грамматические признаки; в других случаях она входит в иной модальный план, который определенным образом перестраивает, преобразует привычную для формы акцентировку признаков: актуализоваться могут уже не грамматические значения, а лексическое значение, какой-либо оттенок его, родовое значение-идентификатор и т. д. (для названных форм это план ирреальной модальности).

В заключение отметим, что в настоящей работе мы пытались показать, что успешное изучение аспектуальных свойств причастия связано с уточнением ряда теоретических положений и в известной мере определяется этим уточнением. Вместе с тем не менее значимым для такого изучения является тщательное исследование материала, живой, богатой и разнообразной материи языка, одним из сложных и интересных явлений которой выступают причастия.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В данном отношении весьма примечателен тот факт, что, «по последним данным» некоторых авторов, забравшего многих усилий и исследовательской пылкости лингвистов процесса адъективации причастий вообще «не может существовать», что признание такового является одной из крайностей, результатом односторонней интерпретации семантических особенностей и смыслового развития причастий. См.: Е. А. Иванникова. О так называемом процессе адъективации причастий. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., «Наука», 1974, стр. 297—304.
2. См., напр.: А. С. Белова. К вопросу о действительных причастиях. — Ученые записки Владимирского пединститута, вып. 4, 1958, стр. 105—122.
3. Е. А. Иванникова, указ. раб.; I. К. Кучеренко. Граматична характеристика діприкметника і його місце в системі частин мови. — «Мовознавство», 1967, № 4.
4. См.: В. Е. Кульбацкая. О категориальной сущности причастий и их месте в системе частей речи современного немецкого языка. — «Иностранные языки в высшей школе», вып. 3, Рига, 1975.
5. I. К. Кучеренко, указ. раб.; О. О. Прокопчук. Про діслівні граматичні значення німецьких діприкметників. — «Іноземна філологія», вып. 23, с. 55—57.
6. I. К. Кучеренко, указ. раб., стр. 16—17.
7. Там же, стр. 18—19.
8. См.: В. А. Трофимов. Современный русский литературный язык. Морфология. Л., 1957, стр. 202.
9. И. Г. Долинина. Предельность в видо-временной системе глагола. Автореф. докт. дисс. М., 1965, стр. 19.

10. Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. — В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., «Наука», 1974, с. 78.
11. И. А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Том 2. Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 48.
12. А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., «Наука», 1967, стр. 95.
13. Г. О. Винокур. Форма слова и части речи в русском языке. — В кн.: Избр. работы по русскому языку. М., 1959, с. 415, 416.
14. Ф. Папп. О некоторых общих вопросах порождающей грамматики современного русского языка. *Studia slavica*, 1968, 3—4, с. 301.
15. И. А. Бодуэн де Куртене. Избр. труды..., т. I, с. 66.
16. РЯШ, 1936, № 4, стр. 54.
17. Там же, стр. 54.
18. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.
19. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952, стр. 84.
20. Л. В. Щерба. Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся. — Назв. кн., стр. 375.
21. См. и ср.: Н. Ю. Шведова. Некоторые вопросы синтаксиса простого предложения в его отношении в синтаксису слова и словоформы. *Zeitschr. für Slav. Bd. XIV*, 1969, 5, с. 698; А. А. Камынина. О полупредикативных конструкциях в простом предложении. Изд-во Московского ун-та, 1974, стр. 48.
22. См.: А. А. Камынина. Обстоятельственные обороты в структуре простого предложения. *Вестник МГУ, филология*, 1976, № 5.
23. По данному вопросу см.: М. А. Шелякин. Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (К проблеме синонимии видов). *ФН*, 1976, № 3, стр. 56—64.
24. См.: А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971, стр. 24, 31—36.
25. А. М. Ломов. Категория глагольного вида и ее взаимоотношения с контекстом. — *ВЯ*, 1975, № 6; он же, Аспектуальная характеристика действия и ее типы. — Сб. «Вопросы русской аспектологии», Воронеж, 1975.
26. А. М. Ломов. Аспектуальная характеристика действия и ее типы..., стр. 73.
27. М. А. Шелякин, указ. соч., с. 57; см. также: его же, Основные проблемы русской аспектологии. — Сб. «Вопросы русской аспектологии», стр. 18—23.
28. См.: М. А. Шелякин. Аспектуальное употребление глаголов сообщения..., стр. 58; А. А. Бойко. О роли вида в некоторых инфинитивных сочетаниях, содержащих отрицание. «Уч. зап. ЛГУ, № 156, серия филол. наук, вып. 15, 1952, стр. 154.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕКОТОРЫХ ЛИЧНЫХ И ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ КАК ЧЛЕНОВ ВИДОВОЙ ПАРАДИГМЫ ГЛАГОЛА

Н. А. Луценко

В грамматике вообще и в аспектологии в частности одной из безусловных истин, пробивающих себе дорогу, выступает мысль изучать значения, свойственные формам слов, в связи с условиями их употребления, речевого функционирования¹. Такой путь, видимо, может быть особенно продуктивным в тех случаях, когда в качестве предмета исследования оказываются формы, в которых проявление тех или иных значений опосредуется различными привходящими обстоятельствами, в частности, гибридизированной формой или — в плане семантики — двусмысленными аналогиями с другими формами и пр. В плане изучения различных свойств причастий, о которых пойдет речь ниже и к которым применимо сказанное выше, возможности, открываемые указанным подходом, использованы не были; немногочисленные попытки функционального изучения причастий отмечены печатью морфологического подхода, перенесенного на условия употребления². По-видимому, в связи с этим многие из вопросов, связанных со спецификой причастия, не были поставлены, хотя и подразумевались самой логикой и историей изучения причастия³.

В числе таких вопросов — вопрос о специфике различных разрядов причастия в видовой парадигме глагола, или иначе — вопрос о характере вида как собственно глагольной категории в той или иной форме причастия. Представляется актуальным рассмотреть этот вопрос, основываясь на анализе употребления различных разрядов причастия и сопоставлении полученных данных с особенностями употребления личных форм глаголов совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ) (разумеется, функционирование последних — исходный момент анализа). Такое рассмотрение позволит получить объективные данные относительно особенностей и места причастий и некоторых личных форм в видовой грамматической системе глагола. Этому и посвящена предлагаемая статья.

В работе будем исходить из таких соображений. Прежде всего будем считать, что видовая принадлежность различных глагольных форм (личных форм и причастий) является установленной в общем плане (например, *писал, писавший* — формы НСВ, *написал, написавший* — формы СВ), но не в плане их специфических различий или сходства. Что касается общей характеристики категории вида, то здесь необходимо отметить следующее.

Виды русского глагола — это сложное иерархическое построение, характеризуемое, с одной стороны, отношением инвариантов совершенности и несовершенности; с другой стороны, над ними возвышается нейтральный (средний) член — основа сопоставления действий в плане целостного/нецелостного их проявления — значение, носителем которого выступает несовершенный вид⁴. Следует отметить, что этому, развитому лишь в последнее время подходу, традиционно противостоит иной — располагающий, так сказать, по одну сторону все семантические модификации несовершенности и в плане традиции идущий, видимо, от трудов А. Х. Востокова⁵.

Однако уже А. А. Потебня, который, по-видимому, был в чем-то близок к принимаемому здесь подходу, критикуя А. Х. Востокова, отметил, что предпринимаемое им расчленение несовершенности неправомерно, «что определенность и неопределенность не суть подразделения неокончателности, т. е. несовершенности»⁶. Данное различие, по мнению Потебни, связано с тем, что в случае неопределенности (отвлеченности) к форме «приурочен более сложный продукт мысли»⁷. Отвлеченность означает, что в одном случае в форме «должно быть менее объективного содержания», чем во втором⁸. Указанное различие «в глаголе самом по себе не выражается, т. е. эти значения выражаются лишь контекстом»⁹. Свои рассуждения А. А. Потебня не доводит до логического завершения, поэтому иногда одна его глубокая мысль противостоит другой, не менее глубокой и справедливой. Так, говоря о «сродстве» длительности и кратности с обычностью (отвлеченностью), он в другой части своих «Записок», полемической, утверждает, что «неопределенность и определенность, с одной стороны, и несовершенство и совершенство, с другой, — это два различные деления, насильственно соединенные в одно»¹⁰.

Характер рассуждений А. А. Потебни таков, что опять возвращается нас к особенностям взаимодействия формы и контекста. В предыдущей нашей работе мы указали на некоторые моменты данного отношения, основным из которых выступает соответствие/несоответствие контекстно-модальной заданности формы модальному плану контекста¹¹. Связывая этот и другие моменты со сказанным выше, можно принять, что определение места причастных и параллельных им личных форм в видовой парадигме глагола связано с идентификацией их в различающихся по сте-

пени абстрактности, но однотипных в модальном плане контекстах.

В плане решения поставленной здесь проблемы наибольшая трудность состоит в выборе адекватных ее постановке контекстов. Нам представляется, что определенность/неопределенность (конкретность/абстрактность) форм и последующее их отнесение или к области видового соотношения или к области проявления «среднего члена» непротиворечиво и показательно могут быть идентифицированы с помощью соотносительных рядов детерминантов, относящихся к классу кратности и длительности. К этому подводят, в частности, многие из рассуждений А. А. Потемни, однако, как представляется, поиски в этом направлении могут быть продолжены. Важно при этом учитывать только, что и данный и другие такого рода анализы не могут строиться на противопоставлении «или-или», но только на противопоставлении «больше-меньше», то есть могут быть лишь анализами по доминирующему признаку. Последнее, что следует здесь отметить, состоит в том, что детерминанты, так сказать, «верхнего» и «нижнего» уровней абстракции, видимо, могут быть истолкованы как детерминанты видов и способа действия: это вытекает из того, что глаголы, например, *решить* и *решать* различаются видом и относятся к одному способу действия.

Перейдем теперь непосредственно к анализу в намеченных выше аспектах. Предварительно отметим только, что в качестве соотносительных (параллельных) форм глаголов и причастий здесь рассматриваются формы, наделенные одинаковыми временными и видовыми характеристиками: *читает* — *читающий*, *прочитал* — *прочитавший* и т. п.

Абстрактное значение детерминантов «нижнего» уровня, эксплицирующих определенную особенность (какую-то часть или части спектра) соотносящейся с ними абстракции видового противопоставления, прежде всего в области личных форм, выводится при сопоставлении членов следующего (неконечного) ряда: *один раз, два раза, не раз, несколько раз, в нескольких эпизодах* и т. п. Личные формы СВ и НСВ в прошедшем времени одинаково сочетаются с представителями названного ряда. Ср.: 1) формы НСВ: «Вот что, жуланчик... *Два раза спасал* тебя, поди хватит» (Потанин, Тихая вода); *Раз десять бросался* фашистский стервятник в атаку (Гончаренко, Битва на Волге); *Я раз обращался* к генеральше из-за границы письмом, но она мне не ответила (Достоевский, Идиот); ... Рузвельт... *дважды выступал* посредником в мирных переговорах... (Новая и новейшая история, 1974, № 1); Гуськов нерешительно улыбался, как будто собираясь сказать что-то, и *несколько раз* поднимал умоляющий взгляд на Ш. (Толстой, Из кавказских воспоминаний) и т. д.; 2) формы СВ: 19 марта в первом полете атаковал три самолета, во втором полете четыре. *Оба раза заставил* неприятеля

теля обратиться в бегство (Вокруг света, 1975, № 9); Спроказил он неловко; *раз упал* да и не встал (Грибоедов, Лубочный театр); «Нет, это не по-моему: я держу свое слово; что *раз сделал*, тому навеки и быть» (Гоголь, Сорочинская ярмарка); *несколько раз повторил одно и то же, несколько раз улыбнулся* и т. п. На отсутствие здесь каких-либо миграционных процессов, на то, что речь идет об уровне абстракции, известным образом отвечающем уровню абстракции видового соотношения и его членов, указывает аналогичное употребление двувидовых глаголов в той же форме прошедшего времени. Ср.: Почтальон соскочил с лошади и стал откладывать, толстый трактирщик... отворил двери и *два раза приветствовал* княжеским титулом сидевших в карете... (Герцен, Поврежденный); Выходило, что и *ранили его трижды* зазря, без всякого смысла... (Нил и н, Жестокость).

Переход на новый уровень абстракции, располагающийся выше рассмотренного, связан с переходом говорящего к использованию иного ряда детерминантов — длительности и неопределенной кратности. Это, однако, не обособленный в своем качестве ряд, а ряд именно надстраивающийся, что видно хотя бы из такого примера: Директивы эти мы *вырабатывали* очень длительно, *несколько раз обсуждали* и *переобсуждали заново* (Ленин, т. 45, 70). Абстрактное значение данного ряда в свою очередь может быть задано списком: *часто, иногда, иной раз, беспрестанно, изредка, снова и снова, по вечерам, неоднократно* и т. д. С представителями данного ряда могут сочетаться и широко сочетаются те же личные формы прошедшего времени НСВ и не сочетаются формы СВ. Ср.: В первой молодости моей я *часто увлекался* (невозможно: *увлекся*) вольтеранизмом, любил иронию и насмешку... (Герцен, Былое и думы); Прежде чем печатать ту или иную главу мемуаров, Герцен *снова и снова возвращался* (невозм.: *возвратился*) к работе над ней (Путинцев, Предисловие к «Былому и думам»); Он [Рузвельт] *всегда выступал* (невозм.: *выступил*) за активное участие США в мировой политике (Новая и новейшая история, 1974, № 1); Моя мать и наша прислуга, мой отец и Вера Артамоновна *беспрестанно возвращались* (невозм.: *возвратились*) к грозному времени, поразившему их так недавно, так близко и так круто (Герцен, Былое и думы) и т. д.

Интересно, что форма настоящего времени НСВ отличается от формы прошедшего времени в плане сочетаемости с представителями названных двух рядов. Она не сочетается с детерминантами первой группы, или, можно сказать, сочетается с ним, но как с уже «переведенными» во вторую группу. Такой перевод осуществляется путем присоединения к ним названий промежуточных времени, в пределах которых повторяется действие, в результате образуется сочетание с общим значением «регулярно», постоянно». Ср.: По историографической тематике *раз в месяц про-*

водятся методологические семинары... (Новая и новейшая история, 1973, № 5); Что тут за невидальщина? *десять раз на день... видишь* это зелье... (Гоголь, Вечер накануне Ивана Купала). В иных случаях детерминанты, внешне подобные детерминантам первой группы и сочетающиеся иногда с формами наст. времени, на самом деле не являются таковыми, так как реализуют переносное значение, т. е. значение опять-таки не того уровня абстракции, с которым связано видовое соотношение. Ср.: [Фамусов]. Тьфу, господин прости! *Пять тысяч раз твердит* одно и то же! (Грибоедов, Горе от ума); *Сто раз благодарю* тебя, любезнейший, дорогой мой Степан... (Он же, Письмо С. Н. Бегичеву от 18/IX 1818 г.) и под. Обычной для данной формы выступает сочетаемость с детерминантами второй группы¹². Ср.: ... Лев Аннинский как-то произнес горячую речь в защиту отличника учебы, которого в книгах о школе *непрестанно шельмуют* (Лит. газета от 14/IV 1976); Эти господа всезнайки *встречаются иногда*, даже довольно *часто* в известном общественном слое (Достоевский, Идиот); Время, что вода, *часто размывает* и человека (Потанин, Тихая вода) и т. д. Таким образом, форма наст. времени, как показывает анализ, не является собственно видовой в том смысле, в каком это можно сказать по отношению к формам типа *сказал/говорил*, а относится, видимо, к области проявления среднего члена — основания для сравнения действий с точки зрения целостного/нецелостного их проявления. Что касается статуса данной формы в ответе на вопрос «*Что это ты делаешь?*», например, *пишу*, то в данном случае, видимо, мы имеем дело не с видовым, а чисто временным использованием данной формы¹³.

Перейдем теперь к анализу закономерностей сочетаемости детерминантов и параллельных проанализированным причастных форм, включив в число последних также и причастия страдательного залога. Наблюдаемые здесь факты не менее интересны, чем предыдущие.

Причастия прошедшего времени НСВ и СВ, подобно личным формам, без каких-либо ограничений сочетаются, с детерминантами первой группы: Михайлов, в эти три часа уже *несколько раз считавший* свой конец неизбежным и *несколько раз успешный* перецеловать все образа... под конец успокоился... (Толстой, Севастополь в мае); «Известно, как предводительствовал...» — начал Чикин скороговоркой, с видом человека, *несколько раз рассказывавшего* то же самое (Он же, Рубка леса); ...Сборная ФРГ, *ни разу не проигравшая*, оставила солидное впечатление (Футбол-Хоккей, 1976, № 49). В то же время с детерминантами второй группы сочетаются только причастия несовершенного вида: Рузвельта, *часто терявшего* сознание, несли на носилках... (Новая и новейшая история, 1974, № 1); По всей линии укреплений... с молнией, *блестевшей иногда* да-

же в полуденном свете, рождались клубки... дыма... (Голстой, Севастополь в августе); ... Он, *всегда отказывавшийся* от игры, предложил поручику О. составить банчик (Он же, Из кавказских воспоминаний); Но майор, должно быть *неоднократно слышавший* уже этот рассказ, вдруг сделал... мутные, тупые глаза... (Он же, Рубка леса) и под. Таким образом, данные разряды причастий повторяют отношение личных форм, в том смысле, что причастия (как и личные формы) СВ являются формами более узкими в семантическом плане, чем соотносящиеся с ними причастия (и личные формы/НСВ).

Интересно, что с точки зрения последнего замечания страдательные причастия прошедшего времени СВ и НСВ находятся в обратном отношении. Отличие это, однако, несколько иное, чем то, о котором говорилось выше. Дело в том, что страдательные причастия НСВ, сочетаясь с детерминантами обеих групп (*трижды слышанный, многократно битый*), в то же время остаются более конкретными, чем соответствующие формы СВ, ибо, в отличие от последних, не могут координировать в тексте с показателями, так сказать, «абсолютного» уровня абстракции *всегда, вечно, постоянно* и под. Ср.: Совершенно провалившийся между носом и острым подбородком рот, *вечно осененный* язвительно улыбкой, небольшие, но живые, как огонь, глаза и *беспрестанно меняющиеся* на лице молнии (Гоголь, Сорочинская ярмарка). Как было показано, с детерминантами такого рода личные формы СВ не сочетаются. Причастия и СВ и НСВ одинаково сочетаются с детерминантами определенной и неопределенной кратности: *раз избитый, он...*; *дважды осужденный, трижды/часто виденный; неоднократно прощенный; Дважды спасенная* (название статьи в журнале, посв. судьбе Дрезденской галереи); в тексте: *Обиженный раз* ею через меру, Алексей, любивший выражаться красноречиво, сказал ей... (Герцен, Былое и думы); [Анна Поликарповна] вынимает из сундука Дунаевы шаровары, *ни разу не надеванные*, ... вешает их на плечо Гавриле Петровичу (Неверов, Повесть о бабах) и т. д.

Причастия настоящего времени, действительные и страдательные, сочетаются исключительно с детерминантами второй группы, причем, по нашим наблюдениям, в таких сочетаниях они встречаются чаще, чем причастия рассмотренных перед этим разрядов. Ср.: В густом облаке пыли, на вороных, замундштученных, *изредка пофыркивающих* конях, топя двигались гусары (Голстой, Два гусара); Нельзя ничего себе представить больше противоположного *вечно движущемуся*, сангвиническому Сенатору, *иногда заезжавшему* домой, как моего отца, почти никогда не выходявшего со двора... (Герцен, Былое и думы); Простодушный разврат прочих вертится около... ссор, *иногда доходящих* до драк... (оттуда же); ... Сама пристыжная бежала так же, только по впадому, *часто поднимающемуся* и *опускающемуся* животу и

отвисшим ушам видно было, как она устала (Толстой, Метель); Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате (Он же, Севастополь в мае); Поднявшись на гору... он вошел в улицу разбитых маленьких домиков, беспрестанно освещаемых бомбами (Он же, Севастополь в августе); ... Ну вот и село, и дом священника, где он сиживал... вечно в поту, всегда что-нибудь прикусывавший и постоянно одержимый икотой (Герцен, Былое и думы) и т. д. и т. п.

Результаты проведенного анализа суммируем в таблице, учитывая, естественно, только наиболее существенное из сказанного выше:

Тесты	лич. форма наст. врем.	прич. наст. врем. на -щий	лич. форма прош. врем. НСВ	прич. прош. врем. НСВ дейст.	лич. форма прош. врем. СВ	прич. прош. врем. СВ дейст.	прич. на -мый	прич. стр. СВ	прич. стр. прош. врем. НСВ
всегда, часто, постоянно и под.	+	+	+	+	-	-	+	+	(+)
один раз, несколько раз и под.	-	-	+	+	+	+	-	+	+

Возвращаясь теперь к исходным теоретическим моментам настоящей работы, отметим следующее. Видовое соотношение в области причастных форм осуществляется как бы в двух плоскостях и на двух уровнях абстракции. Каждому уровню соответствует соотношение разнозалоговых форм: «верхний» уровень абстракции — *написанный* (СВ): *писавший* (НСВ); «нижний» — *писанный* (НСВ): *написавший* (СВ). В плане морфологически-соотносительном коррелируют формы разных уровней абстракции, причем, как следует из предыдущего, отношение действительных причастий повторяет отношение параллельных им личных форм. Отношение же страдательных причастий по степени абстракции стоит выше отношения личных форм. Видимо, этим, а также своеобразной «перевернутостью» данного отношения объясняется отмечаемая В. В. Виноградовым «тенденция к окачествлению» причастных форм данного рода. Разумеется, следует учитывать и другие, в частности, функциональные условия реализации данной тенденции. Определенные выше видовые отношения причастных форм можно также передать с помощью таблицы:

СВ написанный	НСВ писавший
НСВ писанный	СВ написавший

Что касается действительных и страдательных причастий настоящего времени, то они, как видно, не вписываются в данное соотношение, так как, по-видимому, выступают в качестве форм-репрезентантов НСВ как среднего члена, стоящего выше того уровня абстракции, на котором осуществляется видовое противопоставление. Как и в случае личных форм, их «реальное» употребление имеет, вероятно, не соотносительно-видовой, а временной и залоговый характер. Данные грамматические признаки, однако, выявлены, так сказать, «периферийно», ибо в данном случае, как нам кажется, в большей степени актуализируется лексическое значение, соответствующий способ действия. Последнее вполне согласуется с данной выше видовой характеристикой форм данного рода и соответствующих личных форм.

Можно отметить, что полученные в ходе анализа выводы во многом совпадают с заключениями, выведенными из непосредственных наблюдений. Ср., в частности, со сказанным выше характеристикой, которую дает В. В. Виноградов форме настоящего времени: «... Форма *делаю*, собственно, обозначает независимую от ограничений вида и времени данность действия, его свойственность лицу или предмету, его сочетаемость с субъектом»¹⁴. И далее: «Совпадение действия с моментом речи — лишь разновидность, оттенок этого общего значения, возникающий при ограничении временной перспективы действия» (там же, с. 450). Все это дает некоторые основания считать избранные аспекты анализа продуктивными и весьма перспективными в плане дальнейшего изучения отношений между глагольными формами.

Это, однако, не отменяет того, что полученные здесь выводы должны проверяться в иных условиях, с точки зрения иных закономерностей функционирования причастных форм. Но это — задачи новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: П. С. Кузнецов. О принципах изучения грамматики. Изд-во МГУ, с. 15; В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, с. 91; М. А. Шелякин. Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке. АДД, Л., 1972, с. 43; Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — Вопросы грамматики болгарского литературного языка.

М., 1959, с. 311; А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971, с. 10 и сл. и др.

2. См.: Р. К. Кавецкая. Категория вида в действительных причастиях. «Труды Воронежского ун-та», т. 38. Сб. работ ист.-филол. фак-та, Воронеж, 1955; она же. К выражению залоговых значений причастиями современного русского языка. «Труды Воронежского ун-та», т. 52, вып. 3, 1955; Т. А. Иванова. Употребление причастий в ранних произведениях Н. М. Карамзина. Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. I. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1949 и нек. др.

3. По вопросу об истории изучения причастий см.: Л. О. Полякова. До історії вивчення діприкметника. «Вісник Харківського ун-ту, № 64, філологія, вып. 6, с. 36—45.

4. См.: М. А. Шелякин. Основные проблемы современной русской аспектологии. Сб. «Вопросы русской аспектологии», Воронеж, 1975, с. 22—23; его же. Аспектуальное употребление глаголов сообщения в русском языке (К проблеме сининимии видов). ФН, 1976, № 3, с. 56—57.

5. А. Х. Востоков. Русская грамматика по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложения. СПб, 1851, § 61.

6. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. IV. Изд-во АН СССР, М.-Л., 1941, с. 14.

7. Там же, с. 77. Примечание. В целях экономии места мы сокращаем и потому необходимо упрощаем движение мысли А. А. Потебни.

8. Там же.

9. Там же, с. 79.

10. Там же, с. 14.

11. Об изучении вида и других категорий причастия (заметки о состоянии и перспективах), см. **настоящий сборник**.

12. Как следует из сказанного, в данном случае мы отвлекаемся от ремарочного и прочих видов переносного употребления форм настоящего времени, связанных с видоизменением модального плана контекста.

13. Ср.: А. А. Потебня, указ. соч., с. 77; о возможности рассматривать категорию времени независимо от категории вида см.: И. К. Бунин. История глагольных времен в болгарском языке. М., «Наука», 1970, с. 10 и сл.

14. В. В. Виноградов. Русский язык. 2-е изд., М., 1972, с. 449.

К ВОПРОСУ О ПОВТОРЯЕМОСТИ ДЕЙСТВИЯ И ГЛАГОЛЬНОМ ВИДЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г. И. Панова

При анализе средств выражения повторяемости необходимо исходить из признания двух уровней выражения этого значения¹. С одной стороны, это уровень системы (лексической, морфологической, словообразовательной и др.), в которую входит данный языковой элемент с присущим ему значением повторяемости. С другой стороны, это уровень функционирования языковых элементов, где они взаимодействуют друг с другом, и значение повторяемости возникает уже в результате этого взаимодействия. Каждый из этих элементов сам по себе не обладает значением повторяемости, т. е. на уровне системы имеет другое назначение.

Именно неразграничением двух этих уровней обусловлены те неточности в анализе способов выражения повторяемости, которые встречаются в некоторых работах.

Во-первых, выражение значения повторяемости необоснованно приписывается одному элементу языка, т. е. уровню системы, в тех случаях, когда в действительности это значение имеет комплексное выражение, т. е. порождается взаимодействием различных элементов на функциональном уровне.

Нельзя, например, согласиться с тем, что союзы *когда*, *как только*, *как скоро*, *едва* и под. являются синтаксическим средством выражения повторяемости. И в предложениях типа *Едва вставало солнце, насыпавшийся за ночь снег все же ставал* (А. Иванов. Тени)² значение повторяемости передает не сам по себе союз, а сочетание, взаимодействие этого союза (синтаксической конструкции с этим союзом) с глагольными формами несовершенного вида. Здесь представлено не синтаксическое сред-

¹ См., например, о разных уровнях, учитывающихся при классификации морфологических категорий, в кн.: Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976, с. 46.

² Л. М. Рошин а. Способы выражения повторяемости действия в современном русском литературном языке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ташкент, 1977, с. 14—15.

ство выражения повторяемости, а сочетание морфологических и синтаксических элементов, и именно все это сочетание в целом следует считать средством выражения повторяемости.

Нельзя видеть только морфологическое средство выражения повторяемости (несов. вид) в предложениях типа *Потом наступала ночь*³. На уровне видовой парадигматики несов. вид нейтрален по отношению к значению повторяемости — единичности. Следовательно, в таких предложениях значение повторяемости выражается не самим по себе несов. видом, а сочетанием несов. вида глагола с определенными элементами контекста, в данном случае с наречием *потом*, обозначающим следование за другим действием. Однако взаимодействие этих элементов тоже не является самостоятельным средством выражения повторяемости. В передаче этого значения принимают участие не только несов. вид глагола с наречием указанного типа, но и лексическое значение (включая способ действия) глагола. Ср.: *Потом звуки стихали, Потом накатывала волна* (значение повторяемости); *Потом она занималась, Потом мы рассказывали всяческие истории* (в зависимости от более широкого контекста возможно выражение как единичного, так и повторяющегося действия). Таким образом, значение повторяемости возникает в результате взаимодействия нескольких языковых элементов.

Во-вторых, иногда выражение повторяемости необоснованно приписывается взаимодействию разных языковых элементов, когда в действительности это значение самостоятельно передается одним средством, т. е. на уровне системы. Например, в предложениях со словосочетаниями типа *часто (редко, иногда) приходит* способ выражения значения повторяемости в указанной работе Л. М. Рощиной квалифицируется как лексико-синтаксический, где это значение передается «с помощью сочетания глагольной формы с различными лексическими показателями» (с. 10). Однако здесь значение повторяемости заключено в лексической семантике наречий, что отражается в их словарных дефинициях. Участие несов. вида глагола в выражении повторяемости заключается в его нейтральном отношении к этому значению, в способности сочетаться с наречиями повторяемости.

Итак, при анализе средств выражения повторяемости необходимо различать разные типы взаимодействия языковых элементов: 1) взаимодействие, которое порождает значение повторяемости (например, несов. вид глагола и конструкция сложноподчиненного предложения с союзом *едва*); 2) взаимодействие, в результате которого уточняется и конкретизируется семантика взаимодействующих элементов; из них по крайней мере один выражает значение повторяемости на уровне системы. Пример

³ Л. М. Рощина. Указ. работа, с. 16.

такого взаимодействия и представляет собой сочетание наречий повторяемости и глаголов несов. вида.

Неточности в определении средств выражения повторяемости в указанной работе Л. М. Рожиной связаны с преуменьшением или преувеличением роли вида в передаче этого значения. Если в первом случае несов. вид вообще не учитывается, а способность выражать повторяемость действий приписывается только союзу, то во втором (*Потом наступала ночь*) несов. вид считается самостоятельным средством выражения повторяемости. Преувеличивается роль несов. вида глагола и в сочетаниях типа *часто приходит*.

Попробуем теперь точнее определить отношение глагольного вида к выражению значения повторяемости с позиций разграничения двух указанных выше уровней.

В современных аспектологических исследованиях вопрос об отношении несов. и сов. вида к повторяемости — единичности решается так: глаголы несов. вида одинаково способны обозначать как единичное, так и повторяющееся действие и потому свободно сочетаются с наречиями повторяемости; глаголы же сов. вида прежде всего обозначают неповторяющееся действие и сочетаемость с наречиями повторяемости свойственна им в ограниченных пределах. (Имеются в виду и наречия неограниченной повторяемости типа *часто, редко, иногда, порой, временами*; но не показатели количества действий типа *дважды, два раза, много раз*).

Следует обратить особое внимание на отношение к повторяемости глаголов сов. вида. В семантический потенциал сов. вида в русском языке включаются следующие основные признаки: целостность +, процессность —, повторяемость (+) /—, длительность (+) /—⁴.

Тот материал, который дает основание говорить о наличии ограниченной способности у глаголов сов. вида обозначать повторяющиеся действия и сочетаться с наречиями повторяемости, допускает и иную интерпретацию. Можно предположить, что в семантическом потенциале сов. вида заключено отрицательное отношение к признаку повторяемости. Иными словами, отношение сов. вида к признаку повторяемости характеризуется не знаком +/—, а знаком —. Для обоснования этого предположения необходимо определить круг явлений, связанных с повторяемостью.

Повторяемость может охватывать не только данное действие, но и целый комплекс действий. В дальнейшем по отношению как

⁴ См. А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971, с. 11—21. Он же. Значения видов русского глагола. — РЯНШ, 1970, № 1, с. 23—25, где вместо признака локализованности действия во времени представлен признак повторяемости.

к одному действию, так и к комплексу действий мы используем термин «повторяющаяся ситуация».

Довольно распространенными являются случаи, когда повторяющееся действие не составляет самостоятельной ситуации. Оно является только ее компонентом. Ситуацию же составляет соотносительность этого действия с другими. Например: *Он часто скажет что-нибудь, не подумав, а потом жалеет*⁵. Внимание акцентируется здесь не просто на наличии двух действий, а на их соотносительности, связанности друг с другом, на обязательном следовании одного действия за другим. Это и составляет повторяющуюся ситуацию.

Примеры этого рода и дают основание ряду исследователей говорить о наличии ограниченной способности глаголов сов. вида сочетаться с наречиями повторяемости.

Способность к сочетаемости каких-либо глаголов и наречий всегда реализуется на уровне словосочетания. Глаголы же сов. вида, по-видимому, не способны взаимодействовать с наречиями повторяемости на уровне словосочетания. Ср.: *часто скажу, редко приду*. Особенно ярко это проявляется в формах прошедшего времени, ср.: *часто сказал, редко пришел*. Для того, чтобы данные словоформы могли взаимодействовать, необходима структура предложения, чаще всего особая (кратно-соотносительная), где глагол сов. вида обозначает действие, не представляющее собой целой ситуации. (Кстати, в приведенном примере наречие *часто* относится не к глаголу сов. вида, а ко всему комплексу словоформ, обозначающих целую ситуацию: *скажет что-нибудь, не подумав, а потом жалеет*). По-видимому, и на уровне предложения точнее говорить не о сочетании глаголов сов. вида с наречиями повторяемости, а о их совмещении в составе одного предложения. Точно так же в определенных стилистических целях могут совмещаться в предложении и словоформы типа *иду* и *вчера, пропали* и *завтра*, не вступающие в семантическое взаимодействие на уровне словосочетания.

С нашей точки зрения, имеются некоторые основания, позволяющие предполагать, что глаголы сов. вида в своем семантическом потенциале заключают отрицательное отношение к значению повторяемости. Это значение возникает у них на функциональном уровне.

Если значение повторяемости (пусть в ограниченных пределах) входит в семантический потенциал глаголов сов. вида, то как объяснить ту особую экспрессивность в приеме изображения повторяющегося, обычного действия, когда «выделяется один из многих актов повторения как своего рода пример, дающий наглядное представление о других подобных актах»⁶. Ср.: *Иногда*

⁵ Этот и все следующие примеры приводятся из книги А. В. Бондарко «Вид и время...»

⁶ Бондарко А. В. Вид и время..., с. 22.

весной бывает так: налетит буря, погуляет часа два-три и так же неожиданно затихнет, как началась (Тропольский. В камышах). Это так называемое наглядно-примерное значение, свойственное только глаголам сов. вида.

Может ли значение, входящее в семантический потенциал члена грамматической категории, нести с собой элемент образности, изобразительности? Не создается ли здесь стилистический эффект как раз несоответствием между значением повторяемости контекста и отрицательным отношением к этому значению глаголов сов. вида? Фактически об этом же пишет А. В. Бондарко: «Повторяемость действия передается на основе своеобразного сочетания типичности и конкретности. Сами по себе глагольные формы обозначают действия так, как будто они конкретны: представлен один конкретный факт в его целостности. Однако это лишь «фикция конкретности»: контекст говорит о том, что данная ситуация повторяется. Так типичное передается через единичное»⁷. Откуда же может идти значение единичности, если считать, что глагол сов. вида как член видовой парадигмы способен обозначать повторяющееся действие? По-видимому, наглядно-примерное значение (а оно всегда сопровождает глаголы сов. вида при обозначении повторяющегося действия) связано именно с отрицательным отношением сов. вида к значению повторяемости. Если бы признак повторяемости входил в семантический потенциал сов. вида как положительный, то эти глаголы не смогли бы передавать наглядно-примерное значение.

По сути дела, сам факт выделения наглядно-примерного значения ведет к признанию отрицательного отношения сов. вида к признаку повторяемости.

Приписывая глаголам сов. вида отрицательное отношение к повторяемости, необходимо объяснить их способность обозначать повторяющиеся действия в определенных условиях контекста. Вполне вероятно, что эта способность обусловлена видовой транспозицией глагола сов. вида по признаку повторяемости. Форма сов. вида в своем семантическом потенциале включает отрицательное отношение к неограниченной повторяемости действия, тогда как контекст выражает значение неограниченной повторяемости. Значение контекста вступает в противоречие с одним из признаков в семантическом потенциале данной формы. Точно так же подвергаются транспозиции формы лица, наклонения, времени. Все основные особенности, отмеченные А. В. Бондарко для временных форм⁸, обнаруживаются и у глаголов сов. вида при обозначении повторяющихся действий:

⁷ Там же, с. 22.

⁸ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967, с. 108—110.

1. Значение грамматической формы расходится со значением контекста. — Значение сов. вида исключает повторяемость, а контекст выражает это значение.

2. При переносном употреблении сохраняется грамматическое значение формы. — Отрицательное отношение к повторяемости у форм сов. вида проявляется в наглядно-примерном значении.

3. Выступая в переносном употреблении, грамматическая форма оказывается в тех условиях контекста, где обычно функционирует другая форма в своем прямом значении. Между ними устанавливаются отношения синонимии. — По-видимому, любой глагол сов. вида, обозначающий повторяющееся действие, может быть заменен глаголом несов. вида, но при этом устраняются все дополнительные оттенки значения.

4. Многочисленные случаи переносного употребления грамматической формы характеризуются особой экспрессивностью и эмоциональностью. — Практически, все формы сов. вида, обозначающие повторяющиеся действия, сопровождается элементом образности.

Эти особенности, проявляющиеся у глаголов сов. вида при обозначении повторяющихся действий, дают основание предполагать в этих случаях видовую транспозицию форм сов. вида по признаку повторяемости.

Синтаксические условия, в которых глаголы сов. вида способны обозначать повторяющееся действие, в абсолютном большинстве случаев довольно специфичны. Это конструкции, передающие соотносительность действия, обозначенного глаголом сов. вида, с другим действием или с каким-либо общим фоном, на котором осуществляется повторяемость действия. Такими конструкциями являются разновидности кратно-соотносительного видового контекста, описанные в книге А. В. Бондарко «Вид и время русского глагола»⁹: 1) кратно-парные конструкции (*В кабале мы у него, матушка! Как лето придет, он нас и забирает* (Эртель. Записки Степняка); 2) кратно-цепные (*Наденет клипсы, заберется с ногами на диван, посадит этого Рекса на колени и скармливает ему конфеты* (Антонов. Аленка). В подобных примерах повторяющуюся ситуацию составляет соотносительность действий, каждое из которых является компонентом целой ситуации. Повторяемость таких ситуаций может передаваться и при употреблении форм прошедшего времени. Например: *Из осоки вью пугы... Свил сегодня, а через три дня оно порвалось* (Тропольский. Записки агронома)¹⁰.

Близки к кратно-парным конструкциям предложения типа: *Он*

⁹ См.: А. В. Бондарко. Вид и время..., с. 197—214.

¹⁰ См. анализ форм прошедшего времени сов. вида в контексте абстрактного настоящего в кн.: А. В. Бондарко. Вид и время..., с. 134—141.

все-таки ничего... Только так иногда брыкнется... вроде как насчет твоего паспорта (Горький. На дне). Повторяющееся действие здесь тоже является только компонентом целой ситуации, куда входит еще и фон (*Он все-таки ничего*), на котором повторяется действие. Без обозначения фона высказывание (*Только так иногда брыкнется... вроде как насчет твоего паспорта*) воспринимается как недостаточное. Если в кратнo-парных конструкциях речь идет о повторяемости всей ситуации, то здесь только о повторяемости одного ее компонента — действия, связанного с единым общим фоном.

Указанную ограниченность синтаксических условий можно трактовать как условия транспозиции форм сов. вида по признаку повторяемости.

С этих позиций состав основных признаков семантического потенциала сов. вида может быть представлен так: целостность +, процессность —, повторяемость —, длительность (+)/—.

О СУЩНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕННОЙ СООТНОСИТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю. А. Поташкина

Проблема выражения в русском языке временной соотносительности действий относится, на наш взгляд, к числу вопросов, заслуживающих серьезного внимания. Выражение временной соотносительности действий — это форма языковой интерпретации восприятия одного из важнейших аспектов временной характеристики целого комплекса действий — хронологической одновременности или последовательности действий этого комплекса. Например: Шел я мимо и заглянул в окно; Бэла сидела на лежанке, повесив голову на грудь, Григорий Александрович стоял перед нею (Лермонтов, Герой нашего времени) — выделенные глаголы называют действия, образующие комплекс с отношениями одновременности. «Жан!» — вскрикнула женщина, бросилась к Шамету, обняла его за шею и заплакала (Паустовский, Золотая роза) — выделенные глаголы обозначают действия комплекса с последовательной временной структурой.

Комплекс действий представляет собой то или иное событие как систему, элементами которой и являются действия данного комплекса.

Категория «событие», не так давно получившая право на собственное место в системе категорий диалектического материализма [28/64—67], характеризует «определенное выражение движения, проявление активности... это «как бы «ячейка», квант (порция)» движения [2/20]. «Категория события... выражает глубокое внутреннее единство вещи и процесса (событие означает, что что-то происходит с чем-то в определенном месте и в определенное время)» [28/69]. В зависимости от условий и потребностей практически-познавательной деятельности событие может восприниматься и обозначаться средствами языка либо как нечто целое, нерасчлененное, монолитное, несистемное, либо как система ярко дифференцированных взаимосвязанных действий, един-

ство которой, как единство всякой системы, определяется подчинением функций отдельных элементов задаче функционирования всей системы в целом.

Вот, например, как подробно описывает А. Куприн детали, элементы одного события — гимнастического упражнения на брусках, которое выполнил один из героев его повести «Поединок»: «Став руками на их концы, он (Лбов) в три приема раскачался, и вдруг, описав всем телом полный круг, ... он с силой оттолкнулся от брусков, пролетел упругой дугой на полторы сажени вперед, перевернулся в воздухе и ловко, по-кошачьи, присел на землю» (ср.: Лбов ловко, стремительно и точно выполнил упражнение на брусках). А вот еще в деталях описанное событие — танец княжны Тамары из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»: «И вот она одной рукой, Кружа его (бубен) над головой, То вдруг помчится легче птицы, То остановится, глядит — И влажный взор ее блеснит Из-под завистливой ресницы, То черной бровью поведет, То вдруг наклонится немножко, И по ковру скользит, плывет ее божественная ножка; И улыбается она веселья детского полна», — сама сложная структура этого события, представленная системой действий, стала объектом пристального внимания и описания (ср.: Грациозно и пленительно протанцевала свой танец юная невеста). Таким образом, при информации о событии средствами языка могут быть использованы как один глагол, называющий как нечто целое, нерасчлененное — глагол в такой функции обозначает, если можно так выразиться, действие в широком смысле слова (см. выше примеры, данные в скобках для сравнения), так и несколько глаголов, называющих отдельные элементы структуры одного какого-то события, — действия в узком смысле слова (см. выделенные глаголы в примерах из А. Куприна и М. Лермонтова).

Будет ли обнаружено за цепью, на первый взгляд, разрозненных действий (особенно, если действия эти принадлежат разным, не связанным между собой, на первый взгляд, вещам — в широком смысле слова) целостное событие со сложной внутренней организацией, представляющее движение во времени какой-то одной вещи, зависит во многом от того, насколько информирован, подготовлен наблюдатель в той области, к которой принадлежит данное событие. И там, где специалист увидит глубокую взаимосвязь фактов, нечто целое и более существенное, что стоит за ними, там дилетант или новичок отметит лишь разрозненные явления, как говорится, потеряется в подробностях [см. 8/117—118].

Но даже при самом глубоком понимании сути происходящих событий, при самом тонком проникновении во все детали их внутренней организации информация, данная об одном и том же со-

бытии разными наблюдателями. и даже одним и тем же наблюдателем в разное время, может существенным образом отличаться. Это зависит от коммуникативных намерений, от целей говорящего, от того, желает ли он лишь кратко сообщить о событии или описать, изобразить его, что, в свою очередь, находится в зависимости и от условий общения, и от характера аудитории, и от ряда других обстоятельств. Причем первоначальная цель может измениться в самом процессе порождения высказывания о том или ином событии, поскольку в речевой деятельности, как и во всякой деятельности вообще, «в ходе достижения выделившейся общей цели может происходить выделение промежуточных целей, в результате чего целостное действие дробится на ряд отдельных последовательных действий;... Противоположный процесс состоит в укрупнении структурных единиц деятельности. Это случай, когда объективно достигаемые промежуточные результаты перестают выделяться субъектом, сознаться им в форме целей» [26/17].

Наконец, отдельные действия, осознанные как элементы какого-то одного события, могут представляться автору, описывающему это событие, столь важными, столь велико может оказаться желание остановить на них внимание слушателя (читателя), что они намеренно изображаются порой как отдельные события, и каждому из них посвящается отдельное высказывание, самостоятельное предложение. Сравним, например, описания картины утреннего пробуждения природы как одного и того же события, сделанные тремя великими русскими поэтами: На солнце темный лес зардел, В долине пар белеет тонкий, И песню раннюю запел В лазури жаворонок звонкий (Жуковский, Жаворонок); И вот в туманной вышине Запели птички, и восток Озолотился; ветерок Сырые шевельнул листья; Дохнули сонные цветы, И, как они, навстречу дню я поднял голову мою (Лермонтов, Мцыри); Звезды меркнут и гаснут. В огне облака. Белый пар по лугам расстилается. По зеркальной воде, по кудрям лозняка От зари алый свет разливается. Дремлет чуткий камыш... Потянул ветерок, воду морщит, рябит. Пронеслись утки с шумом и скрылился. Далеко-далеко колокольчик звенит. Рыбаки в шалаше пробудились... (Никитин, Утро). Если В. А. Жуковский, рисуя картину утреннего пробуждения природы, видит ее как целостное событие и перечисляет детали, из которых оно складывается (отделяя их друг от друга на письме запятой) в рамках одного предложения; если М. Ю. Лермонтов, описывая аналогичное событие, различает в нем несколько больше деталей, отмечает и более тесную связь между некоторыми из них, выражая наличие такой связи тем, что отделяет эти, более тесно связанные, детали от других точкой с запятой, и в то же время объединяет все детали без исключения в одном предложении, подчеркивая тем самым целостность изображаемого события; то И. С. Никитин, посвя-

тивший описанию летнего утра целое стихотворение, сознательно остана вливает наше внимание на каждой из многочисленных деталей создаваемой их картины этого явления, заставляет всматриваться и вслушиваться, изображает каждую почти деталь как отдельное событие и потому называет каждое из таких событий в самостоятельном предложении.

В таких взаимопереходах, взаимопревращениях находит выражение тонкая диалектическая взаимосвязь, существующая между категориями «событие» и «действие».

Исходя из изложенного понимания отношений между этими категориями, можно считать, что категория временной соотносительности действий, выражая хронологические отношения одновременности или последовательности между действиями, выражает тем самым внутреннюю временную структуру того или иного события. Таким образом, рассматриваемая категория отличается от категорий абсолютного и относительного времени прежде всего тем, что если все три временные характеристики, принадлежащие этим категориям: и экзистенциальная, временным ориентиром которой является собственное бытие субъекта речи во времени (бытие, представителем которого в языке является момент речи), и окказиональная, выражающая отношение определенного события к положению во времени другого события, помимо момента речи (мысли или восприятия), и календарная, временной ориентир которой — событие раз и навсегда данное, ставшее основой того или иного календаря, — это внешние характеристики событий, определяющие их положение на оси объективного времени относительно других событий, то временная соотносительность действий есть именно внутренняя временная характеристика того или иного события, определяющая положение действий, составляющих это событие, друг относительно друга на том участке временной оси, который принадлежит только данному событию. Иначе говоря, категория временной соотносительности действий представляет собой временную характеристику иного уровня, нежели экзистенциальная, окказиональная и календарная характеристики, определяющие положение во времени всего события в целом.

Временная соотносительность действий так же, как все временные характеристики вообще, является характеристикой относительной, так как положение того или иного действия во внутренней временной структуре события характеризуется через отношение его к другому действию (того же события), выступающему в роли временного ориентира. Но временной ориентир данной относительной характеристики, который, как это и положено всякому временному ориентиру, обуславливает ее неповторимый облик, ее собственное отличие от каких бы то ни было других временных характеристик, замечателен тем, что им

может быть любое из действий данного комплекса — определенного события, — а вернее, поскольку временная соотносительность характеризует действия друг относительно друга, действия эти, будучи элементами системы одного и того же события, оказываются взаимными временными ориентирами друг для друга (что совершенно невозможно для отношений между ориентиром и событием, временное положение которого через этот ориентир определяется при любой из названных выше временных характеристик событий). Например: Командующий армией генерал-лейтенант Батюк сидел у себя на командном пункте, пил чай и, поджидая Серпилина, колебался, как с ним разговаривать (Симонов, Солдатами не рождаются) — выражается одновременность действий друг относительно друга; Наконец он подошел, сел рядом, обнял ее за плечи и вдруг, взглянув в глаза, отшатнулся и вскочил (Симонов, Солдатами не рождаются) — выражается последовательность действий друг относительно друга. Вот почему, на наш взгляд, термин «временная соотносительность действий» наиболее оптимальным образом отражает специфику обозначаемой им временной характеристики.

Отношения одновременности, предшествования или следования, которые выражаются любой из временных характеристик событий, совершенно не похожи на соответствующие отношения, имеющие место при выражении временной соотносительности действий и определяющие характер временной структуры того или иного события. И это естественно. Ведь если в первом случае отношения эти устанавливаются между элементами, никак между собой не связанными (помимо связей временных), логически неоднородными, неравноправными, так как один из элементов — событие, сообщение о котором является коммуникативной целью порождаемого предложения, а другой — лишь временной ориентир, удобный по тем или иным причинам для определения локализации этого события на оси объективного времени, то во втором случае отношения одновременности или последовательности устанавливаются между элементами единой системы — события как целостного комплекса действий, — и потому элементы эти связаны необходимыми и глубокими внутренними связями, без которых невозможно существование ни одной системы, и являются совершенно однородными, равноправными логически, будучи элементами одного уровня системы.

Таким образом, функционально-семантическая категория временной соотносительности действий в плане содержания имеет глубоко принципиальные и вполне очевидные отличия от функционально-семантических категорий и абсолютного, и относительного времени, несмотря на то, что все они принадлежат одной и той же более широкой функционально-семантиче-

ской категории темпоральности (об этой категории см.: [4/46—47; 7/76—79; 6/8—11 и 35—47]). Обусловлены эти отличия прежде всего тем, что категория временной соотносительности связана с категорией «действие», тогда как категории абсолютного и относительного времени связаны с категорией «событие».

Неразличение категорий «событие» и «действие», несмотря на действительное отсутствие непреодолимой грани между ними благодаря наличию гибкой диалектической взаимосвязи, влечет за собой, на наш взгляд, весьма существенные последствия для понимания механизма функционирования языковой системы. Смещение этих категорий, отразившееся, в частности, и в недифференцированном употреблении в лингвистической литературе соответствующих терминов, не только не позволяет достигнуть единой точки зрения относительно единиц плана выражения функционально-семантической категории временной соотносительности действий и достаточно полно и непротиворечиво описать его, но явилось главной причиной того, что сама категория временной соотносительности действий не была эксплицитно выделена как самостоятельная функционально-семантическая категория, которая является основой противопоставления одновременности и последовательности действий (в отличие от одновременности или последовательности событий).

Провозглашение тезиса о том, что «абсолютное, относительное и соотносительное употребление глаголов нельзя ставить в один ряд» (21, 194), с которым в таком общем виде нельзя не согласиться, также не помогло выделению категории временной соотносительности действий в самостоятельную категорию, поскольку тезис этот был сформулирован в рамках так называемой «теории соотносительности глагольного времени» [19/39; 20/96]. Даже термины, предложенные некоторыми из авторов этой теории, например: «соотносительность» и «соотносительное употребление глаголов» у В. П. Луновой (см.: [19/20; 21], «соотносительная одновременность» и вообще «соотносительное время» у П. М. Криворучко [16/124; 17/124], общеупотребительные термины «соотносительное употребление времен (временных глагольных форм) [15; 16; 17; 19; 20; 21; 9/569; 29/214—215; 30; 14; 26; 10; 12; 25/39—40 и др.] и «видо-временная соотносительность» [1; 11; 33; 34] — и определения, подобные этому: «Под соотносительным употреблением [времен — Ю. П.] мы имеем в виду все случаи выражения хронологической одновременности или разновременности действий, зафиксированных в одном общем для них временном периоде» (30, 218; сходное определение см. также: 10) — отражая поиски закономерностей, управляющих различными сочетаниями глагольных форм, тем не менее несколько не способствовали разграничению категорий «действие» и «событие», но скорее стирали его. И далеко не случайно, что до сих пор «теория эта, как и понятие «соотносительность», не нашли в линг-

вистической литературе достаточно полного освещения» [20/96], и не случайно даже те исследователи, которые выделяют «соотносительное употребление временных глагольных форм», вкладывают в этот термин самое различное содержание [см. 12/40—41].

Дело в том, что с точки зрения «теории соотносительности глагольного времени» одновременность или последовательность — это «определенные синтаксические отношения, которые возникают при соотносительном употреблении одной временной формы (настоящего, прошедшего, будущего времени) к другой [19/39]. Но даже там, где есть сочетание одинаковых временных форм, относящих обозначаемые ими явления к одному временному плану, мы далеко не всегда можем говорить об имеющемся комплексе действий, представляющем одно какое-то событие как систему. Например: Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно снова приехала, зная, что меня встретит? (Лермонтов, Герой нашего времени); Под этот вальс в краю родном Любили мы подруг; Под этот вальс ловили мы Очей любимых свет; Под этот вальс грустили мы, Когда подруги нет (Исаковский, В лесу прифронтовом). Там же, где речь идет о том или ином сочетании различных временных форм, вовсе нет смысла искать значение временной соотносительности действий, поскольку действия (в узком смысле слова), будучи элементами структуры одного события, не могут не относиться все к тому временному плану, в котором локализуется все событие в целом, не могут не быть обозначены все одной и той же временной глагольной формой одинаково характеризующей их с точки зрения существования, как например: Ювелир поднял голову мусорщика, достал из-под серой подушки золотую розу, завернутую в синюю помятую ленту, и не спеша ушел, прикрыв скрипучую дверь (Паустовский, Золотая роза); Я глядела на его глаза, на его движущиеся губы и ничего не понимала, только радовалась, что вижу и слышу его голос (Л. Толстой, Семейное счастье). При сочетании же различных временных форм глагола мы имеем дело с выражением последовательности не действий, а событий, со сменой существования одних событий другими. Например: Ольга тебя любит и с каждым днем будет любить сильнее (Ажаев, Далеко от Москвы); Еще вчера я сделал перевод, сейчас обрабатываю его, потом перепису и отошлю в редакцию — глагольные формы времени, относя обозначенные ими явления к разным временным планам, характеризуют их, таким образом, как неоднородные с точки зрения существования и, следовательно, как действия в широком смысле слова, каждое из которых представляет целостное, нерасчлененное, несистемное событие. Итак, граммы абсолютного времени, будучи связанными с категорией «событие», не имеют отношения к категории

временной соотносительности действий. Возвращаясь к определению Л. Н. Смирнова и целиком соглашаясь с ним в том, что действия «зафиксированные в одном общем для них временном периоде» [30/218], находятся в отношениях одновременности или последовательности, мы хотим подчеркнуть, что либо отношения эти (если речь идет об одновременности или последовательности именно действий в узком смысле слова) никак не могут выражаться тем или иным сочетанием временных глагольных форм, либо в данном определении речь идет вовсе не о действиях, а об одновременности или последовательности событий (причем фиксация событий непременно в одном общем для них временном периоде в этом случае по меньшей мере необязательна). Следовательно, определение Л. Н. Смирнова к выражению временной соотносительности действий непосредственного отношения не имеет.

Некоторые исследователи в рамках «теории соотносительности глагольного времени» рассматривают и так называемое относительное употребление глагольных временных форм в сложных предложениях, структура которых соотносится со структурой сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным. Так, например, В. П. Лунева пишет: «Глагол придаточной части изъяснительной находится в соотносительной связи с глаголом главной части» [19/105]. Сравните также высказывание Г. А. Золотовой, целиком соответствующее ее общему взгляду на категорию глагольного времени в русском языке: «Соотносительное значение — разновидность основного значения времени, опирающееся на противопоставленность признаков одновременности, предшествования и последовательности действия по отношению к точке отсчета, с тем отличием, что за точку отсчета принимается не момент восприятия говорящим, а другое действие. Соотносительное значение времени — элемент структуры определенных типов сложного предложения: Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей теперь легче и что она-де сейчас придет в гостиную (Пушкин, Метель); Я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена (Пушкин, Станционный смотритель) [13/166]. Но так называемое относительное употребление временных форм в придаточных частях предложений, представляющих собой сообщение о сообщении, также не имеет никакого отношения к категории временной соотносительности действий. Во-первых, по-нашему мнению, обоснование которого было предложено в другой статье автора¹, временные формы эти выражают экзистенциальную характеристику (хоть и не совсем обычную) и, следовательно, при-

¹ См.: Поташкина Ю. А. О типах временной локализации событий и категориях абсолютного и относительного времени в русском языке. — В печати.

надлежат категории абсолютного времени (II степени), но граммы абсолютного времени (что мы пытались показать на предыдущих страницах) всегда самым непосредственным образом связаны не с категорией «действие» а с категорией «событие». Во-вторых, названное в главной части событие-ориентир (как это и свойственно всякому временному ориентиру, используемому для внешней временной характеристики событий) не может обменяться своей ролью — ролью временного ориентира — ни с одним из событий, временная локализация которых через него определяется. Следовательно, временные формы в придаточных изъяснительных выражают предшествование, одновременность или следование по отношению именно к временному ориентиру в главной части (зависимость односторонняя), тогда как категория временной соотносительности действий обозначает одновременность либо последовательность действий друг относительно друга. Эта взаимозависимость в отношениях, зависимость двусторонняя, является неотъемлемой чертой категории временной соотносительности действий. Такая взаимозависимость возможна потому, что действия, между которыми устанавливаются подобные отношения, оказываются однородными, равноправными, будучи элементами одного целостного комплекса, одной системы — события. Отсюда вытекает еще один аргумент в пользу того, что так называемое относительное употребление временных форм в сложных предложениях, заключающих сообщение о сообщении, не имеет ничего общего с выражением категории временной соотносительности действий: событие-ориентир в главной части и события, временная локализация которых через отношение к нему определяется, ни в каком случае не могут объединиться в целостном комплексе на правах его равноуровневых элементов, не могут представлять одно целостное событие, поскольку событие-ориентир представляет собой сам акт речи, мысли или восприятия, а события, названные в придаточной части, являются, собственно, содержанием этого акта речи, мысли или восприятия.

Категория временной соотносительности действий в нашем понимании близка к тому, что А. В. Бондарко называет «дополнительной относительной ориентацией» при абсолютном употреблении временных форм [см.: 7/111; 5/113—114]. «Дополнительная относительная ориентация, — пишет А. В. Бондарко, — устанавливается средствами глагольного вида (соотношением видовых значений глагольных форм) в определенных типах предложений при помощи обстоятельных слов, союзов, частиц» [3/42; см.: также 5/114]. Однако представляется, что это справедливо лишь для тех случаев, когда А. В. Бондарко имеет в виду временные отношения между действиями в узком смысле слова, то есть именно то, что мы называем временной соотносительностью

действий. Тогда вполне закономерно наше положение о том, что категория временной соотносительности действий, будучи связанной в формальном плане не с соотносительностью временных глагольных форм, а с соотносительностью именно видовых значений этих форм (что подтверждается и всем имеющимся в нашем распоряжении фактическим материалом), находится вне компетенции так называемой «теории соотносительности глагольного времени». Но А. В. Бондарко говорит о «дополнительной относительной ориентации» и в тех случаях, когда рассматривает временные отношения между отдельными событиями. Так, приведя примеры: Там, где теперь вперегонки рвались кверху зелеными конусами молодые деревца, тогда кудрявились кусты по колено человеку... (Федин, Костер); Теперь Егорушка все принимал за чистую монету и верил каждому слову, впоследствии же ему казалось странным, что человек, изъездивший на своем веку всю Россию, видевший и знавший многое... так обесценивал свою богатую жизнь... (Чехов, Степь), — он отмечает, что в них «передается дополнительная относительная ориентация, которая заключается в противопоставлении и сопоставлении более ранних и более поздних событий. Эта дополнительная временная ориентация выражается в приведенных примерах противопоставлением обстоятельств в разных частях сложного предложения (теперь-тогда; теперь-впоследствии)» [5/114—115]. Следовательно, «дополнительная относительная ориентация» — термин не вполне адекватный в содержательном плане нашему термину «временная соотносительность действий», который предполагает разграничение категорий «действие» и «событие».

Чисто формальное функционирование термина «дополнительная относительная ориентация» в качестве эквивалента термина «временная соотносительность действий» также не представляется достаточно целесообразным. Дело в том, что термин «дополнительная относительная ориентация» родился как противопоставление термину «основная относительная ориентация». Под «основной относительной ориентацией» А. В. Бондарко подразумевает выражение относительного времени (то есть выражение одновременности, предшествования или следования какому-либо моменту, помимо момента речи), осуществляемое «самой глагольной формой времени, представляя собой проявление ее грамматического значения...» [5/113]. «Основную относительную ориентацию» А. В. Бондарко считает принадлежностью только одного типа сложных предложений — сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными (то есть речь идет именно об относительном употреблении временных глагольных форм в придаточных изъяснительных). Выражение же аналогичных, по А. В. Бондарко, отношений, но осуществляемое средствами глагольного вида (а не

времени) и встречающееся и в других синтаксических типах предложений, он предлагает называть «дополнительной относительной ориентацией». Но мы не видим относительного употребления временных форм в придаточных изъяснительных и считаем, что одновременность (предшествование или следование) того или иного события по отношению к определенному временному ориентиру не тождественна той одновременности (предшествованию или следованию), которая устанавливается между однородными, равноправными действиями, составляющими одно какое-то событие. Поэтому для нас слова «дополнительная» и «относительная» оказываются лишеными достаточно обоснованных прав на вхождение в состав термина, который мог бы быть полноценным эквивалентом термина «временная соотносительность действий».

Таким образом, ближе всех подойдя к выделению категории временной соотносительности действий, указав даже основное грамматическое средство выражения этой категории в русском языке — глагольный вид, и прорвав тем самым кольцо теории соотносительности глагольного времени, А. В. Бондарко тем не менее так и не вырвался за его пределы полностью, что не позволило ему сделать, на наш взгляд, неразличение категорий «действие» и «событие».

Термин А. В. Бондарко «дополнительная относительная ориентация», как кажется, мог бы быть использован для отграничения категории временной соотносительности действий от еще одного явления, которое также скрывается под сенью «теории соотносительности глагольного времени» — от расположения событий относительно друг друга на оси объективного времени в рамках законченного произведения вне зависимости от его стиля и жанра.

«Поскольку прерывность и непрерывность органически взаимосвязаны, процесс может быть представлен как цепь событий» [2/20]. Следовательно, то или иное законченное произведение, повествующее, как правило, о целой системе взаимосвязанных событий, можно рассматривать как большой и сложный макропроцесс. Но «физические события, относящиеся к любому макропроцессу, могут быть таким образом пронумерованы, что эти номера укладываются в единую линейную последовательность» [23, 41]. И, таким образом, реальные временные отношения, существующие между событиями, составляющими основную сюжетную канву того или иного произведения, и обуславливают возможность выражения этих отношений.

Говоря о расположении событий на оси объективного времени, надо иметь в виду, что отношения одновременности или последовательности могут устанавливаться, во-первых, между событиями, принадлежащими одному событийному ряду, например: На фронте дядя Ваня несколько раз был ранен — под Моск-

вой в 1941 году осколком снаряда ему перебило ребра и обе ноги. Под Сталинградом контузило. Теперь у дяди Вани открылись старые раны и язва желудка (Бойко, После казни), во-вторых, между событиями, относящимися к разным событийным рядам, например: В ту пору, как шло медленное сосредоточение австрийских войск, вступивших на территории Баварии, а из России подтягивалась армия, возглавляемая Кутузовым, Бонапарт стремительным маршем шел навстречу врагу (Манфред, Наполеон Бонапарт). Понятие «событийный ряд» связано с представлением о существовании во времени какого-то конкретного, определенного предмета (в широком смысле слова). Существовая, «каждый предмет в отдельности, отличаясь от других, имеет свой собственный последовательный ряд состояний» [27/18], который является проявлением его движения во времени как формы существования «существовать — это значит находиться в движении» [2/14]. — Следует подчеркнуть, что речь в данном случае идет о движении относительно, то есть об изменении системы отношений данной вещи (данного субъекта) к другим вещам (другим субъектам), причем изменение отношений не связано с внутренними изменениями самой вещи (субстрата) сохраняет тождество вещи (субстрата) с собою во всех внутренних отношениях. Изменяется только внешняя система отношений» [28/71—72]. Но отдельные вещи (предметы в широком смысле слова), по отношению к которым происходит изменение системы отношений того или иного предмета, бывают связаны между собой принадлежностью их к одной и той же сфере деятельности рассматриваемого предмета, и тогда невольно связываются между собой и все изменения отношений данного предмета к этим вещам. В этом случае мы говорим о нескольких рядах последовательных состояний данного предмета или о нескольких различных событийных рядах одного и того же предмета. Очень хорошо об этом сказал П. Фресс: «В действительности мы живем одновременно в разных рядах последовательных событий, каждый из которых характеризуется своим порядком следования событий и своими интервалами между ними. Попробуем — согласно тонкому замечанию Пиаже — представить себе, во-первых, цепь событий нашей семейной жизни с ее браками, рождениями, кончинами близких, во-вторых, цепь событий нашей профессиональной карьеры, в-третьих, цепь политических событий данного отрезка истории. В каждом из этих рядов мы можем без труда восстановить порядок событий, т. е. последовательность их; наоборот, только путем умозаключений, прибегая к интеллектуальным конструкциям, мы можем согласовать друг с другом порядки следования событий в разных рядах, учитывая при этом длительности интервалов между событиями» [32—53].

Итак, временные отношения могут быть установлены не только между действиями, но и между событиями, принадлежащими как одному, так и нескольким событийным рядам, в рамках не только предложения, сложного синтаксического целого, но и всего повествования, всего произведения в целом, будь то четверостишие или роман-эпопея, газетный очерк или историческая монография. В изучение именно этих отношений и внесла, на наш взгляд, наибольший вклад «теория соотносительности глагольного времени», которая изучает «взаимозависимость глагольных форм времени и вида, обуславливающую реализацию временных отношений в контексте» [21, 194 и 214]. В своей кандидатской диссертации В. П. Лунева пишет: «В результате соотносительного употребления глагольных форм и времени в сложном синтаксическом целом... устанавливаются временные отношения последовательности, одновременности, предшествования и некоторые комбинации данных отношений» [19/51]. Один из исследователей функционирования форм глагольного времени в художественном тексте также считает, что «чередование времен вызвано движением в действии рассказа, все подчинено ему. ... Благодаря этому расширяются наши познания о действии, о сюжете. Изображение становится объемным. Одно действие выдвигается на первый план, второе где-то в глубине от нашего взгляда, третье — где-то посередине» [22/496]. Совершенно ясно, что во всех приведенных цитатах речь идет о временном расположении именно событий, действий в широком смысле слова, поскольку (о чем мы уже говорили выше) временные формы русского глагола, выражая экзистенциальную характеристику, неразрывно связаны с категорией «событие».

Расположение событий на оси объективного времени выражается не только тем или иным сочетанием временных глагольных форм, но также с помощью других средств языка. Рассмотрим примеры: В 1929 году по состоянию здоровья Кузьменко вынужден был оставить службу в конном дивизионе окружной милиции, был направлен на работу в Киев на 6-ой кожевенный завод имени Фрунзе, где в 1930 году вступил в ряды ВКП(б).

С 1930 по 1941 год товарищ Кузьменко работал там, куда посылала его партия: ...

Великая Отечественная война застала товарища Кузьменко в селе Иванки Бориспольского района, где он был председателем колхоза. Там же, под Борисполем, 28 сентября 1941 года, принимая участие в оборонительных боях, Кузьменко был контужен и попал в плен (Бойко, После казни). Последовательность событий биографии героя (событий одного событийного ряда) выражена с помощью средств календарной характеристики и такого ориентира, как Великая Отечественная

война, временная локализация которого общеизвестна. «Сын помора Архангельской губернии Михайло Ломоносов в девятнадцать лет покинул родной край, чтобы пешком добраться до далекой Москвы. ... гениальный самоучка в тридцать четыре года стал членом Российской Академии, а затем членом Шведской академии и почетным членом Болонской академии» (Манфред, Наполеон Бонапарт). Здесь временное следование событий этой судьбы выражено прямым указанием на возраст, в котором это событие происходило. «Сын ремесленника-ножовщика из старинного городишка Лангра... в 1746 году опубликовал книжку, озаглавленную «Философские мысли». Постановлением парижского парламента от 7 июля того же года книга была осуждена на сожжение. Тремя годами позже, вслед за выходом в свет анонимно изданной книги «Письмо слепых в назидание зрячим», автор сочинения, назвавшийся Дени Дидро, был по распоряжению властей арестован и заключен в Венсенский замок.

Прошло несколько лет, и бывший венсенский узник стал прославленным литератором и философом.

В июле-августе 1762 года императрица Екатерина II, едва лишь вступив в результате дворцового переворота на престол, через князя Д. А. Голицына и И. И. Шувалова пригласила редактора знаменитой «Энциклопедии» приехать в Россию» (Манфред, Наполеон Бонапарт). В этом отрывке мы уже сталкиваемся с уложенными в единую линейную последовательность событиями, связанными непосредственно с личностью Дидро и принадлежащими потому одному событийному ряду, и событиями, имеющими к этому ряду лишь опосредованное отношение: сожжение книги, им написанной, приглашение императрицы Екатерины II. Место каждого из событий в этой единой последовательности выражено совершенно четко и одними лексическими средствами. «Бонапарт возвратился в Париж 26 января 1806 года. Незадолго перед этим австрийский император утвердил Прессбургский мир...» (Манфред, Наполеон Бонапарт) — временные отношения устанавливаются между событиями, принадлежащими совершенно разным событийным рядам.

Во всех приведенных примерах взаимное расположение событий во времени выражается вовсе не с помощью временных глагольных форм, которые, давая всем обозначенным ими событиям одну и ту же экзистенциальную характеристику, относят эти события к одному общему для них временному плану — плану прошедшего, без дальнейшей детализации временных отношений между событиями. Восприятие подобных отношений связано с определенными трудностями, особенно если требуется установить отношения между событиями, принадлежащими разным событийным рядам. Поэтому проникновение во временную струк-

туру такого макропроцесса, каким является система событий того или иного целостного речевого произведения, требует учета, сравнения, сопоставления имеющихся временных характеристик событий, всех лексических временных показателей, типа ЗАТЕМ, ПОТОМУ, ПЕРЕД ЭТИМ, ПЕРЕД ТЕМ КАК, ПОСЛЕ ТОГО, 3 ГОДА СПУСТЯ, 15 ЛЕТ НАЗАД, В ТОТ ГОД и т. п., конкретизирующих положение того или иного события во временной структуре всей системы событий в целом. Это именно тот случай, когда «в восприятие времени включаются элементы суждения и умозаключения, которые приближают рассматриваемый процесс к развернутому мышлению» [35/165].

В приведенных выше примерах выражение временных отношений между событиями осуществляется с помощью именно лексических средств языка, что дает основания видеть в этих средствах основные (наряду с сочетанием временных глагольных форм) средства выражения временных отношений между событиями. Вывод этот опирается и на мнение многих исследователей, изучавших данный вопрос. Но если, например, В. П. Лунева пишет: Главная роль в выражении этих отношений последовательности и одновременности событий принадлежит соотносительности глагольных форм по 'их видо-временному значению. Вместе с тем лексические и грамматические средства языка (лексическое значение глагола, наречия времени, союзы, порядок следования компонентов и т. д.) помогают наиболее четко определить эти отношения» [19/102 и 218], то В. К. Котельников специально подчеркивает, что роли лексических средств в выражении временных отношений было уделено в лингвистической литературе совершенно недостаточно внимания: «В научной литературе, при всем разнообразии деталей, указывается на зависимость временных значений только от соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых. А это ведет к тому, что временные отношения иногда устанавливаются неточно, грубо, без учета реальных соотношений фактов» [18/7]. И далее он указывает на роль в выражении этих отношений «обстоятельств времени, обстоятельственных (деепричастных) оборотов, придаточных временных предложений как в совокупности, так и отдельно» [18/10]. О том, что «в ряде случаев обстоятельственные слова являются решающим фактором при определении временной соотносительности двух действий . . . (в широком смысле слова — Ю. П.)», — пишет Э. Г. Никитина [24/104]. З. Л. Тураева в связи с проблемой так называемого художественного времени также отмечает, что «соотношенность действий [подразумевается — событий] — Ю. П.] передается союзами и простым соположением предложений» [31/213].

Таким образом, постигнуть временные отношения между событиями можно на основе всех имеющихся в тексте прямых и косвенных показателей времени «только путем умозаключений,

прибегая к интеллектуальным конструкциям» [32/53]. Главная роль в выражении этих отношений принадлежит, на наш взгляд, именно лексическим показателям.

Поскольку в данном случае выражается временное расположение определенных элементов друг относительно друга, эту семантическую функцию также можно было бы назвать временной соотносительностью, но не действий, а событий. Говоря о временной соотносительности событий, мы говорим так же, как в случае с временной соотносительностью действий, о временных отношениях в целостной системе, только системой этой является не внутренняя микросистема какого-то одного события, а такая макросистема, как весь комплекс событий, составляющих, например, сюжет того или иного художественного произведения или историю того или иного государства. Участвует в выражении этих отношений не одно какое-то средство, а весь комплекс имеющихся в языке средств, служащих целям временной характеристики.

Следовательно, для термина «временная соотносительность событий» мог бы служить эквивалентом термин А. В. Бондарко «дополнительная относительная ориентация». И, возможно, он был бы даже более удачен, так как, во-первых, слово «дополнительная» подчеркивало бы, что речь идет об ориентации данного события на другие, помимо того единственного, которое служит ему временным ориентиром и отношения с которым выражаются средствами окказиональной или календарной характеристик, и, во-вторых, термин этот способствовал бы разграничению явлений временной соотносительности действий и временной соотносительности событий, устраняя возможность терминологического их отождествления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андромонова Н. А. Соотносительное употребление видо-временных форм глагола-сказуемого в сложном предложении с придаточным относительным — В кн.: Вопрос теории и методики изучения русского языка. Казань, 1960.
2. Аскин Я. Ф. Движение — форма существования материи. Пособие по диалектическому материализму. Саратов. Изд-во Саратовского ун-та, 1971.
3. Бондарко А. В. Об относительном употреблении времени в современном русском языке. — Программа и тезисы докладов к VII научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1965.
4. Бондарко А. В. Об относительном и абсолютном употреблении времени в русском языке — ВЯ, 1965, № 6.
5. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., «Просвещение», 1971.
6. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971.

7. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967.
8. Бунге М. Интуиция и наука. М., «Прогресс», 1967.
9. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947.
10. Гришко Ф. Т. Относительное употребление времени в современном русском языке. — В кн.: Материалы VIII научной конференции профессорско-преподавательского состава Усть-Каменогорского пединститута. Тезисы докладов. Усть-Каменогорск, 1966.
11. Дмитриева Л. К. Видо-временная соотносительность в паратактических конструкциях — В кн.: Программы и тезисы докладов к 7-ой научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1965.
12. Засыпкина Т. П. Об абсолютном и относительном употреблении временных глагольных форм в русском языке — В кн.: Вопросы современного русского литературного языка. Челябинск, 1970.
13. Золотова Г. Д. Очерк функционального синтаксиса русского языка. «Наука», 1973.
14. Кржижкова Е. Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке. — ВЯ, 1962, № 3.
15. Криворучко П. М. Соотносительное употребление временных форм сказуемого в сложно-подчиненном предложении с придаточным определительным. КД. Киев, 1955.
16. Криворучко П. М. Употребление временных форм сказуемого с формой прошедшего времени сказуемого главного предложения — В кн.: Наук. зап. Київського педінституту іноземних мов, т. 4, вып. I, Київ, 1959.
17. Криворучко П. М. Употребление временных форм сказуемого придаточного определительного соотносительно с формой будущего времени сказуемого главного предложения — В кн.: Граматичні та стилістичні студії з української і російської мов. Київ, 1965.
18. Котельников В. К. Выражение временных отношений в сложно-подчиненном предложении с союзом «когда». КД, Куйбышев, 1970.
19. Лунева В. П. Соотносительность видо-временных глагольных форм в сложном синтаксическом целом. КД, Саратов, 1967.
20. Лунева В. П. К употреблению прошедшего времени несовершенного вида в сложном синтаксическом целом — В кн.: Вопросы теории русского языка и методики его преподавания. Научные труды кафедры русского языка Саратовского государственного педагогического института. Саратов, 1970.
21. Лунева В. П. О соотносительном употреблении глаголов настоящего времени в сложном синтаксическом целом — В кн.: Современные проблемы русского языка и методики его преподавания в вузе и школе. Материалы XIV межвузовской конференции языковедов Поволжья. Саратов, 1972.
22. Марова Н. Д. К вопросу о языковом выражении категории времени в художественной литературе — Уч. зап. 1-го МГПИИЯ им. Т. Гореза, т. 42, М., 1968.
23. Местепаненко А. М. Размерность времени и временной порядок. — В кн.: Пространство, время, движение. М., «Наука», 1971.
24. Никитина Э. Г. Временные функции глагола в придаточных предложениях. — НДВШ, Филологические науки, 1966, № 4.
25. Новикова Е. А. Временное оформление изъяснительных предложений в русском, украинском и польском языках. КД, Воронеж, 1972.
26. Основы теории речевой деятельности. М., «Наука», 1974.
27. Павлов В. Логические функции категории пространства и времени. Киев, Изд-во Киевского ун-та, 1966.
28. Панцава И. Д., Пахомов Б. Я. Диалектический материализм в свете современной науки. М., «Наука», 1970.

29. Поспелов Н. С. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке. — В кн.: Исследования по грамматике русского литературного языка. М., Изд-во АН СССР, 1955.
30. Смирнов Л. Н. Выступление на VI Международном съезде славистов. — В кн.: Проблемы славянского языкознания. М., Изд-во АН СССР, 1962.
31. Тураева З. Я. Об участии видо-временных форм в создании художественного времени. — В кн.: Грамматические исследования. Сборник научных работ. Ч. II, Л., Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975.
32. Фресс П. Приспособление человека к времени. — Вопросы психологии, 1961, № 1.
33. Шитов В. А. Видо-временная соотносительность глаголов-сказуемых в составе однородно соподчиненных придаточных частей. — В кн.: Программа и тезисы докладов к VIII научно-методической конференции Северо-западного зонального объединения кафедр русского языка педагогических институтов. Л., 1966.
34. Шитов В. А. Видо-временная соотносительность глаголов-сказуемых в составе однородного соподчинения придаточных частей. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 471, Вологда, 1970.
35. Элькин Д. Г. Восприятие времени. М., Изд-во АПН, 1912.

О ЗНАЧЕНИИ И ОБРАЗОВАНИИ КУМУЛЯТИВНОГО (НАКОПИТЕЛЬНОГО) СПОСОБА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. А. Шелякин

Кумулятивный способ действия в русском языке выражается приставкой *на-* и сочетается главным образом с родительным падежом, который замещает винительный падеж множественного числа исходных глаголов: ср. *вязать платки-навязать платков*. А. В. Бондарко определил значение этого способа действия как обозначение различных оттенков накопления: накопление объектов или результатов, меры самого действия и определенной меры объекта [1/20], ср. *набросать окурков, навешать картинок, набедрокурить, надымить, набегать, налетать двести километров* и под. Более точное, на наш взгляд, значение этих глаголов дано в Академической грамматике (изд. 1960): «в словосочетаниях, зависимое слово которых обозначает значительное количество из возможного множества объектов, в качестве главного слова употребляются переходные глаголы с приставкой *на-* со значением полноты, достаточности действия и имени существительные в форме родительного падежа, называющие неделимое вещество или группу предметов, например: *напустить дыму, закупить книг, наговорить неприятностей*» [2/123].

Кумулятивный способ можно считать антонимичным партитивно-комплетивному способу действия по признаку количественного проявления действия исходного глагола. И тот и другой способ действия связан с родительным падежом. Но если партитивно-комплетивный способ действия сочетается с партитивным родительным в значении небольшого количества объектов (ср. *подкупить книг*), то кумулятивный способ действия сочетается с родительным в функции значительного количества объектов (ср. *закупить книг*).

Эта разница в значении родительного падежа определяется разницей в выражении количественного проявления производящего глагола. Поэтому кумулятивный способ действия относится к количественно-объемным способам действия: он всегда до-

пускает либо включение между глаголом и родительным падежом объекта слов типа «много», «множество», «уйма», «масса» и под., либо, при отсутствии родительного партитивного, — сочетание с адverbiallyными показателями увеличительно-количественной семантики. «Палей *так напылил*, что за этой пылью не заметил, как подошла к экскаватору Женья» (Паустовский), «Все повернулись к окнам, поглядели в степь. Там будто *сильно надымили* — небо, воздух были серовато-сизы, черты холмов расплывчатые, как в тумане» (А. Кожевников), «Сначала Чебодаев думал пробыть на конном заводе только часок-два: спросить, как подвигается сев, *много ли набедокурил* ураган, и ехать дальше» (А. Кожевников), «Он сам *так много набезобразничал* в собрании в разные времена, что теперь ему будет выгодно роль сурового и непреклонного ревнителя офицерской чести» (Куприн). Следовательно, кумулятивный способ действия выражает достижение действием исходного глагола итогового и значительного количества соответствующих результатов путем интенсивного или многократного осуществления.

Словообразовательные связи кумулятивного способа действия определяются его значением. Подобно партитивно-комплетивному способу действия, кумулятивный способ действия имеет в виду направленность действия на увеличение количества объектов. В связи с этим он образуется от предельных глаголов с общим значением действий, «создающих», «приобретающих», «дающих» или направленно перемещающих объекты. В этом отношении словообразовательные связи кумулятивных глаголов не отличаются от словообразовательных связей партитивно-комплетивных глаголов.

Кумулятивный способ образуется главным образом от следующих групп производящих глаголов:

а) Глаголы со значением получения партитивного количества объекта из всего множества: *колоть — наколоть сахару, косить — накосить травы, резать — нарезать хлеба, рыть — нарыть земли, дергать — надергать льна, щипать — нащипать травы, жать — нажать ржи, бить — набить стекол, грызть, лущить, шелушить — нагрызть, налущить, нашелушить семечек, крошить — накрошить табаку, ломать — наломать хворосту, рвать — нарвать цветов, скоблить — наскоблить редьки, стричь — настричь шерсти, чесать пух — начесать пуху, чистить — начистить картофеля, толочь — натолочь корицы, комкать глину (делать из глины комки) — накомкать глину, вешать — навешать сахару, мерить — намерить муки, полосовать марлю — наполосовать марли, шинковать — нашинковать капусты, межевать — намежевать земли, полоть — наполооть лебеды, сортировать — насортировать зерна, браковать — набраковать изделий, веять — навеять пшеницы* и др.

б) Глаголы со значением действий, направленных на обработку множества объектов: *пороть — напороть старого платья, поло- скать — наполоскать белья, мыть — намыть посуды, чинить — на- чинить карандашей, стирать — настирать белья, тесать — нате- сать бревен, штопать — наштопать чулок, гладить — нагладить рубашек, белить — набелить холстов, бронзировать — набронзи- ровать подсвечников, глазуриуть — наглазуриуть горшков, глянце- вать — нагляnceвать бумаги, графить — награфить бумаги, грун- товать — нагрунтовать холстов, клеймить — наклеить деталей, линовать — налиновать бумаги, воцить — навоцить бумаги, вя- лить рыбу — навялить рыбы и нек. др.*

в) Конструктивные глаголы со значением действий, направ- ленных на создание, приготовление объектов: *бурить скважины — набуриуть скважин, валять валенки — навалеть валенок, бура- вить отверстия — набуравить отверстий, варить варенье — нава- рить варенья, вязать платки — навязать платков, варить сталь — наварить стали, готовить сладкие блюда — наготовить сладких блюд, стряпать — настряпать, делать столы — наделать столов, городить заборы — нагородить заборов, ковать детали — нако- вать деталей, гнуть дуги — нагнуть дуг, копировать чертежи — наkopировать чертежей, вить веревки — навить веревок, лито- графировать гравюры — налитографировать гравюр, печь пиро- ги — напечь пирогов, плести корзины — наплести корзин, прясть нитки — напять ниток, сучить пряжу — насучить пряжи, тачать сапоги — натачать сапог, шить рубашки — нашить рубашек, строить дома — настроить домов, чеканить деньги — начеканить денег, штамповать значки — наштамповать значков, клеить кон- верты — наклеить конвертов, молоть муку — намолоть муки, ткать полотно — наткать полотна, лепить фигурки — налепить фигурок; стегать одеяла — настегать одеял, клепать заклепки — наклепать заклепок, сочинять стихи — насочинять стихов, солить огурцы — насолить огурцов, катать шарики — накатать шариков, топить молоко — натопить молока, сушить груши — засушить груш, мариновать яблоки — намариновать яблочек, мыть золото — намыть золота, жечь уголь — нажечь угля, копать ямы — нако- пать ям, строгать игрушки — настрогать игрушки, долбить отвер- стия — надолбить отверстий, курить вино — накурить вина, пла- вить олово — наплавить олова, кроить белье — накроить белья, пахтать масло — напахтать масла, плодить — наплодить, ро- дить — народить, месить тесто — намесить теста, дубить кожи — надубить кож, морозить пельмени — наморозить пельменей, ква- сить капусту — наквасить капусты, мять глину — намять глины, парить репу — напарить репы, топить воск — натопить воска, тушить мясо — натушить мяса, жарить свинину — нажарить сви- нины, жать сок — нажать сока, кипятить воду — накипятить во- ды, коксовать уголь — накоксовать угля и под., ср. также: выду- мать всякие истории — навидумать всяких историй.*

г) Глаголы со значением действий, направленных на приобретение, получение объектов: *брать воду — набрать воды, качать воду — накачать воды, копить деньги — накопить денег, брать заказы — набрать заказов, воровать вещи — наворовать вещей, грабить деньги — накрасть, награть денег, доить молоко — надоить молока, копать картошку — накопать картошки, занимать деньги — назанимать денег, ловить рыбу — наловить рыбы, багрить бревна — набагрить бревен, точить сок из березы — наточить сока из березы, удить рыбу — наудить рыбы, собирать хворост — насобирать хвороста, стрелять дичь — настрелять дичи, сшибать груши — насшибать груш, хватать бумагу — нахватать бумаги, вербовать людей — наwerben людей и др.*

д) Глаголы с семантическим признаком «давать»: *давать игрушки — надавать игрушек, дарить книги — надарить книг, обещать — «давать обещание» — наобещать, советовать — насоветовать, сулить — насулить.* Как видно из примеров, признак «давать» в отвлеченном значении имеют и глаголы речи-сообщения, предполагающие дательный падеж адресата и винительный падеж содержания сообщения. К подобным глаголам относятся также: *говорить — наговорить глупостей, лгать — налгать, врать — наврать, болтать — наболтать, бормотать — набормотать, хвалить — нахвалить* и др. Ср. непереходные глаголы речи, управляющие дательным падежом адресата и предложным винительным в значении лица-объекта: *ябедничать кому на кого — наябедничать кому на кого, клеветать — наклеветать, кляузничать — наклеузничать, фискалить — нафискалить, сплетничать — насплетничать*; ср. и глаголы, управляющие только дательным падежом адресата: *грубить кому — нагрубить кому, дерзить — надерзить, хамить — нахамить, хвастать — нахвастать, жаловаться — нажаловаться.*

е) Глаголы со значением действий, направленно перемещающих объекты или субъекты в определенное место: *бить гвозди в стену — набить гвоздей в стену, болтать яйца в молоко — наболтать яиц в молоко, вложить ветки в шалаш — наложить веток в шалаш, бросать окурки на пол — набросать окурков на пол, возить дрова в сарай — навозить дров в сарай, носить воду в кухню — наносить воды на кухню, гнать коней на ярмарку — нагнать коней на ярмарку, катать бочки в подвал — накатать бочек в подвал, кидать бумагу на пол — накидать бумаги на пол, класть дрова в печку — наложить дров в печку, метать сено на воз — наметать сена на воз, пихать вещи в чемодан — напихать вещей в чемодан, сажать, толкать людей в машину — насажать, натолкать людей в машину, совать орехи в руки — насовать орехов в руки, ставить стаканы на стол — наставить стаканы на стол, сыпать соль на стол — насыпать соли на стол, таскать песок к дому — натаскать песка к дому, трясти крошки на пол — натрясти крошек на пол, тыкать булавки в подушку — натыкать булавок*

в подушку, швырять камни в яму — нашвырять камней в яму, вешать картины на стену — навешать картин на стену, брызгать воду на стол — набрызгать воды на стол, валить хлам в угол — навалить хлама в угол, бить планки на ящик — набить планок на ящик, клеить марки на конверт — наклеить марок на конверт и под.

К непереходным глаголам данной группы относятся глаголы однонаправленного движения: *брести куда-либо — набрести* (обычно безл. — *набрело много людей на площадь*), *найти — нашло много гостей, лететь — налететь* (в комнату много мух), *бежать — набежать* (много людей в дом), *ехать — наехать* (много знакомых) и под.

ж) Непереходные глаголы, в семантической структуре которых указан определенный объектно-результативный характер их действий. К ним относятся две разновидности глаголов. Это, во-первых, отыменные глаголы, выражающие действия, направленные на получение («производство») того результата, который назван в производящих именах (часто с творительным инструментальным): *дымить — надымить табаком, пылить — напылить, коптить — накоптить* (лампа очень накопила), *мусорить — намусорить, сорить — насорить соломой, хламить — нахламить, чадить — начадить, кляксить — накляксить, грязнить — нагрязнить, фантазировать — нафантазировать, шуметь — нашуметь, скандалить* (устраивать скандал) — *наскандалить, грешить* (делать, совершать грех) — *нагрешить, каверзить — накаверзить, ерундить* (делать или говорить ерунду) — *наерундить, пакостить — напакостить, проказить — напроказить, блудить* (совершать блуд) — *наблудить* и др.

Во-вторых, это глаголы, выражающие действие, результатом которых является то, что соответствует их характеру совершения: *плевать — наплевать на пол, бедокурить* (совершать озорные поступки) — *набедокурить, безобразничать — набезобразничать, дебюширить — надебюширить, мудрить — намудрить, пакать — напакать, портачить — напортачить, шkodить — нашкодить* и под.

К кумулятивным глаголам относится ряд аналогических образований от непередельных глаголов движения типа «налетать, наездить, наплавать тысячу километров». Они отмечаются только словарями советского времени, что свидетельствует о развитии продуктивности кумулятивного способа действия в русском языке. Их специфическое (профессиональное) значение «достичь осуществлением действия какой-то более или менее значительной итоговой меры» возникло по аналогии к образованиям регулярных кумулятивных глаголов и является идиоматичным: производящие глаголы в семантической структуре таких глаголов теряют свое непередельное значение непереходного разнонаправленного движения и приобретают прямопереходное передельное значение

действия, направленного на накопление какой-то меры путем многократного осуществления разнонаправленного движения.

Особенностью кумулятивного способа действия является его одновидовой характер, хотя словари в ряде случаев приводят имперфективные формы данных глаголов (обычно без иллюстраций). Однако нам встретились в литературных примерах несколько кумулятивных глаголов в имперфективной форме, но в значении кратных действий: «Умнейшие люди завираются и *набалтывают* кучи глупостей» (Гоголь), «Он выслеживал ему иногда места, удобные для охоты, хотя по большей части и *навирали* в этом случае» (Писемский), «Отовсюду начали в город *навозить запасы*» (Пушкин), «Ноздрев *накупал* кучу всего, что... попадалось ему на глаза» (Гоголь), «Летом Григорий обычно *выезжал на дачу*: сколачивал из обрезков фанеры конуру по росту, *натаскивал* туда сухой травы» (Игишев).

Несомненно, что видовая специфика кумулятивных глаголов объясняется их семантикой: кумулятивные действия, как правило, не носят разового характера и их кратное проявление «сопротивляется» признаку итоговой накопительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.
2. Грамматика русского языка, т. 2, изд. 2-ое, АН СССР, М., 1960.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. В. Бондарко. О категориальных значениях видов русского глагола	3
Ф. Ф. Авдеев. О вторичных функциях языковых знаков в связи с вопросом о функционировании глагольных категорий вида и времени	10
А. И. Пихлак. Аспектуальность в эстонском языке (в сопоставлении с русским языком)	24
М. А. Шелякин. Предельные и непредельные глаголы несовершенного вида	43
Б. М. Гаспаров. Аспектуальные значения неопределенно-предсказуемых предложений в русском языке	64
Н. А. Луценко. Об изучении вида и других категорий причастий (замечки о состоянии и перспективах)	89
Н. А. Луценко. К характеристике некоторых личных и причастных форм как членов видовой парадигмы глагола	102
Г. Н. Панова. К вопросу о повторяемости действия и глагольном виде в русском языке	111
Ю. А. Поташкина. О сущности функционально-семантической категории временной соотносительности действий в русском языке	118
М. А. Шелякин. О значении и образовании кумулятивного (накопительного) способа глагольного действия в русском языке	136

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 439. Семантика и функционирование категории вида русского языка. Вопросы русской аспектологии III. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор М. А. Шелякин. Корректор Н. Н. Чикалова. Сдано в набор 14. VII 1977. Подписано к печати 3. II 1978. Бумага печатная № 1 60×90¹/₁₆. Печ. листов 9,0. Учетно-издат. листов 9,6. Тираж 800. МВ-01020. Зак. № 3652. Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли. 17/19. III

Цена 1 руб. 40 коп.